

ISSN 2619-0249 (Print)
ISSN 2619-0230 (Online)

2023. № 2.

Tom 6

Society & Security Insights

ISSN 2619-0249 (Print)
ISSN 2619-0230 (Online)
2023. N°2
Том 6

SOCIETY AND SECURITY INSIGHTS

ВЕСТНИК АССОЦИАЦИИ АЗИАТСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2023

УЧРЕДИТЕЛЕМ ИЗДАНИЯ ЯВЛЯЕТСЯ
ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»
Издается в сотрудничестве
с Ассоциацией азиатских университетов,
Евразийским национальным университетом имени Л. Н. Гумилева

Главный редактор журнала

С. Г. Максимова, доктор социологических наук, профессор,
заведующая кафедрой психологии коммуникаций и психотехнологий,
директор Азиатского экспертно-аналитического центра
Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия)

Заместитель главного редактора

О. Е. Ноянзина, кандидат социологических наук, доцент,
Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Выпускающий редактор

Д. А. Омельченко, кандидат социологических наук, доцент,
Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

ISSN 2619-0249 (Print)

ISSN 2619-0230 (Online)

ISSN 2619-0249 (Print)
ISSN 2619-0230 (Online)
2023. N°2
Vol. 6

SOCIETY AND SECURITY INSIGHTS

BULLETIN OF THE ASSOCIATION OF ASIAN UNIVERSITIES

Barnaul

Publishing house
of Altai State
University
2023

THE FOUNDERS OF THE PUBLICATION ARE
Altai State University
In partnership with Association of Asian Universities,
Eurasian National University

Editor-in-chief

Svetlana Gu. Maximova, Dr. Sci. (Sociology), Professor,
Head of Department of Psychology of Communications and Psychotechnologies,
Director of the Asian Expert-Analytical Center at the Altai State University (Barnaul, Russia)

Deputy Editor-in-chief

Oksana E. Noyanzyna, Cand. Sci. (Sociology), Associate Professor at the Altai State University,
Consultant for the Division of Collaboration with Civil Society Institutions of the Department
of Internal Policy at the Altai territory Governor's Office (Barnaul, Russia)

Managing Editor

Daria A. Omelchenko, Cand. Sci. (Sociology),
Associate Professor at the Altai State University (Barnaul, Russia)

ISSN 2619-0249 (Print)

ISSN 2619-0230 (Online)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А. Вакру, PhD, исполнительный директор Центра российских и евразийских исследований им. Дэвиса Гарвардского университета (Кембридж, США)

С. Бакли, PhD, профессор социологии, член исполнительного комитета Центра российских, восточно-европейских и евразийских исследований, Иллинойский университет (Иллинойс, США)

А. М. Есдаулетова, доктор исторических наук, профессор, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева (Астана, Казахстан)

Н. О. Байгабылов, PhD по социологии, заведующий кафедрой социологии, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева (Астана, Казахстан)

О. В. Калдыбаева, PhD по социологии, доцент, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева (Астана, Казахстан)

И. Н. Молодикова, кандидат географических наук, научный сотрудник Центрально-Европейского университета (Будапешт, Венгрия)

Т. З. Козлова, доктор социологических наук, профессор, Институт социологии РАН (Москва, Россия)

Т. Н. Юдина, доктор социологических наук, профессор, Российский государственный социальный университет (Москва, Россия)

А. Ю. Мягков, доктор социологических наук, профессор, Ивановский государственный энергетический университет (Иваново, Россия)

В. В. Орлова, доктор социологических наук, профессор, Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники (Томск, Россия)

Т. М. Дадаева, доктор социологических наук, профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия)

О. Т. Лойко, доктор социологических наук, профессор, Институт социально-гуманитарных технологий Национального исследовательского Томского политехнического университета (Томск, Россия)

С. П. Парамонова, доктор философских наук, профессор, Пермский национальный исследовательский политехнический университет (Пермь, Россия)

Г. В. Жигунова, доктор социологических наук, профессор, Мурманский арктический государственный университет (Мурманск, Россия)

Л. А. Осъмук, доктор социологических наук, профессор, Новосибирский государственный технический университет (Новосибирск, Россия)

В. П. Шалаев, доктор философских наук, профессор, Поволжский государственный технологический университет (Йошкар-Ола, Россия)

Е. А. Попов, доктор философских наук, профессор, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

О. Л. Сытых, доктор философских наук, профессор, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

М. И. Черепанова, доктор социологических наук, доцент, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

В. А. Должиков, доктор исторических наук, профессор, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

В. С. Бойко, доктор исторических наук, профессор, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

EDITORIAL BOARD

Alexandra Vacroux, PhD, executive director of the Davis Center for Russian and Eurasian Studies at Harvard University (Cambridge, USA)

Cynthia Buckley, PhD, Professor of Sociology at the University of Illinois, Urbana-Champaign, Executive Committee member at the Russian, East European, and Eurasian Center (REEEC) at the University of Illinois (Illinois, USA)

Ardak M. Esdauletova, Dr. Sci. (History), Professor at the L.N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Kazakhstan)

Nurlan O. Baigabylov, PhD (Sociology), Head of Sociology Department at the L.N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Kazakhstan)

Olga V. Kaldybaeva, PhD (Sociology), Associate Professor at the L.N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Kazakhstan)

Irina N. Molodikova, Cand. Sci. (Geography), Research Fellow at the Central European University (Budapest, Hungary)

Tatiana Z. Kozlova, Dr. Sci. (Sociology), Professor at the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Tatiana N. Yudina, Dr. Sci. (Sociology), Professor at the Russian State Social University (Moscow, Russia)

Alexander Yu. Myagkov, Dr. Sci. (Sociology), Professor at the Ivanov State University (Ivanovo, Russia)

Vera V. Orlova, Dr. Sci. (Sociology), Professor at the Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russia)

Tatiana M. Dadaeva, Dr. Sci. (Sociology), Professor at the Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia)

Olga T. Loiko, Dr. Sci. (Philosophy), Professor at the Institute of Social-Humanitarian Technologies of Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russia)

Svetlana P. Paramonova, Dr. Sci. (Philosophy), Professor at the Perm State Polytechnic University (Perm, Russia)

Galina V. Zhigunova, Dr. Sci. (Sociology), Professor at the Murmansk State Arctic University (Murmansk, Russia)

Ludmila A. Osmuk, Dr. Sci. (Sociology), Professor at the Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russia)

Vladimir P. Shalaev, Dr. Sci. (Philosophy), Professor at the Volga State University of Technology (Yoshkar-Ola, Russia)

Evgeniy A. Popov, Dr. Sci. (Philosophy), Professor at the Altai State University (Barnaul, Russia)

Olga L. Sythyk, Dr. Sci. (Philosophy), Professor at the Altai State University (Barnaul, Russia)

Marya I. Cherepanova, Dr. Sci. (Sociology), Associate Professor at the Altai State University (Barnaul, Russia)

Vyacheslav A. Dolzhikov, Dr. Sci. (History), Professor at the Altai State University (Barnaul, Russia)

Vladimir S. Boiko, Dr. Sci. (History), Professor at the Altai State University (Barnaul, Russia)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

М. С. Имомзода президент Ассоциации азиатских университетов, ректор Таджикского национального университета, доктор философских наук, академик (Душанбе, Таджикистан)

Е. Б. Сыдыков ректор Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, доктор исторических наук, профессор

М. М. Абишева кандидат исторических наук, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева (Астана, Казахстан)

С. В. Землюков президент Алтайского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (Барнаул, Россия)

С. Н. Бочаров ректор Алтайского государственного университета, доктор экономических наук, заведующий кафедрой экономики предпринимательства и маркетинга (Барнаул, Россия)

Р. И. Райкин проректор по развитию международной деятельности Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия)

С. И. Межов доктор экономических наук, директор Международного института экономики, менеджмента и информационных систем, заведующий кафедрой финансов и кредита Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия)

EDITORIAL COUNCIL

Makhmadyusuf S. Imomov President of the Association of Asian Universities, the Rector of the Tajik National University, Dr. Sci. (Philosophy), Academician (Dushanbe, Tajikistan)

Yerlan B. Sydykov Rector of L.N. Gumilyov Eurasian National University, Dr. Sci. (History), Professor (Astana, Kazakhstan)

Madina M. Abischeva Cand. Sci. (History), Deputy Dean of the International Relations Faculty at the L. N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Kazakhstan)

Sergey V. Zemlyukov Dr. Sci. (Law), President of the Altai State University (Barnaul, Russia)

Sergey N. Bocharov Dr. Sci. (Economics), Rector of the Altai State University, Head of Department of Business Economics and Marketing (Barnaul, Russia)

Roman I. Raikin Vice-Rector on International Affairs Development of the Altai State University (Barnaul, Russia)

Stepan I. Mezhov Dr. Sci. (Economics), Director, Head of the Department of Banking and Finance of the International Institute of Economics, Management and Informational Systems (IEMIS) of the Altai State University (Barnaul, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ИНТЕГРАЦИЯ И БЕЗОПАСНОСТЬ В СТРАНАХ АЗИАТСКОГО РЕГИОНА

Влияние интеграционных процессов на развитие национально-правовых систем стран постсоветского пространства 13

А. Ю. Мохорова, В. П. Демидов, Е. Долженкова

Создание технологий в России и внешняя торговля ими: территориальные различия 29

Н. М. Полянская

Евразийская интеграция: пространственный аспект 44

З. П. Замираева, Т. А. Балина

Социальная поддержка интеграции и развития образования в Евразии 62

Т. П. Липай, М. Р. Геворгян

Опыт Монголии в использовании систем электронного управления и актуальные вызовы 72

Б.и Дагва-Очир, Б. Даидаваа

ГОСУДАРСТВО, ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И СТАБИЛЬНОСТЬ

Формирование и выстраивание инструментария обеспечения наркобезопасности современного общества: на опыте Управления по наркотикам и преступности ООН и Европейского центра мониторинга наркотиков и наркомании 90

В. Е. Шинкевич, Т. В. Куприянчик

Продовольственное благополучие жителей региона в контексте обеспечения продовольственной безопасности 99

И. Н. Дементьева

Типология населения по отношению к ценности человеческой жизни: здоровьесберегательный аспект	116
<i>А. В. Короленко</i>	

СОЦИАЛЬНЫЕ, КУЛЬТУРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И БЕЗОПАСНОСТЬ

Моделирование этнокультурной дипломатии: изоморфизм акторов и уровневая корреляция направлений деятельности	134
<i>С. Н. Абдуллаев, Г. С. Абдуллаева</i>	

Развитие творческого потенциала личности в условиях цифровизации и цифровой социальной среды	150
<i>В. А. Шелгинская</i>	

Эмоциональный аспект гражданской идентичности жителей российского приграничья	165
<i>Д. К. Щеглова</i>	

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ И ПЕРВЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ОПЫТ

Уровень жизни молодежи в регионе: динамика субъективных оценок	182
<i>К. Е. Косыгина, Н. Г. Захаров</i>	

Теоретико-методологические аспекты формирования гражданской идентичности подростков	199
<i>Р. В. Тищенко</i>	

Физическая активность пожилых граждан в условиях межпоколенческих взаимодействий: обзор зарубежных исследований	211
<i>Л. В. Тарасова</i>	

СОБЫТИЯ НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

О сетевом взаимодействии научных и образовательных центров (по материалам Международной научной конференции «Евразийская интеграция в новых условиях: особенности и перспективы»)	223
<i>Г. И. Осадчая, О. А. Волкова, С. Г. Максимова</i>	

CONTENTS

INTEGRATION AND SECURITY IN ASIAN REGION

- The Influence of Integration Processes
on the Development of National Legal Systems of Post-Soviet Countries 14**
A. Yu. Mokhorova, V. P. Demidov, E. Dolzhenkova
- Creation and Foreign Trade of Technologies in Russia:
Territorial Differences 30**
N. M. Polyanskaya
- Eurasian Integration: Spatial Aspect 45**
Z. P. Zamaraeva, T. A. Balina
- Social Support of Integration and Education Development in the Eurasia 61**
T. P. Lipai, M. R. Gevorgyan
- Mongolia's Experience in E-Governance and Current Challenges 71**
B. Dagva-Ochir, B. Dashdavaa

STATE, CIVIL SOCIETY AND STABILITY

- Formation and Development of Tools to Ensure Drug Safety of Modern Society:
Based on the Experience of the United Nations Office on Drugs and Crime
and the European Monitoring Center for Drugs and Drug Addiction 91**
V. E. Shinkevich, T. V. Kupriyanchik
- Food Welfare of Regional Residents in the Context of Food Security 100**
I. N. Dementieva
- Typology of the Population in Relation to the Value of Human Life:
Health-Saving Aspect 117**
A. V. Korolenko

SOCIAL, CULTURAL RESEARCHES AND SECURITY

**Modeling of Ethno-Cultural Diplomacy:
Isomorphism of Actors and Level Correlation of Activities 135**

S. N. Abdullayev, G. S. Abdullayeva

**Development of the Youth Creative Potential
in the Conditions of Digitalization and Digital Social Environment.....151**

V. A. Shelginskaia

**Emotional Aspect of Civil Identity of the Residents
of the Russian Border Region 165**

D. K. Shcheglova

BRIEF COMMUNICATIONS AND THE FIRST RESEARCH EXPERIENCE

Standards of Living of Youth in the Region: Dynamics of Subjective Assessments183

K. E. Kosygina, N. G. Zaharov

**Theoretical and Methodological Aspects of the Formation of the Civic Identity
of Adolescents.....200**

R. V. Tishchenko

**Physical Activity of Senior Citizens in the Context of Intergenerational Interactions:
Overview of Foreign Studies 212**

L. V. Tarasova

EVENTS OF SCIENTIFIC LIFE

**About Network Contacts of Scientific and Educational Centers (Based on the
Materials of the International Scientific Conference “Eurasian Integration in the
New Conditions: Features and Prospects”) 224**

G. I. Osadchaya, O. A. Volkova, S. G. Maximova

ИНТЕГРАЦИЯ И БЕЗОПАСНОСТЬ В СТРАНАХ АЗИАТСКОГО РЕГИОНА

INTEGRATION AND SECURITY IN ASIAN REGION

Научная статья / Research Article

УДК 316.14

DOI: 10.14258/SSI(2023)1-01

Влияние интеграционных процессов на развитие национально-правовых систем стран постсоветского пространства

Анна Юрьевна Мохорова¹

Владимир Павлович Демидов²

Екатерина Долженкова³

---

¹ Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия;
mokhorova@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9161-6959>

² Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия;
demidov-vp@spbstu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9743-2672>

³ Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия;
skinx@inbox.lv, <https://orcid.org/0000-0003-0261-763X>

Аннотация. В рамках конвергенции национальные правовые системы целого ряда государств, возникших в начале 90-х гг. XX столетия, приобрели черты, свойственные романо-германской правовой семье, в связи с чем основополагающие принципы права, которые реализуются в рамках моделей развития этих стран, приобрели качественно новую природу, отражающую коренные преобразования государственно-политического устройства. Целью исследования является рассмотрение особенностей национальных правовых систем стран постсоветского пространства, сформировавшихся под влиянием интеграционных процессов правового характера, проистекавших на территории бывших республик

СССР. Задачи исследования заключаются в изучении основных тенденций государственно-правового характера, выявлении влияния норм международного права на законодательство новых субъектов международных отношений, а также установлении влияния интеграции ряда государств в различные межгосударственные объединения на национально-правовые системы. Для достижения результатов используется формально-юридический, аналитический и историко-правовой методы исследования. В ходе исследования установлено, что национально-правовые системы государств, ранее входивших в состав СССР, органически сориентированы на нормативные требования, реализующиеся в рамках международных организаций, членами которых они являются, что ведет к определенной унификации регулирования общественных отношений, не исключающей сохранения национальных правовых традиций. Процесс сближения правовых систем отдельных постсоветских стран носит медленный, неравномерный, не всегда поступательный характер, тем не менее закладывает основы совместной деятельности по целому ряду вопросов, выходящих за пределы юрисдикции конкретного государства или требующих совместных усилий для эффективного решения.

Ключевые слова: национально-правовые системы, постсоветское пространство, страны СНГ, международная интеграция, региональные организации

Для цитирования: Мохорова А. Ю., Демидов В. П., Долженкова Е. Влияние интеграционных процессов на развитие национально-правовых систем стран постсоветского пространства // Society and Security Insights. 2023. Т.6, № 2. С. 13–28. doi: 10.14258/ssi(2023)2-01.

The Influence of Integration Processes on the Development of National Legal Systems of Post-Soviet Countries

Anna Yu. Mokhorova¹
Vladimir P. Demidov²
Ekaterina Dolzhenkova³

---

¹Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia; mokhorova@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9161-6959>

²Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia; demidov-vp@spbstu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9743-2672>

³Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia; skinx@inbox.lv, <https://orcid.org/0000-0003-0261-763X>

Abstract. As part of the convergence, the national legal systems of a number of states that emerged in the early 90s of the twentieth century acquired features characteristic of the Romano-German legal family, and therefore the fundamental principles of law that are implemented within the development models of these countries have acquired a qualitatively new nature, reflecting the fundamental transformations of the state-political structure. The purpose of the study is to consider the features of the national legal systems of the post-Soviet countries, formed under the influence of integration processes of a legal nature that occurred on the territory of the former

republics of the USSR. The objectives of the study are to study the main trends of a state-legal nature, to identify the influence of international law norms on the legislation of new subjects of international relations, as well as to establish the influence of the integration of several states into various interstate associations on national legal systems. Formal-legal, analytical, and historical-legal research methods are used to achieve the results. The study found that the national legal systems of the states that were previously part of the USSR are organically oriented towards regulatory requirements implemented within the framework of international organizations of which they are members, which leads to a certain unification of the regulation of public relations, which does not exclude the preservation of national legal traditions. The process of convergence of the legal systems of individual post-Soviet countries is slow, uneven, not always progressive, but nevertheless lays the foundations for joint activities on several issues that go beyond the jurisdiction of a particular State or require joint efforts for effective solutions.

Keywords: post-Soviet space, CIS countries, national legal systems, international integration, regional organizations

For citation: Mokhorova, A. Yu., Demidov, V. P., & Dolzhenkova, E. (2023). The Influence of Integration Processes on the Development of National Legal Systems of Post-Soviet Countries. *Society and Security Insights*, 6(2), 13–28. (In Russ.). doi: 10.14258/ssi(2022)2-01.

Введение

В конце XX — начале XXI столетия усилились процессы международной интеграции, что объективно отражается на состоянии национально-правовых систем многих государств. В рамках интеграционного взаимодействия формируется схожая политика государств в определенных сферах жизнедеятельности, что требует придания нормам права единообразного содержания. Чем более близки системы законодательства государств, тем выше эффективность их взаимодействия в рамках международного сообщества, так как все интеграционные процессы непременно реализуются в рамках правового поля, которое является важной предпосылкой для взаимодействия, а его однородность создает прочное основание сотрудничества.

При анализе факторов, влияющих на формирование и развитие национально-правовых систем стран постсоветского пространства, необходимо выделить следующие.

Во-первых, до 1991 г. эти страны входили в единое государство, являвшееся лидером социалистической правовой семьи, которая по своим основным чертам была ориентирована на построение общества особого типа в рамках теории научного коммунизма и в соответствии с подходами марксизма. Данное обстоятельство получило воплощение в том, что право социалистических государств во многом базировалось на идеологии создания коммунистического общества и принадлежности политической власти партии, стремящейся к построению новых государственно-политических отношений, часто игнорировавших объективные законы развития, в том числе экономического.

Государственно-политические режимы стран, сформировавшихся на постсоветском пространстве, закрепили новые реалии социальной жизни в нацио-

нальных правовых системах. Тем не менее правовые системы еще продолжает сближать целый ряд причин, среди которых можно выделить единую базу правового понимания — юридический позитивизм, действующий массив прежних нормативно-правовых актов, правопреемственность правовых подходов.

Во-вторых, сближению правовых систем способствует и наличие единых международных стандартов по целому ряду вопросов правового регулирования, содержащихся в конвенциях, принятых и ратифицированных государствами, и резолюциях международных организаций, в первую очередь ООН. Универсальные международные стандарты формируют общие требования к государствам и устанавливают необходимость принятия мер к их выполнению, в том числе путем внесения изменений в национальное законодательство.

В-третьих, все государства, находящиеся на территории бывшего СССР, исходя из своих национальных приоритетов, интегрируются в определенные международные политико-экономические объединения, которые предоставляют им дополнительные возможности развития. Право, как важнейший механизм государственного воздействия на ключевые общественные отношения, стало претерпевать значительные изменения, особенно касающиеся ведущих отраслей, задействованных в интеграционном процессе, в частности, гражданского, административного, таможенного, уголовного, экологического.

Необходимо помнить также о различных правовых и религиозных традициях, которые сохранялись в рамках единого советского государства и влияли на создание и действие специфических норм на отдельных его территориях.

Данные факторы послужили основой для формирования современных контуров национально-правовых систем.

Материалы и методы

Рассматривая тенденции развития национально-правовых систем государств, возникших на территории бывшего Советского Союза, можно отметить, что их векторы формирования существенно различаются, в связи с чем в исследовании используются формально-юридические приемы, позволяющие четко отграничить по качественным признакам государственные правовые концепции. Применение аналитического метода позволяет изучить взаимосвязи правовых систем постсоветского пространства в контексте их взаимодействия с установлениями международных интеграционных объединений. При рассмотрении особенностей создания национально-правовых систем, возникших в конце XX — начале XXI в., применялись приемы и способы, характерные для историко-правового метода исследования правовой материи с целью выяснения основополагающих тенденций развития права в новых государственных образованиях.

Исследование базировалось на изучении и анализе международных соглашений и резолюций Организации Объединенных Наций, модельных кодексов и законов Содружества Независимых Государств, модельного законодательства и рекомендаций Организации Договора о коллективной безопасности, правовых

документов Евразийского экономического союза и национального законодательства отдельных стран постсоветского пространства.

В научной литературе необходимо выделить интерес исследователей к дискуссиям по следующим вопросам, рассматриваемым в данной работе. Теоретический вопрос, связанный с понятийным аппаратом и необходимостью его дополнительной разработки и уточнения, рассматривается в трудах целого ряда авторов. Так, проблемам определения терминов «гармонизация», «унификация», «правовая конвергенция», «адаптация» и «сближение» уделено внимание в работах Т.К. Канатова, Е.Е. Орловой, Р.М. Натхо и др. (Канатов, 2021: 56; Орлова, 2021: 151; Натхо, 2021: 108–109). В данной работе под правовой конвергенцией понимается процесс сближения норм права, принадлежащих к разным правовым системам. Данный процесс может быть реализован в форме унификации и гармонизации. При этом первая предполагает имплементацию международной нормы, а вторая — приведение норм различных систем к взаимному соответствию.

Рассматривая вопросы гармонизации национальных законодательств, можно выделить следующие ее направления. Наблюдается рост межпарламентского сотрудничества и создания в национальных парламентах «групп дружбы» (Вода, 2021: 128), целью которых является взаимодействие с законодательными органами других стран в рамках парламентской дипломатии. Возрастает парламентское взаимодействие в рамках Парламентских ассамблей международных организаций (Баранник, Петрович-Белкин и Рахимов, 2020).

Модельное законодательство, как правовое явление, рассматриваемое обычно в рамках процесса гармонизации, также выступает в качестве дискуссионного вопроса (Домрачев, Кирилловых, 2019). Его роль в формировании национальных законодательств существенно различается: от обязательной и имеющей прямое действие в рамках Европейского Союза до рекомендательной и рамочной в рамках СНГ.

Активно исследуются особенности гармонизации законодательства в рамках СНГ, ЕАЭС и ОДКБ применительно к конкретным сферам общественных отношений: таможенного регулирования (Вараксина, Рудакова, 2020; Поздеев, 2021), интеллектуальной собственности (Шугуров, Шугурова, 2019), наследования (Короткова, 2021), избирательного права (Лысенко, Заславский, 2019) и целого ряда других.

Результаты и обсуждение

Возникновение молодых государств на территории бывшего Советского Союза неизбежно повлекло преобразование правовых подходов и методов регулирования важнейших общественных отношений на территории каждой конкретно взятой страны и объективно потребовало создания самостоятельных национальных правовых систем. Все реформы государственно-политического характера невозможны без создания эффективно действующего правового механизма, обеспечивающего устойчивую регламентацию важнейших общественных отношений. Такие историко-политические обстоятельства повлекли возникновение разнонаправленных векторов развития государственно-правовых

институтов, что отражает разнообразие условий политического, исторического, правового, культурного, национального характера, свойственного всем странам постсоветского пространства. Одни из них стали формировать основы национальных правовых систем исходя из тенденций ориентированности на Евросоюз и НАТО, другие страны реализуют правовые подходы исходя из концепции сохранения и развития Содружества Независимых Государств как международного политико-правового объединения.

Поскольку в силу исторических процессов Россия играет доминирующую роль на постсоветском пространстве, ее концепции правового формирования оптимальной модели государственности существенно сказываются на приоритетах постепенного создания устойчивых национально-правовых систем в каждой стране, входящей в СНГ.

Россия в соответствии с определяющей ролью на евразийской территории распавшегося советского государства закономерно реализует функции лидера многих государственно-политических объединений, что проявляется в сильном влиянии правовых концепций российской государственности на создание новых правовых основ, на базе которых вновь образовавшиеся страны в той или иной степени регулируют отношения между указанными субъектами международного права, при этом ставя свои национальные приоритеты в качестве определяющих в многочисленных разнообразных межгосударственных связях.

Для формирования государственности бывших республик СССР характерным стало то, что большинство из них вошли в 1991 г. в новое межгосударственное образование — Содружество Независимых Государств¹. Такой подход стал реальным воплощением тесных взаимосвязей в области экономики, политики, социальной сферы и национальных отношений между всеми появившимися странами как отражение объективных обстоятельств исторического плана постепенного создания единого государства, которое вначале было Российской Империей, а затем в результате революционных катаклизмов преобразовалось в СССР. Однако в состав СНГ вошли не все бывшие республики, ранее являвшиеся частью пространства СССР. В частности, страны Балтии не проявили желания быть членами нового межгосударственного объединения, так как ориентировались на участие во внешнеполитическом сближении с государствами Европейского Союза.

Формирование национальных государств на территории бывшего Советского Союза потребовало изменений в их подходах к решению проблем, которые приобрели во многом индивидуальный характер, свойственный той или иной стране в зависимости от условий, сложившихся на период приобретения независимости.

Ввиду того что члены данного содружества приобрели статус субъектов международного права, они в полной мере могли в рамках межгосударственных договоров отстаивать свои приоритеты (Morachevskaya, Karpenko, & Sebentsov, 2022) при реализации многочисленных связей с другими участниками Содружества. Всем членам СНГ пришлось достигать взаимоприемлемых компромиссных решений, позволяющих в той или иной форме учитывать национальные пред-

¹ Алма-Атинская декларация. URL: <http://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=4>.

почтения конкретных государственных образований, что стало основанием для постепенного образования определенного уровня правового регулирования отношений, связывающих эти страны.

На первый план выходят вопросы экономического взаимодействия между участниками данной международной организации, как имеющие ключевое значение для осуществления социально-экономического строительства в каждой стране постсоветского пространства. В качестве примеров сотрудничества по разрешению проблем экономической сферы можно привести многочисленные договоры, заключенные в рамках Содружества, имеющие многосторонний характер и выступающие надежным правовым основанием для развертывания многообразия связей между участниками указанного международного объединения¹.

Однако процессы интеграции государств — членов СНГ постоянно наталкиваются на различие подходов субъектов международно-правовых отношений к выработке единых позиций по наиболее актуальным аспектам политико-правового сотрудничества вышеназванных стран.

Следует отметить, что темпы интеграции в различные периоды времени существенно различаются исходя из геополитических реалий, сложившихся в определенные моменты на евразийском пространстве. Кроме того, после создания данной международной организации некоторые страны вышли из нее или практически полностью прекратили сотрудничество. К таким относятся Грузия, Украина. В указанных государствах в XXI в. резко изменились политические условия, что выразилось в разрыве многих связей между ними и другими участниками СНГ; это отразилось в законодательной политике вышеназванных стран, в их нормативно-правовых актах был сделан упор на особенности национальной государственности и необоснованные ограничения в отношении русскоязычного населения, в частности свободного использования русского языка в процессе обучения в образовательных учреждениях, а также в социально-политической сфере в целом. Такой подход не соответствует основополагающим международно-правовым актам, регулирующим межнациональные отношения и исключающим любые формы национально-политической дискриминации в повседневной жизнедеятельности населения.

Для тех стран — членов СНГ, которые стремятся использовать преимущества этого межгосударственного объединения, актуальным представляется выработка согласованных правовых позиций по вопросам политического, социального, национального, экологического характера. Это могут быть правовые документы разной формы: кодексы, соглашения, конвенции, многосторонние договоры. Такой гибкий подход позволит в большей степени учесть интересы

¹ Соглашение о формировании и развитии рынка интеллектуальной собственности государств — участников СНГ от 01.06.2018. URL: <https://cis.minsk.by/reestr2/doc/5783#documentCard>; Соглашение о содействии в создании и развитии производственных, коммерческих, кредитно-финансовых, страховых и смешанных транснациональных объединений от 15.04.1994. URL: <https://cis.minsk.by/reestr2/doc/335#documentCard>; Соглашение о создании благоприятных правовых, экономических и организационных условий для расширения лизинговой деятельности в Содружестве Независимых Государств от 12.10.2005. URL: <https://cis.minsk.by/reestr2/doc/1849#documentCard> и др.

любого участника Содружества и добиться более тесного взаимодействия между ними в правовой сфере. Решать эту задачу возможно только в условиях плотного сотрудничества представителей законодательных органов государств, входящих в СНГ, правоохранительных структур и политических лидеров, возглавляющих страны Содружества в данный период времени.

В условиях быстро меняющихся международных отношений государства — члены СНГ стоят перед необходимостью выработать основополагающие концептуальные установки, опирающиеся на тщательно разработанные правовые соглашения, охватывающие ключевые сферы взаимодействия, актуальные для всех участников Содружества. Такой подход конструктивно приемлем с учетом как сходных политико-правовых проблем, стоящих перед всеми членами указанного международного объединения, так и вопросов особенного характера, отражающих специфику государственно-правовой деятельности на территории конкретного субъекта международно-правовых отношений.

В связи с тем, что СНГ «продемонстрировало недостаточную эффективность» (Петрович-Белкин, 2019: 105), РФ стала участником более узких по кругу лиц и специальных по сфере деятельности международных организаций на постсоветском пространстве.

Так, необходимо отметить удачный опыт создания устойчивого экономического сотрудничества в рамках такой организации, как Евразийское Экономическое Сообщество (ЕврАзЭС)¹, учрежденной в 2000 г., в состав которой вошли Россия, Белоруссия, Казахстан, Киргизия и Таджикистан. Данная организация образовалась с целью усиления экономических взаимосвязей и создания единого таможенного пространства для более эффективного развития государств, вошедших в это объединение (Dragneva, Hartwell, 2022), а также для достижения гармонизации национального законодательства, регулирующего имущественные, таможенные, социальные отношения.

В рамках ЕврАзЭС государства проводили единую политику, направленную на дальнейшую интеграцию в таможенной, экономической, социальной сферах, что позволяет странам-участникам использовать преимущества объединения и предоставляет дополнительные возможности и ресурсы для разрешения хозяйственно-экономических проблем, стоящих перед ними. Опыт ЕврАзЭС положительно сказался на экономическом развитии государств постсоветского пространства.

Постепенно практические вопросы расширения взаимодействия в социально-экономической сфере потребовали согласованного изменения законодательных подходов к регулированию хозяйственных, торговых, таможенных отношений в правовых системах стран-участников, что привело к преобразованиям формы межгосударственного объединения в виде Евразийского экономического союза

---

¹ Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества Подписан в г. Астане 10.10.2000. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_106656/9de634524bf240b8af62775d12970717bdf3db30/

(ЕАЭС)¹. Тем самым создаются прочные правовые основы более тесного разнообразного взаимодействия в государствах, относящихся к этому объединению.

Представляется справедливым, что в дальнейшем в основу создания и функционирования Единого экономического пространства «должны быть положены следующие составляющие: общая политика экономической безопасности; скоординированная внешнеэкономическая политика государств-членов; общие правовые основы; сотрудничество в гуманитарной сфере» (Безбородов, 2018).

В рамках ЕАЭС государства-участники ориентированы на определенную последовательность гармонизации национального законодательства. В данном контексте происходит сближение подходов, регулирующих важнейшие экономические и социальные вопросы, от решения которых зависит устойчивость данного международного объединения и достижение стабильных положительных результатов в развитии ключевых отраслей народного хозяйства. Вместе с тем все страны вышеназванной международной организации проявляют различные подходы к мерам интеграционного взаимодействия, что касается прежде всего такой стороны, как выработка политико-правовых основ единых позиций указанных стран при их деятельности на международной арене. Как представляется, эффективным вариантом для закрепления данной тенденции выступает создание межгосударственных органов. В рамках экономического взаимодействия в ЕАЭС действует несколько комиссий на постоянной основе, где осуществляется на высоком уровне представительства сближение позиций государств-участников в области выработки единых подходов, касающихся таможенной сферы, торговли, энергетики, разработки и использования природных ресурсов. То есть фактически такая модель взаимодействия может быть распространена на остальные грани политико-правового характера, что требует направленности государственной воли каждой из вышеперечисленных стран в более или менее близкое русло. Отсутствие парламентского измерения в рамках ЕАЭС выступает сдерживающим фактором интеграционного взаимодействия, так как на национальные парламенты ложится сложная задача по приведению внутренних законов в соответствие со сложившейся договорно-правовой базой. Укрепление политических структур ЕАЭС, создание институциональной структуры представляется важным с точки зрения не только согласования суверенных прав государств в этом международном объединении, но и создания прочных правовых основ в виде возможности принятия модельных законодательных актов, содержание которых позволило бы обеспечить сходные нормативно-правовые подходы во всех вышеперечисленных.

Тесное взаимодействие пяти стран в этой международной организации в полной мере соответствует процессам глобализации, происходящим на мировой арене, и усиливает конкурентоспособность участников ЕАЭС перед другими государствами и международными объединениями.

В 1992 г. исходя из необходимости оказания всесторонней помощи друг другу, в том числе военного характера, несколько республик бывшего Советского Со-

¹ Договор о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0003610/itia_05062014

юза, ставшие независимыми государствами, заключили Договор о коллективной безопасности¹. До 2002 г. Договор по своей сути представлял собой региональное соглашение, которое сыграло важную роль в поддержании тесного сотрудничества и взаимопонимания в военно-политической области. Советом коллективной безопасности 14 мая 2002 г. в Москве было принято Решение о придании Договору о коллективной безопасности статуса международной региональной организации² — ОДКБ. Ее состав несколько раз изменялся в связи с тем, что некоторые участники прекратили свое членство исходя из изменений приоритетов внешнеполитического характера. В настоящее время членами Организации Договора о коллективной безопасности являются: Россия, Беларусь, Армения, Казахстан, Киргизия, Таджикистан. Они совместно осуществляют мероприятия в военно-технической области с целью противодействия международному терроризму и экстремистской активности различных межгосударственных организаций.

В рамках ОДКБ разработаны единые базовые принципы и подходы к правовому регулированию вопросов безопасности, создана методика гармонизации законодательства международными документами и решениями органов ОДКБ. Парламентская ассамблея ОДКБ принимает модельные законы и рекомендации, содержание которых носит более четкий характер и создает жесткие рамки для государств-участников по формированию национального законодательства по вопросам, входящим в предмет ведения организации. Положительный итог деятельности организации проявился в начале 2022 г., когда возник значительный по напряженности очаг социально-политических противоречий в Республике Казахстан, который был потушен в результате ввода вооруженных формирований сил Организации Договора о коллективной безопасности. Позитивная роль указанной организации стала возможной во многом в результате определенной унификации законодательства государств — членов данного международного объединения в сфере обеспечения общественной безопасности в военной и политической областях³.

Кроме того, значительное влияние на гармонизацию законодательства оказывает факт создания союзного государства, в состав которого входят Белоруссия и Российская Федерация. В рамках этого объединения наблюдается тенденция все большего взаимодействия национальных правовых систем России и Белоруссии, что создает эффективные предпосылки для более тесных взаимосвязей в области экономического, социального, политического, военного, культурного строительства, а возможно, для формирования единого правового пространства.

Положительным моментом для расширения интеграционных процессов национально-правовых систем государств, входящих в Содружество Независимых

---

¹ Договор о коллективной безопасности, Ташкент, 15 мая 1992. URL: <https://base.garant.ru/1118890/>

² Официальный сайт ОДКБ. URL: <https://odkb-csto.org/25years/index.php>

³ Заявление Председателя Совета коллективной безопасности ОДКБ — Премьер-министра Республики Армения Никола Пашиняна 6 января 2022 года. URL: <https://odkb-csto.org/mirotvorcheskaya-operatsiya-odkb-v-kazakhstane-6-19-yanvary-2022-goda/>

Государств, выступает такое обстоятельство, как их членство в других авторитетных международных государственно-политических объединениях, в частности Шанхайской организации сотрудничества. Кроме того, отдельные страны СНГ в зависимости от их географического положения подписали международные соглашения по совместному использованию преимуществ единой транспортной системы, позволяющей им ликвидировать монополию ведущих стран Запада по контролю за глобальными транспортными перевозками, исторически сложившимися на морском пространстве Тихого, Индийского, Атлантического океанов. В данном аспекте в последнее время в связи с обострением проблемы диверсификации международных торговых связей важное значение приобрело решение вопроса о создании международного транспортного коридора¹, связывающего европейский континент через бассейн Каспийского моря с Ираном, странами Персидского залива и Индией. По данному вопросу подписаны международные конвенции, участниками которых являются Россия, Казахстан, Туркменистан, Азербайджан, Иран.

Создание альтернативного варианта перевозки грузов в указанном направлении выступает в качестве конкурентного эффективного пути, позволяющего государствам СНГ в полной мере использовать преимущества своего положения на евразийском пространстве. Немаловажно и то, что активное развитие транспортных потоков создает стабильные политико-правовые предпосылки для ускорения темпов развития народнохозяйственных комплексов стран, подписавших указанную международную конвенцию.

В этом глубокую заинтересованность проявляет такое крупное государство Ближнего Востока, как Иран, десятки лет находящийся под правовыми политико-экономическими санкциями со стороны США и их союзников, что позволяет существенно оздоровить устойчивость государственно-политических систем в указанном регионе земного шара.

Существенное значение для ускоренного развития экономического, социального, политического, культурного взаимодействия имеет международная инициатива «Пояс и путь», активную позицию в ней занимают КНР, РФ и Казахстан, как страны, по территории которых будут проходить межгосударственные транспортные артерии, что позитивно скажется на логистике перемещения грузов на пространстве Евразийского континента и послужит мощным толчком для развития многих регионов различных стран.

То есть в последнее время государства постсоветского пространства в той или иной степени активно включаются в деятельность различных международных организаций и объединений, что исключительно важно для формирования успешных моделей экономического роста вышеперечисленных стран и создает более благоприятные условия социально-культурного эволюционного движения вперед, позитивно сказывающиеся на уровне жизни десятков и сотен миллионов людей азиатского и европейского континентов.

¹ Соглашение о международном транспортном коридоре «Север — Юг» (Санкт-Петербург, 12 сентября 2000 года). URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=8729>

Однако остается целый ряд неразрешенных вопросов, которые требуют урегулирования в рамках интеграционной правовой деятельности стран постсоветского пространства. Например, после распада Советского Союза многие государства, образованные на его бывшей территории, столкнулись с проблемами противодействия международному экстремизму и терроризму, которые угрожали самому существованию этих стран. В частности, на территории некоторых государств СНГ наблюдались острые межнациональные конфликты, охватывающие значительные по численности слои населения и приводившие к массовой гибели граждан вновь образовавшихся государств. Острые вооруженные столкновения наблюдались на территории Молдовы, что в итоге привело к выделению из ее состава Приднестровской Республики. В Грузии вооруженные конфликты возникли между населением Абхазии и другими жителями республики, аналогичная ситуация была между населением Южной Осетии и Грузии. Такие же процессы наблюдались в Республике Таджикистан, где вооруженные столкновения происходили между жителями равнинной и горной частей государства.

С целью выработки единой концепции противодействия экстремизму и терроризму были приняты модельные законы государств — участников СНГ: «О противодействии экстремизму»¹ и «О противодействии терроризму»². В рамках Парламентской Ассамблеи ОДКБ данные вопросы также рассматриваются, в результате чего были приняты модельные законы и рекомендации, позволившие унифицировать нормы стран-участников и создать условия для более эффективной борьбы с терроризмом и экстремизмом³, разрабатывается антитеррористическая стратегия в рамках ЕАЭС. Все усилия правового характера выступают важной основой для борьбы с терроризмом и экстремизмом и создания единого правового поля, позволяющего эффективно осуществлять как превентивную функцию, так и уголовное преследование. Анализ национального законодательства стран ОДКБ на сегодняшний день не позволяет говорить о формировании единого подхода к вопросам противодействия экстремизму и терроризму в рамках их национального законодательства.

Заключение

Интеграционные процессы, свойственные постсоветскому пространству, объективно нашли отражение в изменениях правовых систем государств, возникших на территории бывшего СССР в 1990-е гг. В силу исторических, политических, культурных, национальных взаимосвязей многие изменения в государ-

¹ Модельный закон государств — участников СНГ «О противодействии экстремизму». Принят на 32-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ, Постановление от 14 мая 2009 г. № 32-9. URL: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=30827

² Модельный закон государств — участников СНГ «О противодействии терроризму». Принят на 33-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ, Постановление от 3 декабря 2009 г. № 33-18. URL: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=62133

³ «Об обеспечении национальной безопасности», «О безопасности критически важных объектов» и «Об информационном противоборстве терроризму и экстремизму» от 30.10.2018. URL: www.paodkb.ru

ственно-правовой сфере в вышеуказанных странах происходят в значительной степени параллельно. Взаимозависимость молодых государств от добрососедских связей друг с другом стала во многом причиной создания нескольких международных организаций, которые с той или иной долей эффективности проводят курс реформ, затрагивающих основные области политико-правового развития.

В рамках прежде всего экономической интеграции созданы такие объединения, как СНГ, ЕАЭС, ОДКБ и др. Они сориентированы на укрепление связей в хозяйственной сфере, что требует интеграции законодательных процессов, происходящих в странах, входящих в вышеназванные международные организации. Данное обстоятельство нашло воплощение в подписании разнообразных государственно-правовых договоров, международных соглашений, их содержание направлено на унификацию национальных нормативно-правовых баз, акты которых регулируют отношения в области таможенной политики, экономического, социального и военного взаимодействия. Значительное внимание в совершенствовании законодательства ранее перечисленных объединений стран, находящихся на постсоветском пространстве, уделяется совместной деятельности в области безопасности, военного строительства для предотвращения угроз со стороны некоторых государств Запада и международных террористических организаций.

Однако интеграционные тенденции в области государственно-правового регулирования важнейших областей деятельности населения стран, входящих в указанные международные союзы, наталкиваются на значительные сложности, которые связаны с разнонаправленностью внешней политики молодых государств евразийского пространства и существенно отличающимися по уровню развития институтами государства в этих странах. Кроме того, темпы интеграции правового регулирования экономической и социальной сфер зависят от субъективных факторов, связанных с определенной нестабильностью политических режимов в странах, возникших после распада СССР.

Интеграция правового поля вышеуказанных участников межгосударственных объединений происходит путем более тщательного согласования содержания нормативно-правовых актов национальных правовых систем в ключевых областях жизнедеятельности населения. Вектор развития данного процесса в условиях необходимости обеспечения суверенитета государств отчетливо направлен на более тесные формы правовых и иных взаимоотношений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Баранник М. А., Петрович-Белкин О. К., Рахимов К. Х. Деятельность Межпарламентской Ассамблеи СНГ и ее роль в углублении евразийской интеграции // *Качество*. 2020. № 47. С. 36–43.

Безбородов Ю. С. Сближение права на постсоветском пространстве: от унификации в рамках СНГ к интеграции в рамках ЕАЭС // *Universum Juris*. 2018. № 2.

Вараксина А. Ю., Рудакова Е. Н. Роль таможенного сотрудничества в системе международных отношений России // *Инновационная экономика и современный менеджмент*. 2020. № 3. С. 38–40.

Вода К. Р. Парламентская дипломатия России в АТР: значение Азиатско-Тихоокеанского парламентского форума // *Россия и АТР*. 2021. № 3. С. 126–138.

Домрачев Д. Г., Кирилловых А. А. К вопросу о проблемах применения норм модельного законодательства: зарубежный опыт // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2019. № 4 (48). С. 61–64.

Канатов Т. К. Проблемы трактовки и регламентации дефиниций «гармонизация» и «унификация», опыт Латинской Америки и стран ЕАЭС // *Юридическая наука*. 2021. № 2. С. 54–58.

Короткова М. В. К вопросу о перспективах сближения гражданского законодательства стран участниц Евразийского Экономического Союза // *Образование и право*. 2021. № 4. С. 145–153.

Лысенко В. И., Заславский С. Е. О моделях кодифицированного правового регулирования выборов: зарубежный опыт // *Избирательное законодательство и практика*. 2019. № 1. С. 36–43.

Натхо Р. М. Правовая гармонизация и унификация как формы образования интеграционного института внешней трудовой миграции населения в Евразийском экономическом союзе // *Вестник Краснодарского университета МВД России*. 2021. № 2 (52). С. 106–112.

Орлова Е. Е. Роль гармонизации правового регулирования в процессе глобальной и региональной интеграции // *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. 2021. Т. 17, № 6. С. 147–157. DOI: 10.12737/jflcl.2021.072

Петрович-Белкин О. К. Проблема снижения влияния России на постсоветском пространстве: чем вызван дрейф государств СНГ в сторону многовекторности? // *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. 2019. Т. 14, № 1. С. 94–112.

Поздеев А. В. Проблемы гармонизации и унификации законодательств государств — членов ЕАЭС в рамках таможенной сферы // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2021. № 2–2. С. 207–212.

Шугуров М. В., Шугурова И. В. Сотрудничество в рамках СНГ как фактор интеграции ЕАЭС в сфере интеллектуальной собственности в условиях цифровизации экономики и общества // *Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество*. 2019. №. 2–2. С. 404–409.

Dragneva R., Hartwell C. A. The Crisis of the Multilateral Order in Eurasia: Authoritarian Regionalism and Its Limits // *Media and Communication*. 2022. 10(2), p. 95–105. Dragneva, R., & Hartwell, C. A. (2022). The Crisis of the Multilateral Order in Eurasia: Authoritarian Regionalism and Its Limits. *Media and Communication*, 10(2), 95–105. DOI: 10.17645/pag.v10i2.4809

Jerlei T. My address is the Soviet Union — or is it? Baltic identity in souvenir production within the Soviet discourse // *Journal of Material Culture*. 2022. 27(2), p. 147–165. DOI: 10.1177/13591835211052465

Morachevskaya K., Karpenko M., Sebentsov A. Border divergence or convergence in the context of integration: A case study of the Russian-Belarusian and Russian-Kazakhstan borderlands // *Hungarian Geographical Bulletin*. 2022. 71(1), p. 39–53. DOI: 10.15201/hungeobull.71.1.3

REFERENCES

- Barannik, M. A., Petrovich-Belkin, O. K., & Rakhimov, K. Kh. (2020). Activities of the CIS Interparliamentary Assembly and its role in deepening Eurasian integration. *Kazachestvo*, 47, 36–43. (In Russ.).
- Bezborodov, Yu. S. (2018). Rapprochement of law in the post-Soviet space: from unification within the CIS to integration within the EAEU. “*Universum Juris*”, 2. (In Russ.).
- Varaksina, A. Yu., & Rudakova, E. N. (2020). The role of customs cooperation in the system of international relations in Russia. *Innovacionnaya ekonomika i sovremennyy menedzhment*, 3, 38–40. (In Russ.).
- Voda, K. R. Russian Parliamentary Diplomacy in the Asia-Pacific Region: the Importance of the Asia-Pacific Parliamentary Forum. (2021). *Rossiya i ATR*, 3, 126–138. (In Russ.).
- Domrachev, D. G., Kirillovykh, A. A. (2019). On the issue of the problems of applying the norms of model legislation: foreign experience. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii*, 4(48), 61–64. (In Russ.).
- Kanatov, T. K. (2021). Problems of interpretation and regulation of the definitions of “harmonization” and “unification”, the experience of Latin America and the EAEU countries. *Yuridicheskaya nauka*, 2, 54–58. (In Russ.).
- Korotkova, M. V. (2021). To the question of the prospects for convergence of the civil legislation of the member countries of the Eurasian Economic Union. *Obrazovanie i pravo*, 4, 145–153. (In Russ.).
- Lysenko, V. I., Zaslavsky, S. E. (2019). On models of codified legal regulation of elections: foreign experience. *Izbitatel'noe zakonodatel'stvo i praktika*, 1, 36–43. (In Russ.).
- Natkho, R. M. (2021). Legal harmonization and unification as a form of formation of an integration institution of external labor migration of the population in the Eurasian Economic Union. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii*, 2(52), 106–112. (In Russ.).
- Orlova, E. E. (2021). The role of harmonization of legal regulation in the process of global and regional integration. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravo-vedeniya*, 17(6), 147–157, DOI: 10.12737/jflcl.2021.072. (In Russ.).
- Petrovich-Belkin, O. K. (2019). The problem of reducing Russia's influence in the post-Soviet space: what caused the drift of the CIS states towards a multi-vector approach? *Vestnik mezhdunarodnykh organizacij: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika*, 14(1), 94–112. (In Russ.).
- Pozdeev, A. V. (2021). Problems of harmonization and unification of the laws of the EAEU member states in the framework of the customs sphere. *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, 2–2, 207–212. (In Russ.).
- Shugurov, M. V., & Shugurova, I. V. (2019). Cooperation within the CIS as a factor of integration of the EAEU in the field of intellectual property in the context of digitalization of the economy and society. *Bol'shaya Evraziya: razvitie, bezopasnost', sotrudnichestvo*, 2–2, 404–409. (In Russ.).
- Dragneva, R., & Hartwell, C. A. (2022). The Crisis of the Multilateral Order in Eurasia: Authoritarian Regionalism and Its Limits. *Media and Communication*, 10(2), 95–105. DOI: 10.17645/pag.v10i2.4809

Jerlei, T. (2022). My address is the Soviet Union — or is it? Baltic identity in souvenir production within the Soviet discourse. *Journal of Material Culture*, 27(2), 147–165. DOI: 10.1177/13591835211052465

Morachevskaya, K., Karpenko, M., & Sebentsov, A. (2022). Border divergence or convergence in the context of integration: A case study of the Russian-Belarusian and Russian-Kazakhstan borderlands. *Hungarian Geographical Bulletin*, 71(1), 39–53. DOI: 10.15201/hungeobull.71.1.3

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Анна Юрьевна Мохорова — канд. полит. наук, доцент Высшей школы международных отношений Гуманитарного института. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, г. Санкт-Петербург, Россия.

Anna Yu. Mokhorova — Cand. Sci. (Political Studies), Associate Professor of the Higher School of International Relations of the Humanitarian Institute. Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia.

Владимир Павлович Демидов — канд. филос. наук, доцент Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы Гуманитарного института. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, г. Санкт-Петербург, Россия.

Vladimir P. Demidov — Cand. Sci. (Philosophy), Associate Professor of the Higher School of Jurisprudence and Forensic Technical Expertise of the Humanities Institute. Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia.

Екатерина Долженкова — канд. полит. наук, доцент Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы Гуманитарного института. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, г. Санкт-Петербург, Россия.

Ekaterina Dolzhenkova — Cand. Sci. (Political Studies), Associate Professor of the Higher School of Jurisprudence and Forensic Technical Expertise of the Humanitarian Institute. Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia.

Статья поступила в редакцию 05.05.2023;
одобрена после рецензирования 23.05.2023;
принята к публикации 23.05.2023.

The article was submitted 05.05.2023;
approved after reviewing 23.05.2023;
accepted for publication 25.05.2023.

Научная статья / Research Article

УДК 332.13

DOI: 10.14258/SSI(2023)2-02

Создание технологий в России и внешняя торговля ими: территориальные различия

Наталья Михайловна Полянская

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, Улан-Удэ, Россия, natali_mz@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6387-6494>

Аннотация. В настоящее время вопросы научно-технического, технологического и инновационного развития страны и ее территорий относятся к приоритетным стратегическим задачам обеспечения национальной безопасности. Мировая позиция страны в значительной мере определяется уровнем технологического развития и потенциалом экспорта технологий. Данная статья является продолжением исследования, начатого в работе «Основные тенденции развития научно-технического и инновационного потенциала России: территориальные различия» (см. №1 журнала *Society and Security Insights* за 2023 год). Проведен анализ тенденций создания и использования технологий в территориальном разрезе: рассмотрены параметры разработанных передовых производственных технологий, экспорта и импорта российских технологий, дана оценка эффективности внешнеторгового оборота технологий. Разработка передовых производственных технологий в России пространственно размещена соответственно обеспеченности научными кадрами, общественной производительности труда, инвестициям в основной капитал, внутренним затратам на науку, а также уровню инновационного развития. Лидерами экспортных поступлений от продажи научных продуктов являются регионы Центрального, Северо-Западного и Приволжского федеральных округов. Для укрепления места в мировой науке и мировой экономике, сохранения и преумножения имеющегося научно-технического и инновационного потенциала России нужно всемерно повышать эффективность научно-технической политики, поддерживать непрерывность воспроизводства научных кадров и развитие научных институтов. Нужно обеспечить рациональное, действенное управление, нацеленное на достижение сбалансированности и комплексности регионального развития.

Ключевые слова: наука, технологии, разработки, инновации, федеральные округа, дифференциация, научный потенциал, инновационный потенциал, национальная безопасность, экспорт, импорт

Для цитирования: Полянская Н. М. Создание технологий в России и внешняя торговля ими: территориальные различия // *Society and Security Insights*. 2023. Т. 6, № 2. С. 29–43. doi: 10.14258/ssi(2023)2-02.

Creation and Foreign Trade of Technologies in Russia: Territorial Differences

Natalya M. Polyanskaya

Banzarov Buryat state University, Ulan-Ude, Russia,
natali_mz@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6387-6494>

Annotation. Currently, the issues of scientific, technical, technological and innovative development of the country and its territories are among the priority strategic tasks of ensuring national security. The country's global position is largely determined by the level of technological development and the potential for technology exports. This article is a continuation of the research started in the work "The main trends in the development of scientific, technical and innovative potential of Russia: territorial differences". The analysis of trends in the creation and use of technologies in the territorial context is carried out: the parameters of the developed advanced production technologies, export and import of Russian technologies are considered, the effectiveness of foreign trade turnover of technologies is assessed. The development of advanced production technologies in Russia is spatially placed according to the availability of scientific personnel, social labor productivity, investments in fixed assets, internal costs for science, as well as the level of innovative development. The leaders of export revenues from the sale of scientific products are the regions of the Central, North-Western and Volga Federal Districts. In order to strengthen its place in world science, in the world economy, while preserving and multiplying the existing scientific, technical and innovative potential, Russia needs to do everything possible to improve the effectiveness of scientific and technical policy, maintain the continuity of the reproduction of scientific personnel and the development of scientific institutions. It is necessary to ensure rational, integrated management aimed at achieving a balanced regional development.

Keywords: science, technology, development, innovations, federal districts, differentiation, scientific potential, innovation potential, national security, export, import

For citation: Polyanskaya, N. M. (2023). Creation and Foreign Trade of Technologies in Russia: Territorial Differences. *Society and Security Insights*, 6(2), 29–43. (In Russ.). doi: 10.14258/ssi(2023)2-02.

Введение

В современных условиях вопросы научно-технического, технологического и инновационного развития страны и ее территорий принимают особое стратегическое значение в контексте достижения национальной безопасности, поэтому привлекают немалый исследовательский интерес. Позиция страны на международной «арене» в значительной степени определяется уровнем технологического и инновационного развития, а также потенциалом экспорта технологий.

Россия, несмотря на свою пока еще явную общую технологическую отсталость, является производителем и экспортером передовых технологий в сфере аэрокосмической промышленности, ядерных технологий (абсолютный лидер по экспорту), а также электроники. Вместе с тем Россия продолжает импортиро-

вать инфокоммуникационные технологии, разработки в области биологических наук и гибкого производства¹.

Россия географически обширна и неравномерно развита, и во многом из-за этого существенна дифференциация ее территорий по уровню научно-технических разработок.

Проблемам научно-технического, технологического и инновационного развития территорий посвящено немало публикаций. Исследователи рассматривают различные аспекты указанных проблем, отмечая, в частности, определяющую политическую роль государства в формировании институциональной основы научного обеспечения и управлении трендами научно-технического и инновационного развития территорий (Дробот и др., 2021; Иовлев и Голдина, 2021; Кадырова, 2021; Нечаев и Санду, 2022; Тронин, 2021). Некоторые авторы подчеркивают особую важность научного обоснования мер по решению проблем структурного дисбаланса отечественной экономики (Комков и др., 2021), а также актуальность анализа структурных сдвигов в экономике и ее импортоемкости (Стрижкова и др., 2021). Акцентируется внимание на необходимости прогнозирования структуры и эволюции инновационных систем (Матризаев, 2021). Отмечается тенденция масштабного активного перехода на цифровые технологии, способствующие развитию экономики и социума (Савинов и Римкевич, 2020: 25). Рассматривается и ряд других, в том числе территориальных, проблем научно-технологического и инновационного развития (Абрамян, 2021; Голова и Суховой, 2020).

Настоящая работа — продолжение исследования «Основные тенденции развития научно-технического и инновационного потенциала России: территориальные различия».

Цель данного исследования состоит в выявлении территориальных различий в области создания и внешней торговли технологиями в России. Для достижения цели решены следующие задачи:

- определены тенденции в сфере разработки передовых производственных технологий и выявлены явные территориальные различия в экспорте и импорте российских технологий;
- выполнена оценка эффективности внешнеторгового оборота технологий в федеральных округах.

Исследование основано на общенаучных методах. Информационную базу составили научные публикации, нормативные документы и статистические данные.

Материалы и результаты исследования могут быть полезны как научным изыскателям по данной тематике, так и уполномоченным специалистам государственных органов, ответственным за разработку и реализацию научно-технологической политики.

Создание и внешняя торговля технологиями в России

Статистические данные (табл. 1) свидетельствуют, что пространственное рассредоточение разработки передовых производственных технологий в России

¹ Какие передовые технологии экспортирует Россия. URL: <https://www.rbc.ru/specials/13/04/2021/607549af9a7947665097a07c>

в целом дифференцировано так же, как и обеспеченность научными кадрами, общественная производительность труда, инвестиции в основной капитал, внутренние затраты на науку, уровень инновационного развития (см. статью «Основные тенденции развития научно-технического и инновационного потенциала России: территориальные различия»).

Таблица 1.

Table 1.

Разработанные передовые производственные технологии

Developed advanced production technologies

Федеральные округа	На начало года								Δ в 2021 г. к 2006 г., раз
	2006		2011		2016		2021		
	ед.	%	ед.	%	ед.	%	ед.	%	
Центральный	200	31,4	361	41,8	517	37,0	686	34,5	3,4
Северо-Западный	103	16,1	150	17,4	235	16,8	268	13,5	2,6
Южный	21	3,3	27	3,1	63	4,5	143	7,2	6,8
Северо-Кавказский	7	1,1	10	1,2	23	1,6	55	2,8	7,9
Приволжский	145	22,8	142	16,4	238	17,1	323	16,2	2,2
Уральский	80	12,6	100	11,6	204	14,6	321	16,1	4,0
Сибирский	57	8,9	59	6,8	90	6,4	125	6,3	2,2
Дальневосточный	24	3,8	15	1,7	28	2,0	68	3,4	2,8
РФ	637	100	864	100	1398	100	1989	100	3,1

Источник: расчеты автора по данным Росстата (Наука, инновации и технологии // Росстат URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/science>).

Это позволяет утверждать о высоком значении научно-технического обеспечения в развитии отдельных территорий и всей страны.

Комплексно исследуя продовольственную проблему, мы обратили внимание на параметры разработки технологий в области агропродовольственного сектора (табл. 2).

Поскольку на фоне обострения геополитических процессов в последние годы для России особенно актуализируются проблемы обеспечения национальной безопасности, где первостепенное значение имеет безопасность продовольственная, то особого внимания требуют вопросы научно-технологического и инновационного обеспечения агропродовольственной сферы. Голод и недоедание — это не только асоциальные явления, но и серьезная угроза национальной безопасности. Отрадно, что в целом по стране возрастает число разработанных передовых производственных технологий, в том числе по производству пищевых продуктов (особенно новых для России и принципиально новых). Вместе с тем неблагоприятно то, что отсутствуют передовые технологии в области производ-

ства машин и оборудования для сельского и лесного хозяйства. Высокотехнологичная фондовооруженность агропродовольственного сектора всегда выступает важнейшим конкурентным преимуществом и фактором устойчивости.

При абсолютном увеличении количества разработанных в России передовых технологий в сельском, лесном хозяйстве, охоте, рыболовстве и рыбоводстве снижается число разработанных принципиально новых технологий. Очевидно, (и в немалой мере) поэтому отечественный аграрный сектор все еще остается неконкурентоспособным и низкоэффективным и пока что в малой степени «участвует» в создании валовой добавленной стоимости. Между тем для обеспечения продовольственной безопасности необходима научно обоснованная, рациональная, комплексная политика развития аграрного сектора в российских регионах. Это требует серьезного внимания и согласованности действий со стороны разработчиков национальной агропродовольственной стратегии и научно-технической политики.

Таблица 2.

Table 2.

Число разработанных передовых производственных технологий в России

The number of advanced manufacturing technologies developed in Russia

Наименование	На начало года				Из них:							
					новых для РФ				принципиально новых			
	2016	2020	2021	2022	2016	2020	2021	2022	2016	2020	2021	2022
По всем ВЭД	1398	1620	1989	2186	1223	1403	1788	1926	175	217	201	260
в том числе: производство пищевых про- дуктов	15	32	58	66	14	29	56	55	1	3	2	11
производство напитков		14	10	19		14	10	10		0	0	9
производство машин и обо- рудование для сельского и лес- ного хозяйства	н.д.	0	0	0	н.д.	0	0	0	н.д.	0	0	0
сельское, лесное хозяйство, охо- та, рыболовство, рыбоводство	36	29	35	49	25	26	35	49	11	3	0	0

Источник: расчеты автора по данным Росстата (Наука, инновации и технологии // Росстат URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/science>).

Россия пока что остается «мировой научной периферией» (Крюков и Тесля, 2022: 30). На фоне происходящих в настоящее время геополитических процессов нашей стране необходимо стремиться налаживать свое место в мировой науке, в мировой экономике. В условиях продолжающейся глобализации важнейшей областью международного взаимодействия во многих сферах социально-экономических отношений является внешняя торговля — «торговля между странами, состоящая из вывоза (экспорта) и ввоза (импорта) товаров и услуг»¹, к числу которых относятся и технологии. Особое место в сфере внешней торговли занимают операции межстрановой купли-продажи технологий.

В текущее время значение мирового экспорта технологий и высокотехнологичной продукции все более возрастает, поскольку это необходимо для успешной интеграции стран в мировое экономическое пространство. В структуре российского экспорта технологии и высокотехнологичная продукция занимают незначительное место, заметно уступая топливно-сырьевым товарам (Порошин и Ягубов, 2020: 49).

Вместе с тем экспорт технологий позволяет странам и регионам заработать прибавочный продукт за счет коммерческой реализации на мировом рынке результатов научно-технических и технологических разработок. Импорт технологий дает возможность повысить фондовооруженность и фондообеспеченность отечественных хозяйствующих субъектов и обеспечить рост производительности труда. Импорт позволяет отдельным территориям и всей стране покрыть дефицит факторов производства в сферах, где в силу ряда причин имеется недостаток собственных научных и технологических разработок.

В целом по стране объем экспорта отечественных технологий в рассмотренном периоде изменялся неоднозначно (табл. 3).

При увеличении количества соглашений с зарубежными странами по экспорту технологий стоимость предмета соглашений снижается. В то же время сумма поступлений по данным соглашениям в 2020 г. в сравнении с 2019 г. возросла, однако в 2021 г. по сравнению с 2020 г. незначительно снизилась. Примечательны параметры экспорта технологий в разрезе федеральных округов. По итогам 2021 г. преобладающая доля поступлений принадлежит регионам Центрального и Северо-Западного федеральных округов, в то время как в 2019 г. лидерами были регионы Приволжского федерального округа. Регионы Северо-Кавказского, Дальневосточного и Уральского округов имеют заметно более низкие объемы внешнеторговой продажи технологий. Такая значительная территориальная дивергенция обусловлена разным уровнем развития научно-технического и кадрового потенциалов, исторически сложившейся спецификой отраслевой структуры экономики, существенной дифференциацией природно-климатических условий, разными финансово-экономическими и демографическими возможностями территорий, отличиями в приоритетах социально-экономической политики и другими факторами.

За рассмотренный период неуклонный рост стоимостных объемов экспорта технологий имеют регионы Северо-Западного, Уральского и Сибирского феде-

¹ Росстат. Внешняя торговля. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/vneshtorg.htm>

ральных округов. За 2020–2021 гг. снижение поступлений произошло в регионах Центрального, Южного, Приволжского и Дальневосточного округов.

По приведенным данным можно заключить, что регионы Северо-Западного и Уральского федеральных округов заметно эффективнее используют свой научно-технический потенциал, направляя часть разработок на экспорт. Дальневосточные и Северо-Кавказские регионы обладают пока еще сравнительно невысоким научно-техническим и технологическим экспортным потенциалом и демонстрируют отрицательную динамику его реализации.

Параметры импорта сложились интереснейшим образом (табл. 4).

В целом по России за три рассмотренных года при неуклонном увеличении количества соглашений по импорту технологий и стоимости предмета соглашений сумма выплат в 2020 г. незначительно снизилась по сравнению с 2019 г., однако в 2021 г. возросла, составив 5044,3 млн долл. США.

Стабильный рост суммы выплат по импорту технологий имели регионы Центрального, Северо-Западного и Дальневосточного округов. В то же время заметно сократились выплаты по импорту в регионах Сибирского, Уральского и Северо-Кавказского, незначительно — в регионах Приволжского и Южного федеральных округов.

Таким образом, сложилась неоднозначная тенденция: в регионах Центрального, Северо-Западного и Дальневосточного федеральных округов на фоне роста поступлений от экспорта технологий происходит увеличение выплат по их импорту; в регионах Уральского и Сибирского округов при увеличении доходов от экспорта наблюдается заметное снижение расходов по импорту технологий. Приволжский и Северо-Кавказский федеральные округа примечательны тем, что наряду с сокращением поступлений от экспорта произошло уменьшение выплат по импорту технологий.

На основании полученных данных можно заключить, что наибольшего финансово-экономического эффекта от внешнеторгового оборота технологий к настоящему времени достигли регионы Уральского и Сибирского федеральных округов. Относительно «сибирского вектора» ряд исследователей отмечают, что в формировании научного потенциала России значительная часть его драйверов — науки, образования и промышленности — «сосредоточена в крупных сибирских центрах: Новосибирске, Томске, Омске, Красноярске, Барнауле, Иркутске, Улан-Удэ и других городах ..., в настоящее время сибирский макрорегион обладает всеми функциями второго ядра внутренней геополитической системы России» (Ерохина, 2022: 17).

Вместе с тем на основе лишь абсолютных динамических сравнений поступлений и выплат по внешнеторговым операциям, связанным с оборотом технологий, трудно сделать объективные выводы. Поэтому необходим также анализ параметров эффективности внешнеторговых операций.

Таблица 3.
Table 3.

Экспорт технологий в федеральных округах России
Technology export in the Federal districts of Russia

Наименование	Год	ЦФО	СЗФО	ЮФО	СКФО	ПФО	УФО	СФО	ДФО	РФ
Количество соглашений по экспорту	2019	997	1565	91	12	520	257	710	8	4196
	2020	2028	1509	105	16	540	370	736	45	5349
	2021	2955	1868	118	21	617	338	820	46	6783
Стоимость предмета соглашений по экспорту технологий с зарубежными странами, млн USD	2019	1881,1	1545,9	57,9	0,4	62 614,5	240,3	210,1	2,2	66 565,0
	2020	17 165,9	1993,6	315,2	0,3	30 716,3	295,8	238,5	120,8	50 846,5
	2021	6550,1	2738,2	123,0	0,6	30 812,8	306,7	307,9	9,4	40 848,7
Поступления по экспорту технологий по соглашениям с зарубежными странами, млн USD	2019	341,3	776,7	24,3	0,3	2222,9	37,9	106,2	0,1	3520,1
	2020	2859,8	869,8	156,4	0,2	606,7	64,2	107,2	9,8	4674,2
	2021	2560,0	1256,0	54,5	0,2	568,0	96,1	119,1	8,7	4662,7

Источник: расчеты автора по данным Росстата (Наука, инновации и технологии // Росстат URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/science>).

Таблица 4.
Table 4.Импорт технологий в федеральных округах России
Technology import in the federal districts of Russia

Наименование	Год	ЦФО	СЗФО	ЮФО	СКФО	ПФО	УФО	СФО	ДФО	РФ
Количество соглашений по импорту	2019	1867	1445	249	80	932	483	369	93	5518
	2020	2237	1481	258	71	819	453	377	80	5775
	2021	2944	1532	292	44	882	456	463	88	6701
Стоимость предмета соглашений по импорту технологий с зарубежными странами, млн USD	2019	2313,7	2018,4	1845,4	107,6	1589,1	1390,4	2707,1	351,2	12 322,7
	2020	5841,9	2161,6	1615,7	150,3	1100,6	1646,4	834,7	380,8	13 732,0
	2021	6791,7	4409,5	1722,9	130,4	1483,5	1070,2	1101,6	3136,5	19 846,2
Выплаты по импорту технологий по соглашениям с зарубежными странами, млн USD	2019	1359,7	804,7	278,8	10,2	510,5	464,4	1280,2	128,3	4836,8
	2020	2620,5	846,3	366,6	7,2	270,2	252,3	208,1	253,7	4824,9
	2021	2824,6	1058,1	207,7	3,6	347,0	162,7	132,0	308,5	5044,3

Источник: расчеты автора по данным Росстата (Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru>).

Эффективность внешней торговли российскими технологиями

Для оценки параметров экспорта и импорта используются различные статистико-аналитические показатели. Основным абсолютным показателем является внешнеторговое (товарное) сальдо ($C_{вт}$) — разность между объемом экспорта ($\mathcal{E}$) и объемом импорта ($\mathcal{I}$)¹, исчисляется по формуле:

$$C_{вт} = \mathcal{E} - \mathcal{I}. \quad (1)$$

Внешнеторговое сальдо позволяет измерить абсолютное превышение экспорта над импортом.

Относительными показателями являются относительное сальдо внешнеторгового оборота и коэффициент эффективности внешней торговли (Самигуллин, 2016: 181).

Относительное сальдо внешнеторгового оборота, или коэффициент покрытия импорта экспортом ($K_{э/и}$), рассчитывается по формуле:

$$K_{э/и} = (\mathcal{E}/\mathcal{I}) \cdot 1000. \quad (2)$$

Этот показатель позволяет соотнести объемы экспорта и импорта технологий и характеризует объем экспорта, приходящийся на каждую 1000 USD импорта.

Коэффициент эффективности внешней торговли, или отдача экспорта ($K_э$), рассчитывается по формуле:

$$K_э = C_{вт} / \mathcal{E}. \quad (3)$$

Этот показатель позволяет охарактеризовать состояние внешней торговли в целом либо в разрезе тех или иных товаров и услуг.

В целом по России в 2020 г. по сравнению с 2019 г. произошло существенное улучшение баланса внешней торговли технологиями — заметно сократилось отрицательное сальдо, т.е. значительно снизилось превышение расходов по импорту над доходами от экспорта технологий. Однако за 2021 г. «минусовость» сальдо возросла в 2,5 раза по сравнению с 2020 г. (табл. 5).

Таким образом, наибольшая эффективность внешнеторгового оборота технологий достигнута в регионах Северо-Западного и Приволжского федеральных округов, причем в Северо-Западном округе с каждым годом этот показатель возрастает. Регионы указанных федеральных округов характеризуются лидирующими в стране позициями по обеспеченности научными кадрами, объему внутренних затрат на научные исследования и разработки, доле разработанных передовых производственных технологий в стране, а также имеют уровень инновационного развития выше среднероссийского. Полагаем, что во многом эти движущие силы способствовали тому, что научно-технические и технологические продукты этих территорий востребованы на международном рынке и дают немалый экономический эффект.

¹ Электронный ресурс. URL: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 15.12.2022)

Таблица 5.
Table 5.

Эффективность внешнеторгового оборота технологий в федеральных округах России
Efficiency of foreign trade turnover of technologies in the Federal districts of Russia

Наименование	Год	ЦФО	СЗФО	ЮФО	СКФО	ПФО	УФО	СФО	ДФО	РФ
Свт	2019	-1018,4	-28,0	-254,5	-9,9	+1712,4	-426,5	-1174,0	-128,2	-1316,7
	2020	+239,3	+23,5	-210,2	-7,0	+336,5	-188,1	-100,9	-243,9	-150,7
	2021	-264,6	+197,9	-153,2	-3,4	+221,0	-66,6	-12,9	-299,8	-381,6
Кэ/и	2019	251	965	87	29	4354	82	83	1	728
	2020	1091	1028	427	28	2245	254	515	39	969
	2021	906	1187	262	56	1637	591	902	28	924
Кэ	2019	-2,984	-0,036	-10,473	-33,000	0,770	-11,253	-11,055	-1282,000	-0,374
	2020	0,084	0,027	-1,344	-35,000	0,555	-2,930	-0,941	-24,888	-0,032
	2021	-0,103	0,158	-2,811	-17,000	0,389	-0,693	-0,108	-34,460	-0,082

Источник: расчеты автора по данным Росстата (Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru>).

Полезные знания, технологические разработки и инновации в любой стране выступают главной движущей силой прогрессивного устойчивого развития, бережливого хозяйствования, обеспечения продовольственной и в целом национальной безопасности и элементарного выживания в конкурентной международной борьбе за ограниченные ресурсы. Происходящие в настоящее время в мире глобальные геополитические и социально-экономические трансформации призывают любое государство глубже задуматься над проблемами укрепления научно-технического потенциала и на общегосударственном уровне заняться целенаправленным его развитием. В периоды социально-экономических и политических кризисов стратегически важно особое внимание уделять прогрессивному, опережающему развитию институтов науки и технологий, выработке эффективной научно-технической политики и стараться не утрачивать накопленный потенциал, не отодвигать «на потом» заботу о формировании долгосрочного залога будущего благополучия страны и ее отдельных территорий.

Выводы

Территориальное размещение разработанных в России передовых производственных технологий различается подобно тому, как дифференцированы обеспеченность научными кадрами, общественная производительность труда, инвестиции в основной капитал, внутренние затраты на науку, уровень инновационного развития.

В контексте комплексного обеспечения национальной продовольственной безопасности в регионах пока отсутствуют передовые технологии в области производства машин и оборудования для сельского и лесного хозяйства. Количество разработанных передовых технологий в сельском, лесном хозяйстве, охоте, рыболовстве и рыбоводстве возрастает, но при этом число разработанных принципиально новых технологий снижается. Этим во многом объясняется состояние отечественного аграрного сектора, который сейчас является неконкурентоспособным и низкоэффективным, имеет малый вклад в валовую добавленную стоимость.

Особым индикатором уровня научно-технологического развития являются параметры экспорта и импорта технологий. Лидерами экспортных поступлений от продажи научных продуктов являются регионы Центрального, Северо-Западного и Приволжского федеральных округов, причем в двух последних достигнута наибольшая эффективность внешней торговли технологиями, в Северо-Западном, кроме того, сложилась и положительная ее динамика.

России, характеризующейся существенной дифференциацией регионов по уровню научно-технического развития, выступающей пока еще в качестве мировой научной периферии, следует стремиться укреплять свое место в мировой науке, в мировой экономике, сохраняя и преумножая имеющийся научно-технический потенциал, обеспечивая непрерывность воспроизводства научных кадров и развитие научных институтов. Для этого нужно не так уж много: светлые, прогрессивные умные головы и координация их деятельности; утвержденные национальные и региональные приоритеты государственной научно-технической

политики и их соблюдение; добрая политическая воля и ее планомерная, финансово обеспеченная реализация; строгий государственный контроль и всесторонний анализ всех связанных процессов и результатов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Абрамян Г. А. Особенности инновационной политики органов исполнительной власти в интересах повышения конкурентоспособности регионов (на примере Ростовской области) // Вопросы инновационной экономики. 2021. Т. 11, № 1. С. 131–140. doi: 10.18334/vines.11.1.111745

Голова И. М., Суховой А. Ф. Методологические проблемы формирования дифференцированной стратегии инновационного развития регионов РФ // Региональная экономика: теория и практика. 2020. Т. 18, № 11. С. 2022–2048.

Дробот Е. В., Макаров И. Н., Колесников В. В., Назаренко В. С., Некрасова Е. А., Широкова О. В. Государственно-частное партнерство и квазипартнерские формы в инновационном развитии национальной промышленности: институциональный анализ // Вопросы инновационной экономики. 2021. Т. 11, № 3. С. 1135–1150. doi: 10.18334/vines.11.3.113479

Ерохина Е. А. «Поворот на восток» и тренды современного регионального развития: сибирский вектор // Society and Security Insights. 2022. Т. 5, № 3. С. 13–25.

Иовлев Г. А., Голдина И. И. Инновационное развитие экономики России как одно из направлений развития экономической науки // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2021. № 3 (101). С. 112–125.

Кадырова Р. А. Роль инноваций, науки и государства в развитии экономики // Universum: экономика и юриспруденция. 2021. № 1–2 (77). С. 8–10.

Комков Н. И., Усманова Т. Х., Сутягин В. В. Возможности технологической модернизации российской экономики // Проблемы прогнозирования. 2021. № 6 (189). С. 84–94.

Крюков В. А., Тесля П. Н. Что замедляет научный прогресс // ЭКО. 2022. № 1 (571). С. 8–34. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-1-8-34

Матризаев Б. Д. Исследование механизмов определения структуры и эволюции инновационных систем // Проблемы прогнозирования. 2021. № 5 (188). С. 139–148.

Нечаев В. И., Санду И. С. Совершенствование государственной научно-технической политики в России: сущность и специфика формирования // Экономика сельского хозяйства России. 2022. № 1. С. 45–53.

Порошин Ю. Б., Ягубов Ш. Р. Анализ экспорта продукции высоких технологий региона // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2020. № 4–5 (83). С. 49–53.

Савинов Ю. А., Римкевич С. В. Структура и динамика российского экспорта услуг на рынке информационных технологий // Российский внешнеэкономический вестник. 2020. № 6. С. 25–40.

Самигуллин Э. В. Коэффициент эффективности внешней торговли // Вестник Науки и Творчества. 2016. № 4 (4). С. 180–183

Стрижкова Л. А., Тишина Л. И., Селиванова М. В. Структурные сдвиги в экономике России и ее импортзависимости в 2014-2019 годах: анализ макроэкономической статистики // Вопросы статистики. 2021. Т. 28, № 5. С. 5–27. DOI: 10.34023/2313-6383-2021-28-5-5-27

Тронин С. А. Международный опыт государственного участия в развитии науки и инновационной деятельности // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2021. Т. 11, № 6–1. С. 330–335.

REFERENCES

Abramyan, G. A. (2021). Features of the innovation policy of executive authorities in the interests of increasing the competitiveness of regions (on the example of the Rostov region). *Voprosy innovacionnoj ekonomiki*, 11(1), 131–140. (In Russ.). doi: 10.18334/vinec.11.1.111745

Golova, I. M., Sukhovey, A. F. (2020). Methodological problems of the formation of a differentiated strategy of innovative development of the regions of the Russian Federation. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika*, 18(11), 2022–2048. (In Russ.).

Drobot, E. V., Makarov, I. N., Kolesnikov, V. V., Nazarenko, V. S., Nekrasova, E. A., Shirokova, O. V. (2021). Public-private partnership and quasi-partner forms in the innovative development of national industry: institutional analysis. *Voprosy innovacionnoj ekonomiki*, 11(3), 1135–1150. (In Russ.). doi: 10.18334/vinec. 11.3.113479

Erokhina, E. A. (2022). “Turn to the East” and trends of modern regional development: Siberian vector. *Society and Security Insights*, 5(3), 13–25. (In Russ.).

Iovlev, G. A., Goldina, I. I. (2021). Innovative development of the Russian economy as one of the directions of economic science development. *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra RAN*, 3(101), 112–125. (In Russ.).

Kadyrova, R. A. (2021). The role of innovation, science and the state in the development of the economy. *Universum: ekonomika i yurisprudenciya*, 1–2 (77), 8–10. (In Russ.).

Komkov, N. I., Usmanova, T. H., Sutyagin, V. V. (2021). Possibilities of technological modernization of the Russian economy. *Problemy prognozirovaniya*, 6(189), 84–94. (In Russ.).

Kryukov, V. A., Teslya, P. N. (2022). What slows down scientific progress. *EKO*, 1(571), 8–34. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-1-8-34

Matrizayev, B. D. (2021). Investigation of mechanisms for determining the structure and evolution of innovative systems. *Problemy prognozirovaniya*, 5(188), 139–148. (In Russ.).

Nechaev, V. I., Sandu, I. S. (2022). Improvement of the state scientific and technical policy in Russia: the essence and specifics of formation. *Ekonomika sel'skogo hozyajstva Rossii*, 1, 45–53. (In Russ.).

Poroshin, Yu. B., Yagubov, Sh. R. (2020). Analysis of the export of high-tech products of the region. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo social'no-ekonomicheskogo universiteta*, 4–5(83), 49–53. (In Russ.).

Savinov, Yu. A., Rymkevich, S. V. (2020). Structure and dynamics of Russian export of services in the information technology market. *Rossijskij vneshneekonomicheskij vestnik*, 6, 25–40. (In Russ.).

Samigullin, E. V. (2016). Coefficient of efficiency of foreign trade. *Vestnik Nauki i Tvorchestva*, 4(4), 180–183. (In Russ.)

Strizhkova, L. A., Tishina, L. I., Selivanova, M. V. (2021). Structural shifts in the Russian economy and its import intensity in 2014–2019: analysis of macroeconomic statistics. *Voprosy statistiki*, 28(5), 5–27. (In Russ.). DOI: 10.34023/2313-6383-2021-28-5-5-27

Tronin, S. A. (2021). International experience of state participation in the development of science and innovation. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra*, 11(6–1), 330–335. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Наталья Михайловна Полянская — канд. экон. наук, доцент, доцент кафедры прикладной экономики Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, Россия.

Natalya M. Polyanskaya — Cand. Sci. (Economics), Associate Professor of the Department of Applied Economics, Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russia

Статья поступила в редакцию 05.01.2023;
одобрена после рецензирования 20.02.2023;
принята к публикации 15.03.2023.

The article was submitted 05.01.2023;
approved after reviewing 20.02.2023;
accepted for publication 15.03.2023.

Научная статья / Research Article

УДК316.4, 910.1

DOI: 10.14258/SSI(2023)2-03

Евразийская интеграция: пространственный аспект

Зинаида Петровна Замараева¹

Татьяна Анатольевна Балина²

^{1,2}Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия,
¹zinaidazamaraeva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3070-723X>

²t_balina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2673-0119>

Аннотация. В статье проводится анализ мнений представителей научного и экспертного сообщества о состоянии современного евразийского интеграционного процесса в контексте социально-пространственного подхода. На основе исторического осмысления идей «евразийства» отмечается, что вековая история этих исследований приобрела новое звучание в современной геополитической ситуации и требует глубоких междисциплинарных исследований. Подчеркивается актуальность идей евразийства, что проявляется как в научной полемике и дискурсах, так и в политической риторике и, что особенно важно, имеет официально оформившиеся и реализуемые межстрановые интеграционные проекты и форматы. Это свидетельствует о повышении интереса к осмыслению различных научных категорий, среди которых особое место отведено понятиям «пространство», «евразийское пространство», «социальное пространство». Актуальность заявленной темы заключается в рассмотрении категории «социальное пространство» как системообразующей основы становления и развития евразийской интеграции. Которое должно быть неразрывно связано с вопросами социального обустройства граждан, защитой и осуществлением их жизненных интересов на постсоветском пространстве. В качестве проблемы в статье отмечается противоречие между экономической направленностью современного процесса евразийской интеграции и необходимостью внесения социальных ориентиров в его развитие. Целью статьи является проведение научного анализа сущности категории «социальное пространство», обращение к которой позволит уточнить социальную специфику евразийского интеграционного процесса. В работе над статьей был использован комплекс междисциплинарных методов и подходов (анализ, синтез, изучение, сравнение, обобщение, графоаналитический и др.). Теоретико-методологической базой исследования послужили концептуальные положения и научные подходы к определению категорий «социальное пространство», «геокультурное пространство», «евразийская интеграция», что позволило уточнить необходимые данные для проведения их содержательной оценки. Научной новизной в статье является обобщение выводов, в которых предлагаются комментарии к категории «социальное пространство» в контексте евразийской интеграционной идеи, уровень и критериальный анализ. Среди целевых ориентиров названо достижение состояния социального благополучия конкретного человека и в целом территориальной общности. Механизмом реализации цели может стать скоординированная

социальная политика государств, направленная на укрепление социального благополучия населения постсоветского пространства.

Ключевые слова: социальное пространство, евразийская интеграция, социальная политика, социальное благополучие, наднациональная социальная политика

Для цитирования: Замараева З.П., Балина Т.А. Евразийская интеграция: пространственный аспект // *Society and Security Insights*. 2023. Т.6, № 2. С. 44–60. doi: 10.14258/ssi(2023)2-03.

Eurasian Integration: Spatial Aspect

Zinaida P. Zamaraeva¹

Tatiana A. Balina²

^{1,2}Perm State National Research University, Perm, Russia,

¹zinaidazamaraeva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3070-723X>

²<https://orcid.org/0000-0003-2673-0119>

Abstract. The article analyzes the views of the modern Eurasian integration process in the context of the socio-spatial approach. Based on the historical understanding of the ideas of «Eurasianism», it is noted that the centuries-old history of these studies has acquired a new meaning in the current geopolitical situation and requires deep interdisciplinary research. The article notes the contradiction between the economic orientation of the current process of Eurasian integration and the need to introduce social guidelines into its development. The purpose of the article is to conduct a scientific analysis of the essence of the category of «social space», the appeal to which will clarify the social specificity of the Eurasian integration process. In the work on the article, a complex of interdisciplinary methods and approaches was used. The theoretical and methodological basis was the scientific approaches to the definition of the categories «social space», «Eurasian integration», which made it possible to clarify the necessary data for their meaningful assessment. The scientific novelty is a generalization of the conclusions, which offer comments on the category of «social space» in the context of the Eurasian integration idea, level and criteria analysis. Among the targets is the achievement of the state of social well-being of a particular person and the territorial community as a whole. A coordinated social policy of states aimed at strengthening the social well-being of the population of the post-Soviet space can become a mechanism for achieving the goal.

Keywords: social space, Eurasian integration, Eurasian economic union, social policy, social well-being, supranational social policy

For citation: Zamaraeva, Z.P., Balina, T.A. (2023). Eurasian integration:spatial aspect. *Society and Security Insights*, 6(2), 44–60. (InRuss.). doi: 10.14258/ssi(2022)2-03.

Актуальность исследуемой проблемы

Вызовы современной геополитической ситуации, усложнение и динамизм развития международных процессов интеграции, формирование новых центров мировой экономики и связанное с этим усиление конкуренции на экономической

и политической арене требуют переосмысления идей евразийского пространства, понимания роли России и, что особенно важно, вопросов развития взаимоотношений со странами постсоветского пространства.

После распада Советского Союза в условиях разрушения биполюсного миропорядка, усиления и ускорения интеграционных и дезинтеграционных процессов и попыток сохранить это геополитическое пространство в рамках СНГ в научных кругах возникло понимание необходимости исследований по развитию концепции «евразийства» как основополагающей идеи территориального управления и сохранения некогда единого геополитического пространства. С одной стороны, дезинтеграционные процессы, зачастую имеющие деструктивный и сепаратистский настрой, стали «набирать обороты», и это не могло не вызывать тревоги. С другой стороны, во время этого переходного периода явно проявилась потребность в объединении и совместном преодолении странами глубокого кризиса.

«Как только перестал существовать СССР, на огромных просторах ранее единой страны возникло 15 независимых государств, которым еще предстояло доказать свою состоятельность, решая сложные проблемы государственного строительства, преодолевая острый и многосторонний кризис переходного периода, болезненные дискуссии о национальной идентичности и месте новой страны в мире» (Двадцать лет разъединенного единства, 2012: 3). Свой путь они начали с разных стартовых позиций, имея уникальные исторические, культурные, демографические и другие предпосылки развития. Одни страны располагают богатым природно-ресурсным потенциалом, другие имеют выгодное экономико-географическое положение, третьи — значительный интеллектуальный потенциал. Каждая из стран выбирала собственные сценарии дальнейшего развития, определяя приоритетные направления интеграции, выстраивая новую систему взаимоотношений с соседями. Но все страны столкнулись с серьезными проблемами, вызванными разрывом экономических связей, миграционными процессами, ростом напряженности вплоть до вооруженных конфликтов.

По мнению экспертов, в принципиально новых геополитических условиях независимые государства осознали потребность в консолидации. Большинство бывших советских республик объединились в слабо интегрированную организацию «Содружество Независимых Государств» (СНГ). Страны Балтии сразу были ориентированы на вступление в Евросоюз и НАТО... Россия, Казахстан и Белоруссия создали Таможенный союз (Двадцать лет разъединенного единства, 2012: 3). Эти и ряд других примеров международных альянсов свидетельствуют о востребованности объединений, которые в настоящее время приобретают не только новые цели, формы и содержание, но и требуют глубоких научных междисциплинарных исследований.

Направления интеграционных процессов в рамках евразийского пространства довольно активно обсуждаются научным и экспертным сообществом. И это представляется вполне естественным явлением, с учетом современной реальности. Как известно, сама природа интеграционного процесса возникла в условиях закономерности цивилизационного развития и обусловлена не только экономи-

ческими мотивами, но «...более масштабными историческими, социальными, этнокультурными и духовными интересами» (Храмова, 2015: 65).

Актуальность этих исследований не только проявляется в научных дискурсах и политической риторике, но и имеет официально оформившиеся и реализуемые межстрановые интеграционные проекты и форматы, что вызывает к жизни интерес к осмыслению различных научных категорий, среди которых особое место отведено понятиям «пространство», «евразийское пространство», «социальное пространство». Особый акцент в рамках данной статьи сделан именно на последней категории, отвечающей за социальное благополучие населения, степень его защищенности и удовлетворенности жизненных потребностей. Понятие социального пространства нам представляется ключевым, поскольку при детерминанте экономической направленности процесса интеграции необходимо внести социальные ориентиры в его развитие, усилить его социальные приоритеты.

Результаты исследований и их обсуждение

Евразийство в историческом и современном осмыслении

Как подчеркивает один из ведущих современных исследователей пространственной организации общества А.Г. Дружинин, когда геополитическая машина Советского Союза распалась, трансформировалась в аморфное «постсоветское пространство», евразийская идея вновь актуализировалась, начала обретать популярность, выходя на авансцену общественного сознания. Процесс ренессанса «евразийства», тем не менее, затянулся (Дружинин, 2016: 7). С позиции географа-обществоведа ученый доказывает, что нашей стране потребовалось почти два десятилетия для осознания невозможности и неприемлемости игнорирования своих стратегических интересов и изменения социокультурных кодов в так называемом глобализационном «потопе», превращения России в неравноправную, периферийную часть «Европы» и «Азии». Сегодня намечается обретение нашей страной своей евразийской идентичности, обозначился поворот к идеологии евразийства, выход на новый уровень интеграции и изменение приоритетных геополитических, геоэкономических и геокультурных интересов России и ее ближайших соседей-союзников.

Исследования в отечественной науке по тематике формирования евразийского пространства и зарождение научной категории «Евразия» как особой геокультурной реальности появились 100 лет назад, в начале 1920-х гг., когда Россия оказалась на пике перелома общественного строя, в условиях трансформации мирового уклада от однополярного к биполярному. Происходило создание нового политического, экономического, социального пространства, объединившего одну шестую часть суши. Евразийская идея нашла воплощение в трудах Г.В. Вернадский, Н.С. Трубецкого, П.Н. Савицкого, Г. Фроловского, Н. Алексева, П. Сувчинского и ряда других ученых, впоследствии была поддержана Л.Н. Гумилевым и отражала государственные интересы не только по созданию и управлению территорией новой огромной страны, но и зарождению важнейшей геополитической, геокультурной и геоэкономической доктрины (Дружинин, 2016: 7).

В своей книге «Лев Гумилев. Судьба и идеи» С. Б. Лавров отмечал, что формальной датой рождения идеи «евразийства» принято считать 1921 г., когда в Праге вышел в свет сборник статей «Исход к Востоку. Предчувствие и свершение. Утверждение евразийства». Основатели этого направления отмечали, что эта идеология находится «на пересечении двух планов: отвлеченного мышления и конкретного видения. Мы — метафизичны, — писали евразийцы, — и в то же время этнографичны, географичны» (Цит. по: Лавров, 2000). Приведенные слова Н. Трубецкого относились к группе сторонников этой идеи в пределах 100 человек (представителей различных направлений науки и искусства), главным образом оказавшихся в эмиграции, продолжающих переживать за судьбы России.

Евразийской школой, по существу, была провозглашена идея об особом географическом пространстве Восточной Европы и Северной Евразии, а о том, как управлять этим пространством, речь не шла. В начале 1990-х гг. стала крылатой фраза Л. Гумилева: если Россия выживет, то исключительно как евразийская держава. Вслед за этим появились многочисленные суждения по поводу границ евразийского пространства — от территории современной Российской Федерации до южных и юго-восточных морей (Чистобаев, 2021: 26). В статье подчеркивается, что само понятие «евразийство» оказалось размытым, оно не несет в себе четких пространственных и конструктивных положений. И в то же время А. И. Чистобаев актуализирует эту проблематику и даже вводит понятие «неоевразийство», настаивает на важности синтеза научных подходов и усилий для развития идей объединения. Подтверждением этому представляется тот факт, что бывшие советские республики, в которых большая часть населения относится к тюркской языковой семье и исповедует ислам, не спешат отделиться от России, сохраняя с ней многовариантные связи, в том числе социально-культурные, производственные, торговые, туристические и пр. Яркий пример — укрепление связей со странами Центральной Азии и Азербайджаном. В противовес этому страны ближнего зарубежья (речь идет о странах Балтии, Украине и Молдове) с христианским вероисповеданием и титульными народами индоевропейской семьи (и даже славянской группы) стремятся «отмежеваться» от российского соседства и «самоисключиться» из нашего исторически сложившегося геополитического пространства. Несмотря на это, при утрате политической и экономической целостности огромного государства сохранились глубинные многовековые связи между народами стран, формирующие единое социальное и геокультурное пространство.

Авторы коллективного научного доклада «Евразийский интеграционный проект: эффекты и проблемы реализации» (2013) подчеркивают важнейшую роль в углублении интеграции именно социальных и культурных факторов, что объясняется взаимопроникновением культурных традиций народов, совместно проживающих на протяжении многих десятилетий. Эксперты приходят к выводу, что «вопросы развития социальной сферы, выравнивания региональных и структурных диспропорций должны стать важной составляющей социально-экономической политики Евразийского экономического союза» (Евразийский интеграционный... : 87–88).

За последнюю четверть века по вопросам евразийской интеграции опубликованы труды политиков и философов, географов-обществоведов, социологов, историков и др., но ими тема не исчерпана, а требует углубления научных исследований, в том числе междисциплинарных.

Социально-пространственный аспект евразийской интеграции

Представляется чрезвычайно актуальным подробнее рассмотреть понятия «пространство», «евразийское пространство», «социальное пространство», раскрыв их содержание с позиции междисциплинарного социально-географического подхода.

На современном этапе развития общества географическое пространство приобретает новые черты и качества, оно становится виртуальным, информационным, культурным, политическим, экономическим, стратегическим и пр., выходит далеко за пределы территории страны или региона, раскрывая возможности расширения границ жизнедеятельности социума. Для отечественной общественной географии дефиниции «территория» и «пространство» являются базовыми и детально изученными (Алаев, 1983; Горкин, 2013 и др.).

Еще в недавнем прошлом территорию и пространство с определенной долей условности рассматривали как синонимы (хотя для профессиональных географов различия в их содержании были существенны), но в условиях новой реальности они все более различаются. Пространство значительно расширяется, появляются новые слои и формы многих сфер жизнедеятельности в связи с их цифровизацией. Эти современные вызовы открывают широкие горизонты перед наукой, требуют переосмысления сущности базовых географических категорий в условиях меняющегося мира.

Трехмерная территория остается своего рода плацдармом для размещения производства и населения, и в то же время сегодня эта дефиниция наполняется новым содержанием. Услуги, торговля, коммуникативные функции и многие другие виды жизнедеятельности людей «уходят» в пространство, что свидетельствует о его многомерности и многослойности (Балина и др., 2022).

Учитывая трансформацию понятий «территория» и «пространство», уместно подчеркнуть, что важные идеи формируются на стыке наук, в частности географии и социологии. Так, исследуя социальное пространство как сложную научную категорию, необходимо прежде всего изучать территорию, на которой сформировалась определенная территориальная общность людей (социум), геодемографическую ситуацию, количественные и качественные характеристики населения, его уровень и образ жизни, особенности менталитета, ценностных ориентиров, традиций и пр. Рассматривая социальное пространство в контексте процессов евразийской интеграции, важно также учитывать и степень защищенности населения, соблюдения определенных гарантий и сохранения исторических, идеологических, культурных связей. А это, в свою очередь, выдвигает новые требования к качественным характеристикам территории.

Таким образом, в данном контексте социальное пространство приобретает новое звучание, что дает основу для новых и плодотворных междисциплинарных

исследований. Пространственный подход позволяет обратиться к его социально-пространственной составляющей, которая нуждается, на наш взгляд, в научной рефлексии, с учетом того, что ее реальная структура недостаточно представлена. Обострилась потребность в исследованиях различных аспектов социального пространства, формировании новейших сфер социального регулирования.

Рассмотрим сущность, содержание и параметры социального пространства.

Впервые к проблеме социального пространства были обращены работы Э. Дюркгейма (1899 г.) и Г. Зиммеля (1898 г.). Позже в своих трудах П. Сорокин (1925 г.) рассматривал эту категорию, у которой основными составляющими выступают социальная структура и социальная стратификация. Это же понятие широко использовали Дж. Тернер (1985 г.), П. Бурдьё (1993 г.), П. Штомпка (1996 г.) и др.

Позже целый ряд современных отечественных авторов предпринимают попытки более полного осмысления свойств социального пространства и социального времени. В.Г. Виноградский, в частности, отмечает атрибутивность социального пространства, характеризуя его как форму социального движения материи, направленность процесса общественного воспроизводства, ориентированного на «стрелу времени» (Виноградский, 1988: 47–48).

Г.Е. Зборовский еще в середине 1970-х гг. определил социальное пространство в качестве «формы общественного бытия», характеризуя специфику деятельности человека через жизненные сферы, уточняя основные параметры социального пространства через протяженность, непрерывность, трехмерность, наполняя их социальным содержанием (Зборовский, 1988: 47).

Несомненный интерес имеет социально-экологический ракурс категории социального пространства у С.А. Щавеля. Его подход ориентирован на оценку совокупности конкретных условий жизнедеятельности, определяющих уровень взаимодействия общества с природой, меру самоосуществления и развития человека как природного существа. Для ответа на вопрос «Каково социальное пространство конкретного общества?» необходимо указать, что реально может сделать данное общество для самосохранения и развития (Щавель, 1988).

Привлекает точка зрения В.М. Гвишиани и Н.И. Лапина, согласно которой социальное пространство охарактеризовано «...как социально освоенная часть природного пространства и среды обитания людей, пространственно-территориальный аспект жизнедеятельности общества, наполнение его конкретным социально-географическим и социально-экономическим содержанием, что является отправной точкой характеристики территориальных, страновых объединений» (Гвишиани, Лапин, 1998: 260).

В этой связи уместно привести пример географической трактовки социального пространства. Так, Т.В. Субботина предлагает в качестве интегрального понятия «социально-экологическое пространство», под которым понимает часть ноосферы или антропосферы в пределах конкретной территории (Субботина, 2008: 75). Согласно ее мнению, социально-экологическое пространство представляет собой пространственно-временную организацию людей (территориальную общность людей) и среду их жизнеобитания с особыми видами природопользо-

вания, которую можно рассматривать с нескольких позиций: морфологической, функциональной, структурной и временной. Структурные образования в пространстве могут быть выражены как в вертикальном (отраслевом), так и горизонтальном (иерархическом) измерении.

В. Н. Иванов, В. И. Патрушев и соавторы в понятие социального пространства включают «гражданское общество, государство, регионы, национальные и национально-этнические субъекты управления, трудовые и бытовые ассоциации... Одной из его важнейших функций является ... социальное обустройство граждан, удовлетворение их социальных потребностей...» (Иванов, Патрушев, 1998: 85).

При всем многообразии трактовок и прочтений социального пространства в трудах представителей разных научных направлений четко определяется антропоцентристский подход, выдвигающий на первый план изучение качества жизни населения, его благополучия, степени безопасности и защищенности, сохранения историко-культурного наследия и формирование основ для устойчивого развития.

Как отмечалось выше, основоположниками евразийской идеи считаются Н. С. Трубецкой, П. Н. Савицкий и др., позднее их единомышленниками стали Л. П. Карсавин, Г. В. Вернадский, Л. Н. Гумилев, С. Б. Лавров. В настоящее время эти идеи переживают возрождение, исследования в этом направлении активно развивают представители общественных наук в контексте евразийской интеграции.

Евразийская тематика имеет множество толкований и подходов как к самому явлению, так и определению содержания понятия «Евразия». Его появление в научной лексике обусловлено прежде всего географическим и геополитическим расположением и использовано для определения территории Европы и Азии как суммы этих двух континентов (Боргарелло 2018). По убеждению данного исследователя, первое подтвержденное использование термина связано с работой немецкого географа К. Г. Реушля, который в 1859 г. предложил рассматривать термин «Евразия» для определения территории Азии и Европы. Но существуют и иные точки зрения, которые вносят уточнения и даже некоторую смысловую путаницу в его содержание (Боргарелло, 2018).

По мнению А. Г. Дружинина, подробно и многоаспектно рассматривающего евразийское пространство в своих трудах, с предметно содержательных позиций общественной географии «...Евразия — это, прежде всего, особого рода геокультурная (геоэтнокультурная) система, а точнее, их сопряженная совокупность. В этой связи отправным моментом необходимого для делимитации и структурирования подхода призвано стать формирование представлений о „евразийских“ геокультурных системах, странах, регионах и, на этой основе, — о «собственно Евразии» (Дружинин, 2016: 36).

Зачастую в смысловое значение категории «Евразия» вкладывается экономическая составляющая, которая сформирована деятельностью Евразийского экономического союза (ЕАЭС), что вполне логично, но эта деятельность отнюдь не исчерпывает содержание идеи евразийства. Как было уже отмечено, евразийская интеграция имеет гораздо более широкие и глубинные формы проявления и приобретает новый контент.

На пике изменения глобальной геэкономической и геополитической ситуации в 2014–2015 гг. стали заметно набирать обороты интеграционные векторы и сама евразийская идея оказалась востребована, получила государственную поддержку, стала расширять свое присутствие в ментальном пространстве, обретать качество одного из базовых ориентиров геостратегии России (Дружинин, 2016: 104). Важно подчеркнуть, что данная тематика актуализировала не только научные поиски и полемику, а стала важным механизмом реализации интеграционных процессов. В подтверждение тому приведем высказывание В. В. Путина на заседании «Валдайского клуба» в сентябре 2013 г.¹, на котором президент подчеркнул, что Евразийский союз является не просто набором взаимовыгодных экономических соглашений, а проектом сохранения идентичности народов, исторического Евразийского пространства в новом веке и в новом мире. Евразийская интеграция рассматривается как шанс для всего постсоветского пространства стать самостоятельным центром глобального развития, а не периферии для Европы или для Азии.

Для нас же привлекательна точка зрения исследователей, которые в основе становления и развития евразийской концепции отмечают такие ее системообразующие связи, как пространственные, обращая внимание на особенности природной среды, ландшафта; временные, формирующие общность исторического бытия, традиций, исторической памяти, широко понимаемой культуры, языка и др. (Орлова, 2003).

Категория «социальное пространство» применительно к евразийской теме обусловлена потребностями практики и опытом регулирования социальных процессов, включая особенности формирования и развития Евразийского экономического союза, последствий интеграционного процесса, который в большей степени имеет экономические приоритеты, в меньшей — социальные. Многие представители научного сообщества подчеркивают данный аспект. Так, например, в статье Т. В. Соколовой приведена научная полемика состояния социокультурной составляющей евразийского интеграционного процесса, где значительную роль она отводит социальному, политическому, культурному факторам и др. (Соколова, 2019).

С этой же точки зрения представляют интерес научные работы Г. И. Осадчей, которая отмечает, что достижение целей интеграции Евразийского союза нуждается в уточнении. Автор вводит такое понятие, как «наднациональная социальная политика», ставит вопрос о создании концепта социальной политики современного евразийского союза. В то же время обращает внимание на те особенности развития государств, членов ЕАЭС, которые имеют различия в культуре, менталитете и др. Без сомнения, как она полагает, данный аспект нельзя не учитывать. «...Для создания и внедрения концепта наднациональной социальной политики внутренняя социальная политика России должна действовать в рамках евразийских компетенций, активно и динамично реагировать на новые

¹ Путин В. В. Выступление на заседании Валдайского клуба «Многообразие России для современного мира» // <http://www.rg.ru/2013/09/09/stenogramma-site.html>

условия движения рабочей силы, изменение трудовых отношений во внутренней социальной политике и др.» (Осадчая, 2015: 57).

Вопросы формирования целенаправленной социальной политики на уровне ЕАЭС поднимают и другие авторы, рассматривая данную проблему в контексте развития и потенциальных точек роста. Отмечают, что в ее осуществлении имеются и объективные причины, которые обусловлены особенностями территориальной среды, культуры, религиозных традиций, исторического развития государств, членов интеграционного объединения. Актуальность формирования единого подхода к социальным условиям граждан, проживающих в территориях, продиктована вопросами социального неравенства, социальной незащищенностью населения на пространстве ЕАЭС. Обращает на себя внимание мнение авторского коллектива, который констатирует, что, несмотря на стратегическое планирование и развитие евразийской интеграции до 2025 г., концепция по развитию институтов социальной сферы до сих пор не разработана (Точин и др., 2023: 59).

Таким образом, непростой формат евразийской интеграции нуждается в кардинальном переустройстве социальной жизни в странах ЕАЭС, дальнейшем продвижении и углублении исследований по этим вопросам, обоснования системы критериев и индикаторов, адекватно отражающих социальное благополучие.

Методологические основы изучения социального пространства применительно к евразийской интеграции

Какова роль социального пространства в достижении этой цели?

Безусловно, социальное пространство, которое мы рассматриваем в рамках евразийской интеграции, нуждается в уточнении перечисленных нами характерных особенностей. Проведенный выше анализ научной литературы позволил сформулировать отдельные положения.

На наш взгляд, понятие «социальное пространство» в контексте евразийской интеграции следует уточнить как определенную соразмерность различных форм субъектно-объектного взаимодействия, формирующую направленность интеграционного процесса на создание условий социального благополучия людей.

Мы вводим термин «социальное благополучие» как некую цель процесса евразийской интеграции в рамках социально-пространственного подхода. Отметим, что в зарубежных и отечественных научных исследованиях благополучие рассматривалось как стратегическая цель государства, идеальное социальное устройство, материальный достаток, благосостояние и др. Его источниками, как правило, выступают экономические условия — уровень развития производительных сил, система экономических отношений, участие в управлении производством, а также уровень развития социальной структуры, отношений, которые складываются в процессе общения, и др. В социологии существуют три ключевых подхода к толкованию категории «социальное благополучие» — объективистское (как объективное явление социальной жизни), субъективистское (устойчивый общественный порядок, социальный мир), интегративное (социальная солидарность). Механизм реализации социального благополучия являются не только экономические условия, но и, как уже отмечалось выше, социальная политика государства.

Для конкретизации перечисленных категорий нами выделены *несколько уровней анализа*. В зависимости от степени локализации социального пространства обозначим мегауровень, макроуровень, мезоуровень, микроуровень. Заметим, что, исходя из принципов динамического иерархизма, трансформируемая система представляет собой целостное сочетание различных уровней.

Мегауровень отражает параметры социального времени и включает в себя аспекты духовной сферы, культуры и ментальности нации. *Макроуровень* — это направленность социального пространства в области создания условий для саморазвития и самообеспечения конкретной территории, обладания высокой степенью актуализации социально-пространственного потенциала. *Мезоуровень* включает анализ причин, закономерностей, последствий использования данного подхода в процессе формирования системы евразийской интеграции на уровне региональных сообществ, реализации цели. *Микроуровень* — это область реализации через конкретные практики по месту проживания человека.

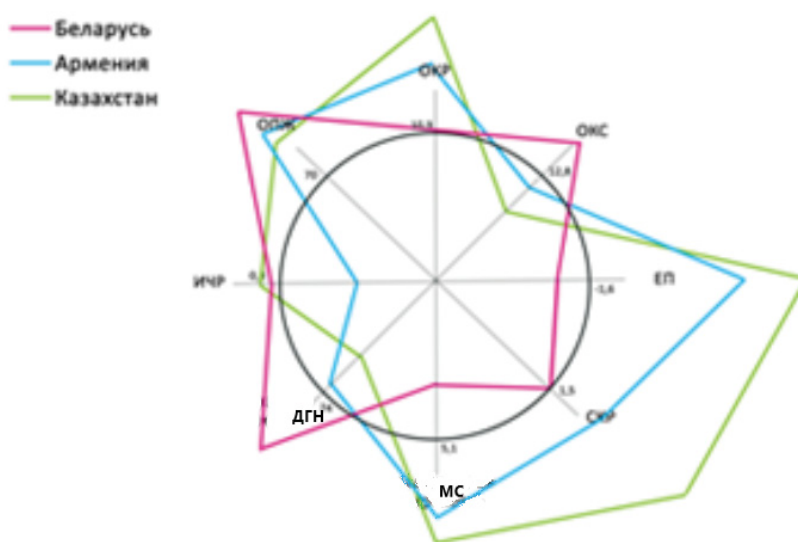
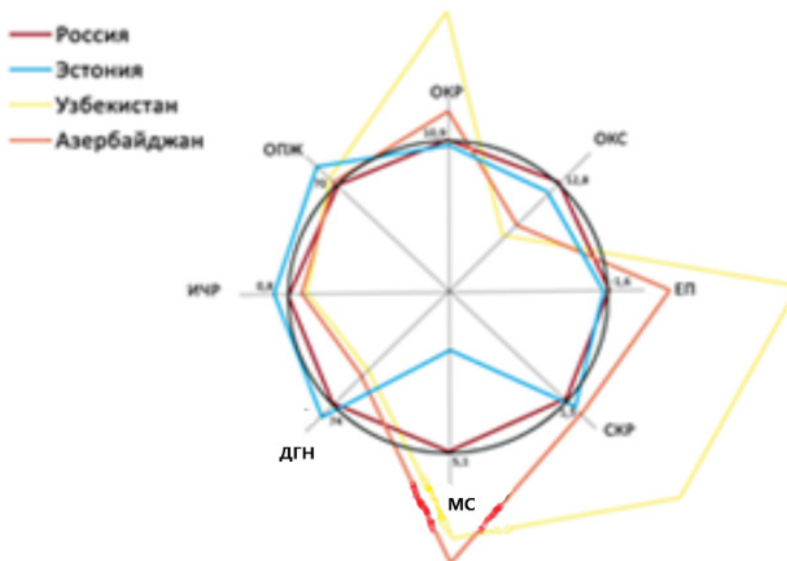
Кроме того, социальное пространство может быть структурировано по ряду критериев:

- территориальному (социально-географические показатели);
- функциональному (социально-экономические показатели);
- социально-сферовым (показатели оценки качества социальных услуг);
- демографическим параметрам и др.

Рассмотрим некоторые из обозначенных нами критериев.

Как отмечалось в преамбуле к данной статье, страны постсоветского пространства вступили на путь перемен в разных стартовых условиях, обусловленных не только природно-ресурсным и экономическим потенциалом, но и своими уникальными социально-демографическими процессами. Некоторые страны ближнего зарубежья завершили демографический переход, имея сходные с российскими показатели воспроизводства населения, некоторые — сохраняют традиционные стереотипы демографического поведения. В качестве примера мы привели графоаналитические модели (рис.), на которых представлены показатели социально-демографической ситуации в некоторых странах постсоветского пространства. Модели визуализируют неравномерность социально-демографической ситуации, что обусловлено не столько социально-экономическими факторами, сколько национальными, конфессиональными, поведенческими и прочими особенностями.

На данных графиках показатели России взяты в качестве «ориентира» и показаны окружностью, каждый из показателей сравнивался с российским по собственной шкале. На графике представлены следующие показатели: ОКР — общий коэффициент рождаемости (промилле), ОКС — общий коэффициент смертности (промилле), ЕП — естественный прирост (промилле), СКР — суммарный коэффициент рождаемости (детей, приходящихся на женщину детородного возраста), МС — младенческая смертность (промилле), ДГН — доля городского населения (%), ИЧР — индекс человеческого развития, ОПЖ — ожидаемая продолжительность жизни (лет).

Показатели социально-демографической ситуации в России и некоторых странах ближнего зарубежья, 2019.

Indicators of the socio-demographic situation in Russia and some countries of the Near Abroad, 2019.

Гуманитарная составляющая сотрудничества также включает уровень жизни, и в этой области фиксируется существенный разрыв между показателями прожиточного минимума и уровня доходов отдельных государств — членом ЕАЭС. По данным Статистического ежегодника Евразийского экономического союза в 2019 г. прожиточный минимум в России был почти в 2,5 раза выше, чем

в Кыргызстане, и в два раза выше, чем в Казахстане. Вместе с тем в Киргизии и Российской Федерации зарегистрирован высокий уровень бедности. Это свидетельствует об отсутствии единых скоординированных условий проведения эффективной социальной политики. Безусловно, реализация общей социальной политики в рамках ЕАЭС сталкивается с рядом объективных препятствий, обусловленных разным уровнем экономического развития, особенностями политического и экономического управления, разнородной институциональной средой, культурными и религиозными особенностями исторического генезиса государств — членов интеграционного объединения. В то же время о необходимости координации социальных процессов свидетельствует усиливающийся в последнее время миграционный обмен между странами СНГ. «Набирает обороты» и так называемая учебная миграция, поскольку страны Центральной Азии заинтересованы в получении высшего образования в российских вузах, в защите научных работ в наших диссертационных советах. Особого внимания требует изучение и оценка перспектив развития индустрии туризма в бывших советских республиках в разрезе экономических, инфраструктурных, социальных, культурных и прочих его аспектов. Эти и многие другие факторы лишней раз обосновывают необходимость формирования общих подходов к преодолению социального неравенства и социальной незащищенности на пространстве ЕАЭС, так как сохранение такого уровня дифференциации в глазах населения в перспективе может поставить под сомнение возможность дальнейшего развития интеграционной группировки и соответственно ставить под угрозу имеющиеся достижения.

Все вышеперечисленное в конечном счете определяет объективные потребности и приоритеты формирования социального пространства со всеми его характерными особенностями.

Заключение

Три десятилетия, прошедшие после распада Советского Союза, привели к усилению и ускорению интеграционных и дезинтеграционных процессов; стала очевидной необходимость реновации интеграционной тематики, поэтому в научных кругах возникло понимание необходимости исследований по развитию концепции «евразийства» как основополагающей идеи территориального управления и сохранения некогда единого геополитического пространства. В меняющихся геополитических условиях, при разрушении биполюсного миропорядка, трансформации мировой экономики в полицентрическую систему идея евразийской интеграции приобретает новое звучание и актуальность. Как следствие, тема евразийской интеграции, имеющая почти столетнюю историю, сегодня широко освещается в научной литературе и требует междисциплинарного подхода в изучении и дальнейшем развитии.

Идея евразийства и углубления всех направлений евразийской интеграции является не только объектом научных дискуссий, но и важным инструментом территориального управления и пространственного развития. Евразийская ин-

теграция рассматривается как стратегическая цель превращения постсоветского пространства в самостоятельный центр глобального развития, чтобы не оставаться сырьевой периферией Европы или Азии.

Зачастую в смысловое значение категории «Евразия» вкладывается экономическая составляющая, которая сформирована деятельностью Евразийского экономического союза (ЕАЭС), но эта деятельность отнюдь не исчерпывает содержания идеи евразийства. Евразийская интеграция имеет гораздо более широкие и глубинные формы проявления и приобретает новый контент, который очень важно рассматривать через призму таких категорий, как «социальное пространство», «геокультурное пространство», «благополучие населения». Единая и скоординированная социальная политика в рамках евразийского пространства требует и глубокой проработки методики оценки ее эффективности, обоснования критериев анализа «асимметричности и неоднородности» условий и качества жизни, вопросов социального благополучия/неблагополучия населения. И сама суть евразийской интеграции — «единство в многообразии!» — строится на сохранении уникальности каждой страны, но при этом обуславливает необходимость формирования социальной политики в рамках единого социального пространства с учетом природно-ресурсного, экономического, демографического, культурно-этнического потенциала на долгосрочную перспективу.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Алаев Э.Б. Социально-экономическая география. Понятийно-терминологический словарь. М. : Мысль. 1983. 352 с.

Балина Т. А., Конышев Е. В., Пономарева З. В., Рязанцев А. С., Столбов В. А. Территория и пространство: трансформация категорий на современном этапе развития географической науки // Вестник Воронежского государственного университета. География. Геоэкология. 2022. № 2. С. 25–33. doi:10.17308/geo.2022.2/9308.

Боргарелло К. Евразийское пространство: проблема определения // Постсоветский материк. 2018. №3 (19). С. 15–22.

Виноградский В. Г. Социальная организация пространства. М. : Наука, 1988. 187 с.

Горкин А. П. Социально-экономическая география. Понятия и термины: словарь-справочник. Смоленск : Ойкумена, 2013. 328 с.

Двадцать лет разделенного единства: экспедиционные записки. Смоленск : Ойкумена. 2012. 384 с.

Евразийский интеграционный проект: эффекты и проблемы реализации. М. : Институт экономики РАН, 2013. 92 с.

Дружинин А. Г. Россия в многополюсной Евразии: взгляд географа-обществоведа. Ростов-на-Дону : Изд-во Южного Федерального университета, 2016. 228 с.

Зборовский Г. Е. Пространство и время как факторы социального бытия. Свердловск, 1988. 187 с.

Иванов В. Н., Патрушев В. Н. Социальный менеджмент: курс лекций. М. : Союз, 1998. 240 с.

Краткий словарь по социологии. М.: Политиздат, 1989. 479 с.

Лавров С. Б. Лев Гумилев. Судьба и идеи. М. : Сварог и К., 2000.

Орлова И. Б. Контуры современной евразийской концепции. 2003. URL: <http://www.ispr.ru/Евразийство/Идеология/Российский сайт.htm> (дата обращения 29.03.2023).

Осадчая Г. И. Россия в контексте евразийской интеграции: социальное измерение // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2015. Т. 15, № 4. С. 57–70.

Соколова Т. В. Евразийская интеграция: социальный аспект // Россия и новые государства Евразии. 2019. № III (XLIV). С. 27–42.

Статистический ежегодник евразийского экономического союза // Евразийская экономическая комиссия. 2020. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Documents/Stat_Yearbook_2020.pdf (дата обращения 31.03.2020).

Субботина Т. В. Структура социально-экологического пространства // Географический вестник. 2008. № 2 (89). С. 75–86.

Точин А. В., Алиев Т. М., Чимириш Е. С., Безруков А. Э., Кузьмичев К. С., Пыжиков Н. С., Стоянова Е. В. Развитие ЕАЭС 2022+: стратегические задачи и требования времени: доклад № 84/2023 // Российский совет по международным делам (РСМД). М. : НП РСМД, 2023. 78 с.

Храмова А. В. Становление концепции Евразийской интеграции // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего. Социально-гуманитарные науки. Выпуск 6 (28). Пенза : Изд-во Пенз. гос. технол. ун-та, 2015. Т. 2. С. 64–70.

Чистобаев А. И. Евразийство и неоевразийство в геополитике Российской Федерации // Материалы конференции «Настоящее и будущее России в меняющемся Мире: общегеографический анализ и прогноз» (Ижевск, 19–22 сентября 2021 г.). Ижевск : Издательский центр «Удмуртский университет», 2021. С. 23–29.

Щавель С. А. Социальная сфера общества и личность. Минск : Наука и техника, 1988. 166 с.

REFERENCES

Alaev, E. V. (1983). *Socio-economic geography. Conceptual-terminological dictionary*. Moscow : Mysl. (In Russ.).

Balina, T. A., Konyshchev, E. V., Ponomareva, Z. V., Ryazantsev, A. S., Stolbov, V. A. (2022). Territory and space: transformation of categories at the present stage of development of geographical science. *Bulletin of the Voronezh State University. Geography. Geoecology*, 2, 25–33. doi:10.17308/geo.2022.2/9308. (In Russ.).

Borgarello, K. (2018). Eurasian space: the problem of definition. *Post-Soviet Continent*. 3(19), 15–22. (In Russ.).

Vinogradsky, V. G. (1988). *Social organization of space*. Moscow: Nauka. (In Russ.).

- Gorkin, A. P. (2013). *Socio-economic geography. Concepts and terms. Dictionary reference*. Smolensk : Ojkumena. (In Russ.).
- Twenty years of divided unity: expedition notes*. (2012). Smolensk : Ojkumena. (In Russ.).
- Eurasian Integration Project (2013). *Effects and Problems of Implementation*. Moscow: Institut ekonomiki RAN. (In Russ.).
- Druzhinin, A. G. (2016). *Russia in multipolar Eurasia: the view of a social geographer*. Rostov-on-Don : Izd-vo Yuzhnogo Federal'nogo universiteta. (In Russ.).
- Zborovsky, G. E. (1988). *Space and time as factors of social life*. Sverdlovsk. (In Russ.).
- Ivanov, V. N., Patrushev, V. N. (1998). *Social management: a course of lectures*. Moscow : Soyuz. (In Russ.).
- Brief Dictionary of Sociology* (1998). Moscow : Politizdat. (In Russ.).
- Lavrov, S. B. (2000). *Lev Gumilyov. Fate and ideas*. Moscow : Svarog i K. (In Russ.).
- Orlova, I. B. (2023). *Contours of the modern Eurasian concept*. [http://www.ispr.ru/Eurasianism/Ideology/Russian site.htm](http://www.ispr.ru/Eurasianism/Ideology/Russian%20site.htm). Retrieved 03/29/23. (In Russ.).
- Osadchaya, G. I. (2015). Russia in the Context of Eurasian Integration: Social Dimension. *Bulletin of RUDN University. Series Sociology*, 5(4), 57–70. (In Russ.).
- Sokolova, T. V. (2019). Eurasian integration: social aspect. *Russia and the new states of Eurasia, III(XLIV)*, 27–42. (In Russ.).
- Statistical Yearbook of the Eurasian Economic Union (2020). *Eurasian Economic Commission*. http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Documents/Stat_Yearbook_2020.pdf (accessed 03/31/2020).
- Subbotina, T. V. (2008). Structure of socio-ecological space. *Geographic Bulletin*, 2(89), 75–86. (In Russ.).
- Tochin, A. V., Aliev, T. M., Chimiris, E. S., Bezrukov, A. E., Kuzmichev, K. S., Pyzhikov, N. S., Stoyanova, E. V. (2023). Development of the EAEU 2022+: strategic tasks and requirements of the time: Report No. 84 / 2023. *Russian International Affairs Council (RIAC)*. Moscow : NP RSMD. (In Russ.).
- Khramova, A. V. (2015). Formation of the concept of Eurasian integration. *XXI century: results of the past and problems of the present. Series: Social and humanitarian sciences*, 6(28), 64–70. (In Russ.).
- Chistobaev, A. I. (2021). Eurasianism and neo-Eurasianism in the geopolitics of the Russian Federation. *The Present and Future of Russia in a Changing World: General Geographical Analysis and Forecast. (Izhevsk, September 19– 22, 2021)* (pp. 23–29). Izhevsk : Izdatel'skij centr «Udmurtskij universitet». (In Russ.).
- Shchavel S. A. (1988). *Social sphere of society and personality*. Minsk: Nauka i tehnika. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Зинаида Петровна Замараева — д-р социол. наук, зав. кафедрой социальной работы и конфликтологии Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь, Россия.

Zinaida P. Zamaraeva — Dr. Sci. (Sociology), Head of the Department of Social Work and Conflictology, Perm State National Research University, Perm, Russia.

Татьяна Анатольевна Балина — канд. геогр. наук, доцент кафедры социально-экономической географии Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь, Россия.

Tatyana A. Balina — Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor, Department of Socio-Economic Geography, Perm State National Research University, Perm, Russia.

Статья поступила в редакцию 23.04.2023;
одобрена после рецензирования 17.05.2023;
принята к публикации 17.05.2023.

The article was submitted 23.04.2023;
approved after reviewing 17.05.2023;
accepted for publication 17.05.2023.

Discussion Article / Дискуссионная статья

УДК 316.3

DOI: 10.14258/SSI(2023)2-04

Social Support of Integration and Education Development in the Eurasia

Tatyana P. Lipai¹

Mariam R. Gevorgyan²

¹Minsk City Institute for the Development of Education. Minsk, Belarus, lipai@tut.by, <https://orcid.org/0000-0002-9186-9806>

²French University in Armenia (UFAR), Yerevan, Armenia, mariamgevorgyan89@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2927-0437>

Abstract. The article focuses on the Eurasian Education System (EES) as an integration of different education approaches, and stresses the importance of social aspects in the construction of the comprehensive EES. Based on the results of the research, the article identifies the dynamics of the social support of integration processes, and notes its development.

The authors consider main directions, practices and approaches to enhance the social support for integration and development. The authors refer to the works of contemporary Armenian, Belarusian and foreign authors who wrote on education systems that developed the methodological grounds for promoting solidarity, and identify ways to extend the EES's support base.

The article shows that the resource of social solidarity, unity and structural-functional integration of the EES is in the everyday efforts to strengthen it together with the social efficiency, and this resource can be discourse of the member states in the field of social-scientific cooperation. The development of the support base for integration processes includes such practices and resources that ensure interiorization of symbols, norms, values, and solidarity of the peoples and elites of the Eurasian Education System.

Keywords: Eurasian Education System, social processes, integration, social support, social management, social stigma, social-humanitarian cooperation

For citation: Lipai, T.P., Gevorgyan, M.R. (2023). Social Support of Integration and Education Development in the Eurasia. *Society and Security Insights*, 6(2), 61–70. doi: 10.14258/ssi(2023)2-04

Социальная поддержка интеграции и развития образования в Евразии

Татьяна Петровна Липай¹

Мариам Рафик Геворгян²

¹Минский городской институт развития образования, Минск, Республика Беларусь
lipai@tut.by, <https://orcid.org/0000-0002-9186-9806>

²Французский университет в Ереване, Ереван, Армения
mariamgevorgyan89@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2927-0437>

Аннотация. В статье основное внимание уделяется евразийской системе образования (ЕОО) как интеграции различных образовательных подходов, а также подчеркивается важность социальных аспектов в построении комплексной ЕОО. По результатам проведенного исследования в статье выявляется динамика социальной поддержки интеграционных процессов, отмечается ее развитие. Авторы рассматривают основные направления, практики и подходы к улучшению управления социальной поддержкой интеграции и развития. Авторы обращаются к работам современных армянских, белорусских и зарубежных авторов в сфере образования, разработавших методологические основы продвижения солидарности, и определяют пути расширения базы поддержки ЕЭС. В статье показано, что ресурс социальной солидарности, единства и структурно-функциональной интеграции ЕЭС заключается в повседневных усилиях по ее укреплению вкупе с социальной эффективностью, и этот ресурс может быть обеспечен дискурсом государств-членов в области общественно-научного сотрудничества. Развитие опорной базы интеграционных процессов включает в себя такие практики и ресурсы, которые обеспечивают интериоризацию символов, норм, ценностей и солидарности народов и элит евразийской системы образования.

Ключевые слова: евразийская система образования, социальные процессы, интеграция, социальная поддержка, социальное управление, социальная стигма, социально-гуманитарное сотрудничество

Для цитирования: Липай Т. П., Геворгян М. Р. Социальная поддержка интеграции и развития образования в Евразии // Society and Security Insights. 2023. Т.6, № 2. С. 61–70. doi: 10.14258/ssi(2023)2-04

Introduction

Human capital today has become one of the main factors in the development of society and the education system plays an important role in the formation of values and morality.

“Human capital” does not mean the people themselves, but the knowledge and skills they possess that allow them to create value in the global economic system. Human capital is “formed from valuable qualities acquired throughout a person’s life, which can be strengthened through appropriate investments” (Schultz, 1961: 8–9).

The global economy is already setting new challenges for colleges, institutes and universities (Lipai, Gevorgyan, 2020a; Lipai, Gevorgyan, Minasyan, 2021).

In the university community, we have the concept of “University 3.0”, which gives

impetus to the activities of universities (Lipai, Gevorgyan, 2020b; Lipai, Gevorgyan, 2021).

Capacity Building Higher Education Projects (CBHE) promote cooperation and partnerships that have an impact on the modernization and internationalization of higher education institutions and systems in Partner Countries.

The article addresses an urgent need in the Reforming Education System in Eurasia in line with the Salzburg Principles with the emphasis on legal framework and institutional procedures supporting integrative and internationally-oriented high and doctoral studies involving universities, research institutions and industry. Expected impact on the international and national levels is seen as a contribution to the reform and modernization of higher and doctoral Education in line with the Salzburg principles.

The article aims to foster the rights of individuals with special needs to access inclusive education and enjoy the right of participation in everyday society, to combat discrimination and stigmatization of the individuals with special needs by instilling awareness and acceptance in society as in line with the Bologna Process and A guide to preventing and addressing social stigma.¹

The action foresees:

- strengthening strategic, infrastructural and human capacities in high and doctoral Education Institutions (HEIs) and Institutes of the National Academy of Sciences (SRIs), the Ministry of Education, Science, Culture and Sport of the Republic of Armenia and Belarus,
- development of national new policy and legal framework, including by-laws for higher and doctoral education in Armenia, in Belarus and further approval by national Ministry for pilot implementation,
- revision of institutional policies, procedures based on the redesigned national regulatory framework and design of the Institutional Handbook for high and doctoral Education.

Bases of interaction in the Eurasian space

A new educational policy was developed, based on the ideas of variability and free choice at all levels of the education system. Let us consider the interaction of Eurasian states within the main integration associations, as well as at their national level. It has become possible to distinguish two completely specific areas of Eurasian integration in higher education: (1) transformation the educational standards according with the needs of the Eurasian common market and (2) creation of Eurasian common scientific clusters and campuses based on universities, large enterprises, academies of science for the development of new technologies, and Eurasian common import substitution with centralized financing (Petrovskiy, 2018).

At the same time, it was pointed out that there was an infrastructure of science and innovations in Armenia and Belarus; it is represented by various development institutions, technology parks, and business incubators, which can and should be used to develop the education system. According to this approach, five basic directions of devel-

---

¹ A guide to preventing and addressing social stigma «Social Stigma associated with COVID-19». URL: <https://www.who.int/docs/default-source/coronaviruse/covid19-stigma-guid>

opment of the education system in Armenia and Belarus are defined for the period up to 2023, including not only education itself but also the formation of research competencies and technical groundwork.

The Republic of Armenia

On May 19, 2005, the Republic of Armenia (Armenia) signed the Bologna Declaration. The agreement between the Ministry of Education and Science of the Russian Federation and the Ministry of Education and Science of the Republic of Armenia on cooperation in education was signed earlier on July 13, 2004, but did not enter into force. Only medical education has been withdrawn from the Bologna system (Sandoyan, Mkhytaryan, Khachatryan et al., 2008).

It should be noted that the introduction of the Bologna education system in Armenia is rather positive (Avetisyan, Zaslavskaya, 2017). The credit rating system in universities under the Bologna system competes in Armenia with the traditional system of students' knowledge assessment adopted in Russia, which is adopted in universities focused on the Russian education model. The largest higher educational institution of this kind in Armenia is the Russian-Armenian University (RAU). The university was founded in Yerevan in 1997, in accordance with the Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of Armenia.¹

In accordance with the mentioned interdepartmental Agreement on cooperation in education of July 13, 2004, the State Institute for Advanced Studies and Retraining in Informatics of the Republic of Armenia granted the status of the basic organization of the CIS in sphere of education of persons with disabilities and unemployed citizens of the EAEU states.

State universities in Armenia are autonomous nonprofit legal state entities that operate in accordance with government policies. Universities independently determine their budget and use of funds received from non-state sources. Funds received from the state budget are only part of the general budget of the university and can be used for a specific purpose in accordance with the standards established by law. Universities are also free to form their internal organizational structure.²

Student learning outcomes are evaluated based on exams and tests, which are conducted in written or oral form. Exam results are graded according to classification systems that vary significantly among institutions (5-, 10-, or 20-point marking scales, 4-point graduation of letters A–F, etc.) (Avetisyan, Zaslavskaya, 2017).

The main educational program is undergraduate (bachelor's) degree; in higher educational institutions, it takes four years, and for medical specialties, it is five years. The duration of training in the program of specialty is five years.³ Master's qualifications are awarded to persons with a bachelor's degree or specialist, according to the results of at least one year of vocational education program. The degree provides access to postgraduate studies based on the results of entrance examinations of applicants.

¹ Russian-Armenian (Slavonic) University (RAU). Edu Scan. URL: <https://eduscan.net/colleges/ra>.

² Higher Education. Ministry of Education and Science of the Republic of Armenia. URL: <http://edu.am/index.php/am/documents/index/101>.

³ About the Higher Education in Armenia. URL: <http://studyinarmenia.org/hea>.

At the end of graduate school and successful thesis, a graduate student receives a PhD degree.

The Republic of Belarus

The main law regulating the sphere of education is the Code of the Republic of Belarus (Belarus) No. 243-3 “On Education”, adopted on January 13, 2011.¹ In accordance with this document, the state policy in education should be based on the principles of the priority of human rights, ensuring equal access to education, compulsory general basic education, integration into the world educational space, secular nature, and environmental orientation of education. The Belarus Code “On Education” also provides for the development of education, considering the tasks of the socioeconomic development of the state and the state-public nature of education management. Even though formally these principles can be called progressive, the degree of their real implementation in the education system of Belarus causes doubts among researchers (Pogorelskaya, 2016).

The Resolution of the Council of Ministers of the Republic of Belarus of March 28, 2016, No. 250 approved the State Program “Education and Youth Policy” for 2016–2020.²

According to this document, institutions of higher education in Belarus include 43 public and nine private universities³. They are divided into universities (33), academies (8), institutes (10), and higher colleges (1). The main difference between institutes and universities is that they train narrow specialists, and in higher colleges, you can get a higher education only at the first level. The Ministry of Education of the Republic of Belarus is the only state body for implementing state policy in education, organization of scientific research, and education international cooperation. In particular, the Ministry has jurisdiction over the quality control of education, coordination of the activities of state educational institutions, and licensing of educational institutions. It also organizes the development of educational programs and standards with the participation of educational institutions, provides scientific and methodological support for education, etc.⁴

The universities can submit their requirements and recommendations to state authorities through the Republican Council of Rectors⁵. Another feature of the Belarus education system is that, according to the Belarus Code on Education, employment of graduates of higher educational institutions occurs through distribution based on the received specialty and qualification (distribution does not apply to graduates of evening and extramural education and full-time graduates who have received education on a fee

¹ The National Register of Legal Acts of the Republic of Belarus. No. 13, 2/1795. 2011. <https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=Hk1100243>.

² The National Register of Legal Acts of the Republic of Belarus. No. 92, 5/34264. 2011.

³ National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus. No. 5/42890. 2016.

⁴ Resolution of the Council of Ministers of the Republic of Belarus. No. 1554. On Approval of the Regulations on the Ministry of Education of the Republic of Belarus. National Register of Legal Acts of the Republic of Belarus. No. 118, 5/9561. 2001. <http://law.by/databank-business/list-of-legal-acts/?p0=2>.

⁵ Decree of the President of the Republic of Belarus. On the accession of the Republic of Belarus to the Convention on the recognition of qualifications relating to higher education in the European Region. No. 5. 2002. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=P3020000>.

basis. The terms of compulsory work in the direction of work for graduates who have received education at the expense of the republican budget range from one to five years, depending on the qualifications obtained).

In 2012–2015 the new structure of higher education was formally approved (bachelor, master, and third degree — doctoral — remains beyond the scope of reform) (Vetokhin, 2014); the issue of the European Diploma Supplement on Higher Education became mandatory.

On May 15, 2015, at the conference of ministers of education of the European Higher Education Area member states in Yerevan (Armenia), Belarus received the status of a participant in the Bologna process (Pogorelskaya, 2017).

Therefore, in the context learning process, competencies act as learning objectives, and competence is a characteristic of the success of the learning process, its result. According to researchers, competence means not only traditional knowledge (“know what”), but also procedural knowledge (“know how”), as well as value-semantic knowledge (to know why and for what) (Zhuk, 2009). The education system fulfills the social and economic order of society. Emerging new and, as current experience shows, unpredictable challenges of our time, give education dynamism, set new tasks, the solution of which requires original solutions and approaches.

Collective solidarity and global cooperation are essential to prevent further transmission of the virus (COVID-19) and alleviate community problems. There are a number of initiatives to combat stigma and stereotypes. Key point to connect with these activities is to create a movement and a positive environment, which demonstrates caring and empathy for all ¹.

According to the National Strategy for Sustainable Development of Belarus until 2030 «the education system should ensure that the acquired knowledge and skills are adequate to the rapidly changing requirements of society and the economy, engineering and technology, the development of personal initiative and human adaptability, due to which human abilities to integrate and create innovations expand».

Conclusion

The integration of higher and postgraduate education systems in the Eurasian space is quite successful. In particular, this concerns a change in the system of assessing students' knowledge, which has become much more variable than the Soviet system. Despite some “minuses” of integration of the educational space within the framework of the “Bologna process,” it should be noted that it provided a certain unification of the construction of the educational process. Different “speeds” of this process in the EAEU member states are explained by the need to overcome the existing imbalances in education. The gradual unification of the state regulation of higher and postgraduate education not only provides a freer choice of place of study throughout the EAEU but will also allow to solve emerging problems in a more expeditious manner.

---

¹ A guide to preventing and addressing social stigma «Social Stigma associated with COVID-19». URL: <https://www.who.int/docs/default-source/coronaviruse/covid19-stigma-guid>.

The implementation of Network Universities allows the students to independently form a program of study based on the individual choice of competencies mastered by them. This fact should be positively evaluated.

REFERENCES

A guide to preventing and addressing social stigma «Social Stigma associated with COVID-19». URL: <https://www.who.int/docs/default-source/coronaviruse/covid19-stigma-guid>

About the Higher Education in Armenia. URL: <http://studyinarmenia.org/hea>

Avetisyan, P. S., Zaslavskaya, M. I. (2017). *Modernization of Armenia's higher education system in the context of integration processes.* Yerevan : RAU. (In Russ.).

Higher Education. *Ministry of Education and Science of the Republic of Armenia.* Available at: <http://edu.am/index.php/am/documents/index/101>

Lipai T. P., Gevorgyan M. R. (2021). Contemporary system of education: innovative nature of the development and problems of training doctoral students. *Labour and Social Relations*, 32(2), 160–166. doi: 10.20410/207378152021322160166

Lipai, T. P., Gevorgyan, M. R. (2020b). Education quality management on the improvement of doctoral education. *Labour and Social Relations*, 30(6), 169–177. doi:10.20410/207378152020304169177

Lipai, T. P., Gevorgyan, M. R., Minasyan, S. M. (2021). Innovation management in the educational trajectory of the student during the COVID-19. *Labour and Social Relations*, 32(1), 139–145. doi: 10.20410/2073 7815 2021 32 1139 145

Lipai, T., Gevorgyan, M. (2020a). Issues and propositions on the improvement of doctoral education. *Podstawy Edukacji*, 13, 217–224. doi: 10.16926/pe.2020.13.15

National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus. No. 5/42890. 2016. URL: <https://pravo.by/natsionalnyy-reestr/novye-postupleniya/>

National strategy for sustainable socio-economic development of the Republic of Belarus for the period up to 2030. *Ministry of Economy of the Republic of Belarus.* URL: <http://srrb.niks.by/info/program.pdf>. (accessed 22 January 2023). (In Russ.).

On Approval of the Regulations on the Ministry of Education of the Republic of Belarus: Resolution of the Council of Ministers of the Republic of Belarus. No. 1554. *National Register of Legal Acts of the Republic of Belarus.* No. 118, 5/9561. 2001. URL: <http://law.by/databank-business/list-of-legal-acts/?p0=2>

On the accession of the Republic of Belarus to the Convention on the recognition of qualifications relating to higher education in the European Region: Decree of the President of the Republic of Belarus. URL: https://belzakon.net/Законодательство/Указ_Президента_РБ/2002/5484.

Petrovskiy, P. (2018). Inter-State and Inter-Regional Cooperation. In: D. G. Yevstaf'yev, A. M. Kusainov, S. I. Masaulov (Eds). *Growth points of the EAEU: Economy, security, society.* Russian-Belorussian Expert Club, Center for the Study of Integration Prospects (pp. 24–25). Moscow. (In Russ.).

- Pogorelskaya, A. M. (2016). Difficulties of contemporary system of higher education in the Republic of Belarus. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, 411, 116–125. doi: 10.17223/15617793/411/1763. (In Russ.).
- Pogorelskaya, A. M. (2017). Wishful thinking and adherence of Belarus to the Bologna Process. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Istoriya*, 7(50), 69–74. (In Russ.)
- Russian-Armenian (Slavonic) University (RAU) // *EduScan*. URL: <https://eduscan.net/colleges/rau>.
- Sandoyan, E., Mkhityryan, S., Khachatryan, M., Bagdasaryan, V., & Surinkin, E. (2008). Reforms of higher education as an instrument of integration into a single European space of higher education (for example, Russian-Armenian State University). *Vestnik OmGU. Seriya: Ekonomika*, 1, 43–46. (In Russ.)
- Schultz, T. W. (1961). Investment in Human Capital. *The American Economic Review*, 51, 1–17.
- The National register of legal acts of the Republic of Belarus*. No. 13, 2/1795. 2011. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=Hk1100243> (In Russ.).
- The National register of legal acts of the Republic of Belarus*. No. 92, 5/34264. 2011. URL: [https://pravo.by/pdf/2011-92/2011-92\(006-060\).pdf](https://pravo.by/pdf/2011-92/2011-92(006-060).pdf).
- Vetokhin, S. S. (2014). *Bologna process as a way of modernization of the higher education system of Belarus*. Minsk : Medisont. (In Russ.).
- Zhuk, O. L. (2009). *Pedagogical training of students: competence — based approach*. Minsk : RIVSH. (In Russ.).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Аветисян П. С., Заславская М. И. Модернизация системы высшего образования Армении в контексте интеграционных процессов. Ереван : РАУ, 2017. 123 с.
- Ветохин С. С. Болонский процесс как путь модернизации системы высшего образования Беларуси. Минск : Медисон, 2014. 67 с.
- Высшее образование // Министерство образования и науки Республики Армения. URL: <http://edu.am/index.php/am/documents/index/101>.
- Жук О. Л. Педагогическая подготовка студентов: компетентностный подход. Минск : РИВШ, 2009. 336 с.
- Липай Т. П., Геворгян М. Р. Современная система образования: инновационный характер развития и проблемы подготовки докторантов // Труд и социальные отношения. 2021. № 2. С. 160–166. doi: 10.20410/207378152021322160166
- Липай Т. П., Геворгян М. Р. Управление качеством образования по совершенствованию докторантуры // Труд и социальные отношения. 2020. № 6. С. 169–177. doi: 10.20410/207378152020304169177
- Липай Т., Геворгян М. Вопросы и предложения по совершенствованию докторантуры // Основы образования. 2020. № 13. С. 217–224. doi: 10.16926/pe.2020.13.15
- Липай Т. П., Геворгян М. Р., Минасян С. М. Инновационный менеджмент в обра-

зовательной траектории обучающихся в период COVID-19 // Труд и социальные отношения. 2021. № 1. С. 139–145. doi: 10.20410/2073 7815 2021 32 1 139 145

Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года // Министерство экономики Республики Беларусь. URL: <http://srrb.niks.by/info/program.pdf>

Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. 2016. № 5/42890. URL: <https://pravo.by/natsionalnyu-reestr/novye-postupleniya/>

Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2011. № 13, 2/1795. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=Hk1100243>

Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2011. № 92, 5/34264. URL: [https://pravo.by/pdf/2011-92/2011-92\(006-060\).pdf](https://pravo.by/pdf/2011-92/2011-92(006-060).pdf)

О высшем образовании в Армении. URL: <http://studyinarmenia.org/hea>

О присоединении Республики Беларусь к Конвенции о признании квалификаций, относящихся к высшему образованию в Европейском регионе: Указ Президента Республики Беларусь. URL: https://belzakon.net/Законодательство/Указ_Президента_РБ/2002/5484

Об утверждении Положения о Министерстве образования Республики Беларусь.: Постановление Совета Министров Республики Беларусь № 1554. Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2001. № 118, 5/9561. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C20101545>

Петровский П. Межгосударственное и межрегиональное сотрудничество // Евстафьев Д. Г., Кусаинов А. М., Масаулов С. И. Точки роста ЕАЭС: экономика, безопасность, общество. Российско-белорусский экспертный клуб, Центр изучения перспектив интеграции. М., 2018. С. 22–25.

Погорельская А. М. Выдаваемое желаемое за действующее, или Вступление Беларуси в Болонский процесс // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 50. С. 69–74.

Погорельская А. М. Трудности современной системы высшего образования в Республике Беларусь // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 411. С. 116–125. doi: 10.17223/15617793/411/1763

Российско-Армянский (Славянский) Университет (РАУ) // EduScan. URL: <https://eduscan.net/colleges/rau>

Руководство по предотвращению и преодолению социальной стигмы «Социальная стигма, связанная с COVID-19». URL: <https://www.who.int/docs/default-source/coronaviruse/covid19-stigma-guid>

Сандоян, Э., Мхитарян, С., Хачатрян, М., Багдасарян, В., Суринкин, Е. Реформы высшего образования как инструмент интеграции в единое европейское пространство высшего образования (на примере Российско-Армянского государственного университета) // Вестник Омского университета. Сер. Экономика. 2008. № 1. С. 43–46.

Соглашение о сотрудничестве между Министерством внутренних дел Российской Федерации и МВД Республики Беларусь. URL: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=1599

Schultz T.W. Investment in Human Capital // The American Economic Review. 1961. Vol. 51. Pp. 1–17.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Tatyana P. Lipai — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Management and Economics of Education, Minsk City Institute for the Development of Education, Minsk, Belarus.

Татьяна Петровна Липай — кандидат социологических наук, доцент, профессор кафедры управления и экономики образования Минского городского института развития образования, г. Минск, Республика Беларусь.

Mariam Rafik Gevorgyan — PhD in Physics. Lecturer, Faculty of Informatics and Applied Mathematics, French University in Armenia (UFAR). Granting Program, Institute for Physical Research, NAS of Armenia.

Геворгян Мариам Рафик — кандидат физико-математических наук, доктор философии по физике (PhD). Преподаватель факультета информатики и прикладной математики Французского университета в Армении. Грантовая программа, Институт физики, Национальная академия наук Республики Армения.

The article was submitted 05.05.2023;
approved after reviewing 18.05.2023;
accepted for publication 18.05.2023.

Статья поступила в редакцию 05.05.2023;
одобрена после рецензирования 18.05.2023;
принята к публикации 18.05.2023.

Research Article / Научная статья

УДК 363.637

DOI: 10.14258/SSI(2023)2-05

Mongolia's Experience in E-Governance and Current Challenges

Bumdari Dagva-Ochir¹
Badamdash Dashdavaa²

^{1,2}National University of Mongolia, Ulaanbaatar, Mongolia

¹bumdari@num.edu.mn, <https://orcid.org/0000-0002-8614-3891>

²badamdash@num.edu.mn, <https://orcid.org/0000-0003-1027-7233>

Abstract. Although, Mongolia carried out «E-Government Mongolia» national programme in 2005–2012, the National Programme to develop Integrated Registration System in 2008-2012, and the E-Governance National Programme in 2012–2016, the operation to separate information communication networks and services could not be successfully completed. The main reason is the inertia of mentality of the previous system to continue the state ownership of databases of all types, to monopolize of all profits for the government and to use for exercising power in implementing activities in information and communication sector resulting in ineffectiveness of political system and governance.

In order to assess the digital governance issues and challenges of Mongolia, we intend to analyse policy documents, and conduct case research and make an inductive conclusion.

First, we examined the implementation of the Government policy of Information and Communication Development. The Government of Mongolia prioritizes the following 6 tasks towards the development of the sector development. These include: a) legal framework, b) networks and infrastructure c) service d) innovation and research, e) production, f) investment and competition g) information security and h) e-governance. Therefore, we aimed to examine the implementation of these tasks, their stages, and their mutual dependence.

Second, to evaluate the overall implementation of the E-Governance, we analyse historical development, political decisions regarding e-governance, legal framework, and negative consequences in government service and information transparency through cases.

Large majority of the population (78.2%) or 2,602,000 people use internet and social networks. This indicates that there is very high internet usage among the adult population. To be more precise, individuals between the ages of 14 and 64 constitute 64.4% of the population, indicating a significantly high proportion.

There are 496 government services that are provided online. Among other services, most widely used digital services include: one stop service, Electronic kiosk of government service, «Khur» government information exchange system, «Dan» recognition and access system, E-Mongolia, and E-barimt application¹.

Our research findings suggest the following conditions for the major difference of above-men-

¹ <https://ebarimt.mn/>

tioned quantity and percentages, slow progress of digital transformation. These are:

- Legal environment for digital services is not established;
- Open databases are not accessible, only government can use them;
- Although government services can be provided online, society has not yet recognized its security and still tends to demand for paper-based certification;
- Information security is not guaranteed;
- Databases are only used for government decisions, but frequency of sudden changes in the information security level sets up the various discrimination in the society.

The key findings of the research indicate the difference between the above-mentioned figures is large and the digital transformation is not effective due to the following conditions.

In conclusion, the lack of a legal framework for e-government is caused by the lack of a unified public management or absence of central ministry on the relevant policy. Due to the lack of coordination between the use of the database and other policies, citizens are obliged to provide in-person services by government agencies and provide additional paper documentation. The fact that the usage of digital signatures is limited, with only a small percentage used in public tenders and banking services, is becoming the main pressing issue.

Keywords: e-governance, e-Mongolia, E-Governance legal environment, e-notary, digital transition of Mongolian governance, Digital Nation Mongolia, government ownership of data base

For citation: Dagva-Ochir, B., Dashdavaa, B. (2023). Mongolia's Experience in E-Governance and Current Challenges. *Society and Security Insights*, 6(2), 71–89. (In Russ.). doi: 10.14258/ssi(2023)2-05.

Опыт Монголии в использовании систем электронного управления и актуальные вызовы

Бумдари Дагва-Очир¹
Бадамдаш Дашдаваа²

---

^{1,2} Национальный университет Монголии, Улан-Батор, Mongolia

¹bumdari@num.edu.mn, <https://orcid.org/0000-0002-8614-3891>

²badamdash@num.edu.mn, <https://orcid.org/0000-0003-1027-7233>

Аннотация. Несмотря на то что национальная программа «Электронное правительство в Монголии» была реализована в 2005-2012 гг., национальная программа по разработке интегрированных систем регистрации — в 2008–2012 гг., а национальная программа по электронному управлению — в 2008–2012 гг., переход на информационно-коммуникационные сетевые ресурсы и сервисы пока полностью не завершен. Основными причинами являются инерционные процессы в ментальности и привязанность к предыдущей системе, которая по-прежнему является собственником всех правительственных баз данных и монополизирует все доходы в пользу правительства, тогда как использование возможностей по внедрению каких-либо активностей в информационный и коммуникационный сектор является неэффективным, оказывает негативное воздействие на политическую систему и управление. С целью оценки проблем и вызовов цифрового управления в Мон-

голии с позиций индуктивной методологии авторы провели анализ программных документов и отдельных случаев. Прежде всего была проанализирована политика государства по развитию информационно-коммуникационных технологий. Правительство Монголии устанавливает в качестве приоритета следующие задачи по развитию сектора: а) разработка законодательства и создание правовых основ, б) сети и инфраструктуры, в) сервисы, г) инновации и исследования, д) производство, е) инвестиции и конкуренция, г) информационная безопасность и ж) электронное управление. Реализация этих направлений и их взаимообусловленность является предметом анализа. Во-вторых, для оценки результатов внедрения электронных систем авторы анализируют исторические аспекты принятия политических решений в области электронного управления, правовые основы и негативные последствия для оказания государственных услуг и обеспечения информационной прозрачности через отдельные кейсы. Статистика показывает, что большинство населения (78,2% из 2602 тыс. чел.) использует интернет и социальные сети, что означает, что доля пользователей интернета среди взрослого населения очень высока. В частности, взрослые от 14 до 64 лет составляют 64,4% населения. В Монголии более 496 государственных услуг предоставляются населению онлайн, наиболее часто используемыми являются: многофункциональные центры (услуга одной остановки), Электронный киоск государственных услуг, система информационного обмена «Хур», система электронного распознавания и доступа «Дан», E-Mongolia и приложение E-barimt¹. Результаты исследования показывают, что причинами и условиями, приводящими к различиям в количестве оказываемых услуг и медленному прогрессу цифровой трансформации, являются: слабая проработка правового окружения для цифровых услуг; недоступность открытых данных, их подчиненность правительству; недоверие населения к онлайн-услугам и предпочтение получения документов в бумажном виде; слабые гарантии информационной безопасности; приоритетное использование информации правительственными структурами и проблемы информационной безопасности, приводящие к использованию информации в дискриминационных целях. Ключевые выводы исследования заключаются в выявлении различий в проявлении этих проблем и констатации неэффективности цифровой трансформации. В свою очередь, недостаток правового обеспечения процессов внедрения электронных систем управления связан с отсутствием согласованной политики и специального министерства, которое бы могло проводить унифицированную политику. Нехватка координации в использовании баз данных и других политических решений приводит к тому, что граждане вынуждены при получении государственных услуг предоставлять документацию в бумажном виде. Практика использования электронных подписей ограничена сферами публичных тендеров и банковских сервисов, что является одной из самых актуальных проблем.

Ключевые слова: электронное правительство, e-Монголия, правовые основы электронного управления, электронный нотариат, цифровой переход в государственном управлении в Монголии, Монголия как цифровая нация, государственная собственность баз данных

Для цитирования: Дагва-Очир Б., Дашдаваа Б. Опыт Монголии в использовании систем электронного управления и актуальные вызовы // Society and Security Insights. 2023. Т. 6, № 2. С. 71–89. doi: 10.14258/ssi(2023)2-05.

.....
¹ <https://ebarimt.mn/>

Introduction

Mongolia implemented a democratic transition in 1990 and introduced democratic values in all relations between the state and society in accordance with the new Constitution. However, public confidence in the government has declined steadily over the past 30 years. According to a series of survey conducted by the Sant Maral Research Institute, public confidence in the government has been less than 50 percent. The survey also consistently ranked corruption, effective law enforcement, and government red tape in the top ten in the order of social and economic issues. In particular, 57.6% of respondents once said that the only way to solve the red tape related to public service is to pay a bribe. According to the Worldwide Governance Indicators, in 2021, Mongolia's Government Effectiveness (GE) is 39.9 points, which means that red tape and public service inefficiency are still weak¹.

In the case of a new democratic state, if the people's trust in the state is not restored, there are negative indicators that a dictatorial system can be established in 20–30 years (Crozer, 1975). To prevent this, transparency in public services and public awareness may not directly increase citizens' trust in the government, but they can strengthen their trust in the government. In short, there is an acute need to bring the relationship between the state and the citizen closer. To improve the weakness of this weakness in the government, the idea of good governance has been promoted internationally. The core values of good governance are accountability, transparency and openness. In our country, after the 2004 election, the idea of developing good governance began spreading strongly.

UNDP defines the good governance using the following criteria: greater citizen participation, decision-making based on the rule of law, transparency in government operations, better awareness of the needs and interests of citizens, equal treatment of all citizens, efficient and effective use of public funds, and political accountability and apply visions in development planning.

Consequently, the transition to e-governance using technological advances may make the idea of good governance a reality. Researchers (Contreras, 2021) believes that good governance provides the basis for e-governance ethics and norms.

It can be said that the foundation for the development of e-governance has been laid in our country since 1990. For example, on February 14, 1992, Government Resolution No. 25 was issued to establish an internal network of automated information system of the government. Recognizing the need for e-government, the relevant policies had been developed starting with the 2005 e-Mongolia National Program. Series of policy documents were approved subsequently.

These include:

- «Electronic Mongolia» national program in 2008;
- National e-Governance Program in 2012;
- E-governance National program in 2019.

The main concepts and results of these policy documents are summaries in the following table (Table 1).

---

¹ <https://info.worldbank.org/governance/wgi/>

Table 1.
Таблица 1.

Government policies and programs on e-governance development
Государственная политика и программы по развитию инфраструктуры электронного правительства

«Electronic Mongolia» National Program 2005–2012

Concept	Expected Results	Implementation
The goal is to create a new management model based on ICT and implement e-governance.	<p>Introduce e-government to a new level of government services to citizens and organizations, and create a new flow of information from citizens to the government</p> <p>Develop an action plan to introduce ICT tools into the public administration system</p> <p>The quality and accessibility of public services will be improved</p> <p>Government activities will be open, transparent, efficient and reduced bureaucracy</p> <p>Establish a good governance system with a public service centered on «citizen»</p>	<p>2005</p> <p>Mongolia's external Internet access capacity is 78 Mbit / s</p> <p>Internet users 22,000</p> <p>The length of the broadband fiber optic cable is 3251 km</p> <p>Cellular phone users 551,000</p> <p>2012</p> <p>External Internet access capacity is 22 Gbps</p> <p>Internet users 654,009</p> <p>The length of the broadband fiber optic cable is 18123.8 km</p> <p>Cellular phone users 3,409,005</p>
Concept	<p>National Program on Development of Unified System of Registration in Mongolia 2008–2012</p> <p>Expected Results</p> <p>Improve transparency and openness of government organizations, and increase citizen participation in government policy making, make government services more accessible and less time consuming, and develop and introduce e-government services</p>	<p>Implementation</p> <ul style="list-style-type: none"> •Established a national data center, improved civil registration, state registration of property rights, state registration of legal entities, ensured property exchange and updated the registration, database and system of government organizations included in the unified registration system. •On July 5, 2010, civil registration was conducted nationwide, and 331 soums in 21 aimags, 132 khoroos in 9 districts, and a total of 463 units registered citizens and issued e-ID cards to citizens.
The goal is to create a new ICT-based management model and implement e-governance.		

«E-Governance» National Program 2012–2019		
Concept	Expected Results	Implementation
Developing e-Government «One of the ways to improve government operations and introduce innovations to develop e-government»	The results achieved in this policy document are the same as in 2005 and 2012 «Develop e-government to make public service more citizen-friendly, efficient and cost-effective»	Identify public services that can be converted to electronic form and identify 25 services in the e-service machine 18 services that citizens consider to be the most difficult and time consuming were delivered electronically through the unified public service portal www.ezasag.mn Introduction of kiosk service will serve 2.2 million people in duplicate in 2018, saving 1 hour and 40 minutes per service
«E-Mongolia» Digital Nation Program 2020		
Concept	Expected Results	Implementation
Implement «Vision 2050», Government Action Plan 2021–2024, become an «Digital Nation»	1. In the first phase of the project, mgov.mn provided 188 services online from 34 organizations 2. In 2020, the e-Nation program launched a mobile application to deliver 181 government services to citizens electronically from 23 government organizations.	Moved to e-mongolia.mn platform. In 2021, 592 public services from 50 government organizations are being integrated into the system.
Source: Integrated Legal Information Database https://www.legalinfo.mn/		
Open Date Initiative		
Инициатива по открытым данным		
Initiative	Date of start	Main activities implemented
Open Government Partnership	2013	- Improving public services - Increase the transparency of government institutions - Strengthen justice and reduce corruption
Open Data	2014	In 2014, the idea of the Open Data became active in our country. International projects have started. A smart card reader is installed in public transportation. The purpose is to regulate public transport routes. An open database of the Capital City Citizens' Representative Assembly was established.
Open tender and Budget	2012–2016	Technical support for electronic bidding and budget transparency

Source: Mongolia's Electronic Data Mapping and Evaluation, 2017. P.22.

Table 2.

Таблица 2.

In this way, policy documents e-government development were changed and approved each time by the new government after the regular parliamentary elections. Subsequently, in order to implement the programs approved since 2005 and presented in Table 1, 67 other documents have been approved by the Parliament and the Government to create a legal basis for the development of e-government and as a policy direction.

Nevertheless, the development of e-government is still weak, according to indices developed by international research organizations. For example, according to the United Nations Department of Economic and Social Affairs' EGDI (E government development index), Mongolia ranks 92nd out of 193 countries. The dimensions of this study are: a) e-service — quality issues b) electronic technology c) human resources. According to this index, Mongolia is quite weak. One of the main factors influencing this may be the fact that the corruption and red tape indicators of public organizations has consistently been poor, as it is noted in the Corruption Perceptions Index.

According to a 2015 survey on red tape in domestic government organizations, 62% of participants said they were bureaucratic, while in 2018, the same answer was given by 53%. According to the average survey, the Bureaucracy Index is still 2-3. Respondents said that the main reason was the lack of coordination between government agencies. In 2015, 62% of respondents said it was bad and 20% said it was average, while in 2018, 42% — said it was bad and 39% — said it was average. About 70-80% of the total answers were rated as medium or bad, which may indicate that the policy documents were not being correctly implemented. In particular, it is important to see whether the legal environment, technological development, and human resource capacity are consistent with policy objectives.

For example, let's look at how inter-agency coordination and a unified platform have been addressed. Efforts have been made to improve the technology and systems used in Mongolia's civil service and to create open data. There is a growing tendency to disclose information, expand cooperation, and create a unified government information distribution platform.

For example, Mongolia has been a participant in the International Open Government Partnership for Open Data since 2013. Within the framework of this initiative, the following activities have been carried out in our country (Table 2).

According to this initiative, the real platform that can be used in accordance with open data usage procedures, presented in the Figure 1.

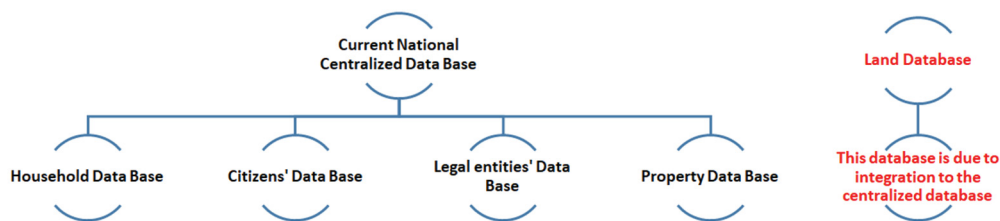

Figure 1 — Centralization into the National central data base.

As for the databases in the figure 2, are not yet integrated into the National Centralized Data Base.

Figure 2 — Not integrated into the National Centralized Data Base.

Рисунок 2 — Компоненты, не интегрированные в Национальную централизованную базу данных.

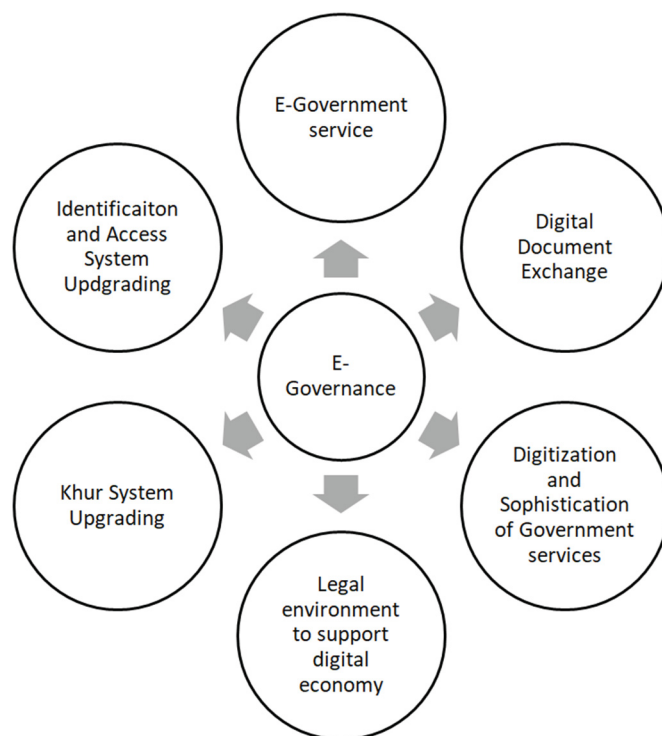

Figure 3 — Components of the E-Government development.

Рисунок 3 — Компоненты электронного правительства.

As can be seen from Figures 1 and 2 above, the inconsistency of the internal information network and open database of government organizations has a negative impact on public services. The results of the research on the coordination of government organizations show that they are true.

In 2019, the National e-Government Program was approved, considering that weak policy implementation and systemic inconsistencies have a negative impact on the implementation of e-government.

The Mongolian Communications and Information Technology Authority has been tasked to implement the e-Nation program approved under the national program. The program is one of the six strategic goals of the organization. In particular, the MCITA has set six strategic goals: digital infrastructure — e-government — information security — digital literacy — innovation, and industry-accelerator of the national development. It should be noted that the realization of policy for the development of e-government is exclusively implemented by governmental agencies.

Within the framework of the strategic goals set by the Authority, the development of e-government in Mongolia can be shown in Figure 3.

The latest e-government program approved in 2019 aimed to have two laws related to e-government. This directly leads to the conclusion that the legal environment has not been fully laid out. Therefore, it is necessary to study the reasons that hinder the development within the framework of this research.

Literature review

We utilized one of the e-government development models as a source. For example, according to Richard Heeks (Heeks, 2001), developing countries need to create e-readiness that will be the basis for the development of e-government. Therefore, «The priority for an NeGI is to build e-readiness in six areas: Institutions, Laws, Leadership and commitment, Human capacities, Technology, Data systems» as a complex system. In order to form this complexity, four stages of development were proposed.

Another e-government model for developing countries was developed by M. Backus (2001). He states that e-government is aimed at promoting a good governance, so many stakeholders of society should be involved. The model by Layne and Lee (Layne, 2001) is focused on the integration and technological and organizational complexity, in which ICTs play an important role in the development of e-government.

Furthermore, the role of government should be clear in the development of e-government.

Scholars, such as Palvia & Sharma (Palvia, 2007) has found that a government agency (G) interacts with outside constituents including citizens (C), business (B), another governmental agency (G) or employees (E). Separate governmental agencies are held responsible for performing activities such as tax collection where such revenues are utilized to provide services similar to defense, security or health care. To perform all these activities, governmental agencies deploy ICT, making this activity 'electronic' government or e-government. Thus, primary delivery models for e-government are: (1) G2C—Government-to-Citizen, (2) G2G—Government-to-Government, (3) G2E—Government-to-Employees and, G2B—Government-to-Business.

The above research shows that the development of e-government should be systematic, complex and needs to go through different steps. It is clear that the transition will take some time, and how to make an effective transition is not only a matter of develop-

ment, but also it needs policy and legal regulations. E-government also needs to involve many stakeholders, as it covers all societal activities. Therefore, the research will analyze the coherence of the policy documents issued to date and compare whether the conditions are met as reflected in the e-development model.

Study design

The research methodology was followed in the order of document analysis-comparative analysis-case study. The purpose of the document analysis was to analyze the content of key documents related to e-government.

Analysis of policy documents included a total of 67 policy documents, in particular:

- Internal government operations (G2G / G2E)
- Government Business Organization (G2B)

There were six documents from the government that covered all of the three main areas of citizen (G2C) regulation, defining medium- and long-term e-government policies, while containing the continuity of e-government policies.

These six policy documents are:

1. Concept of information and communication technology development of Mongolia until 2010 approved by the Parliament Resolution No. 21 of 2000.
2. Mongolia's Medium-Term Strategy for the Development of Information and Communication Technologies and Action Plan for the Implementation of the Strategy, approved by Government Resolution No. 233 of 2002.
3. «Electronic Mongolia» national program, approved by Government Resolution No. 216 of 2005.
4. National e-Government Program, approved by Government Resolution No. 101 of 2012.
5. State policy on information and communication development approved by the Government Resolution No. 47 of 2017;
6. National e-Government Program, approved by Government Resolution No. 73 of 2019.

Of the six policy documents, three of them «e-Mongolia», «e-Mongolia» and «e-government» were directly linked to the e-governance development. Therefore, the analysis was primarily focused on these documents.

«E-Mongolia» National Program

In 2005, the Government of Mongolia pursued a strategy to implement the «Electronic Mongolia» national program in order to build an informed society. In order to implement this program, it has been included in the government's medium-term development policy in the ICT sector. It can be assumed that the use of ICTs will create an informed society, which will make the development of e-government a reality. In particular, the goal of the ICT Authority is to make technology universal. The e-Mongolia program, on the other hand, has a strategy of using information and communication technology to develop e-government. It is clear that e-government will develop if there is a connection between the two. It can be concluded that there is a policy error in the development of our country as two independent issues separately. Therefore, to date, the development of e-government is the responsibility of the CIT Agency.

The main strategy of the e-Mongolia Program is defined in four main areas: legal, policy and regulatory environment, infrastructure development, ICT use in all sectors of society, and human resource development, consisting of 7 chapters and 25 sub-chapters and around 100 measures, developed together with the master plan. In particular, it is planned that the use of ICTs will ensure the coherence of e-government as follows (See the Table 3).

Table 3.

Таблица 3.

Planned that the use of ICTs will ensure the coherence of e-government

Планы по использованию ИКТ для обеспечения согласованности всех компонентов электронного правительства

	ICT development goal	«Electronic Mongolia» program's ICT development strategy
1	Use of ICT in all areas of society	<p>Provide government support and leadership</p> <ul style="list-style-type: none"> • Improving the efficiency of public administration through the use of ICTs <hr/> <p>ICT application and its interrelationships</p> <ul style="list-style-type: none"> • Development of e-government (G2C / G2B / G2C) • Development of e-learning • Development of e-health • Develop e-commerce • Standard <hr/> <p>ICT-based economic growth</p> <ul style="list-style-type: none"> • Accelerate and support ICT investment and consumption in the economy • Increase and support the use of ICT in SMEs and enterprises • Develop the domestic ICT market • Increase the growth of export products of domestic ICT companies <hr/> <p>Introduce ICT to the public and citizen participation</p> <ul style="list-style-type: none"> • Introduce ICT to the public • Intensify public training and advocacy activities • increase citizen participation in government activities
4	Developing Human Resources	<p>ICT capability and human resource development</p> <ul style="list-style-type: none"> • Provide ICT skills to everyone • Improving ICT education for civil servants • Training of ICT professionals and researchers

Comparing the content of the e-government development strategy with the content of the World Bank's 2001 e-government definition, the e-government issues in the e-Mongolia national program are similar to the content of the e-government definition, but logically inconsistent. This is because the program does not specify regulation of social relationships regarding who will do what, who will provide what, and who will receive what from whom.

The content of the World Bank's definition of who should do what and how is first defined as to use ICTs to improve public, citizens and private partnerships, while the e-Mongolia national program does not consider the participation of social stakeholders.

Second, the quality results of government, citizens and private sector cooperation or stakeholder engagement in improving access to public services, strengthening accountability, and ensuring transparency and openness and accountability mechanism, and it viewed the responsibilities of government, citizens and private sector to have an equal participation. However, stakeholders in the e-Mongolia national program were defined not clearly enough. For example, it is not clear what responsibilities the state has, what the citizen has the right to receive, but no mention of responsibilities of citizens, what role the relationship of private sector has in the relationship between government and citizens. Third, the use of ICTs in government, citizens and private sector interrelationships is a way to reduce the time, space, and the cost of services and products, meanwhile the Electronic Mongolia National program viewed this as to make the government, government services and management, governance structure and system citizen-centered.

In terms of policy and regulation, the e-Mongolia program is aimed at increasing the effectiveness of public administration, and the program's goals and objectives are to regulate G2G or inter-government activities. Therefore, it can be considered that all aspects have not been coordinated.

«E-Government» National Program

In order to define the next stage in the development of e-government, the Government of Mongolia adopted the «E-Government» national program 2012 with the goal to improve the government activities open and transparent, increase citizens' participation in the policy making of the government, and make the government services accessible, less cumbersome and develop e-government services.

The program is based on the objectives of the e-Mongolia National Program and other relevant policy documents, the results of monitoring their implementation, and the World Bank's e-government development model, recommendations, and research. The policy paper defines the term e-government (Electronic Government, E-Gov) as a translation of the word, and includes terms such as Government Enterprise Architecture, information technology infrastructure, mobile communications, and cloud computing. «Electronic Government, E-Gov» is defined as the use of advanced information and communication technologies in the process of providing information on government activities to citizens in a transparent and efficient manner, ensuring cooperation between citizens, businesses and government organizations, and increasing their participation and the process of streamlining the country's internal and external relations and governance activities based on e-services.

The goal of the program was defined as to increase citizen participation in government policy-making through the use of ICT advances by establishing an information technology (G2G communication) infrastructure that connects government agencies, and makes government activities, services, news and information transparent and open to citizens regardless of space or time, accessible and fast delivery, sophisticate the government memory and develop e-government services based on it. In other words, increasing the participation of citizens in public policy-making through the use of the ICT infrastructure used in inter-government relations, and the delivery of transparent and open public services by increasing citizen participation, bringing about accessible

government activities. 25 categories of 130 measures of activities were planned in the program implementation and action plan was approved.

Comparing the goals, objectives, and scope of activities of the e-Government and e-Mongolia programs, the e-Government program is a continuation of the e-Government program, but has improved in theory and concept. The goal is to address all issues of e-government stakeholders, including legal regulation, building the necessary infrastructure, digitalization of public services with the help of infrastructure, and improving the education of both public servants and citizens to use ICTs through e-government. However, in terms of regulating social relations on who does what, how, who provides what and how, this program emphasized the intergovernmental relations and government and citizen relationship. As a result, e-government stakeholder relations are asymmetric.

Within the framework of the National e-Government Program, a total of 72 measures are planned to gradually transfer public services to electronic form, and 27 measures are planned to expand and develop public services based on mobile communication technology. These objectives are aimed at improving e-government stakeholder engagement, government, citizen and private sector relationship. In the e-government program, citizens expressed their opinion on freedom of expression, openness, citizen participation, and the implementation rate was 55% on average. If we compare these evaluation to the evaluation of the Electronic Mongolia program of 2005, the evaluation decreased from 90.5 percent to 55 percent. In comparison with e-Mongolia program, the E-Government program has the advantage of trying to use all forms of regulation.

The National Program on E-Government was approved in 2019. The National e-Government Program is a continuation of the e-Mongolia National Program (2005-2012) and the e-Government National Program (2012-2016). Within the framework of the «Electronic Mongolia» national program approved in 2005, the ICT network and services were separated, a public service obligation fund was established, the sector was liberalized, national infrastructure was developed and connected to international Internet traffic, and universal computerization was implemented.

The e-Government National Program, approved in 2012, focuses on the development of information systems and databases, including the digitization of public services, electronic grievance systems, kiosks, disaster warning, glass accounts, and the VAT system.

Out of 63 government organizations surveyed to establish interconnection infrastructure for government information exchange:

- 50 have electronic databases
- 13 have not created an electronic database and are still collecting information in paper form
- 25 public services can be transferred to electronic form and use 25 kiosks
- 18 services cause the most inconvenience to citizens through the website www.ezasag.mn.

In addition, the e-Government program was developed by the policy maker based on the following needs. These include:

- Ensure the integrity, integrity and security of public databases and databases by creating an open database to support its use and e-participation of citizens in government decision-making process by organizing hard and soft infrastructure for e-government with integrated policy and planning and transferring public services to electronic form and provide and support human development and increase the range of public services to be provided in electronic form regardless of space and time using smart devices;
- In order to introduce the advancement of information technology in the economic and social sectors with a unified policy and planning, and to create a transparent, competitive, and highly productive and responsible government, it is necessary to develop citizen-centered e-government.

This is because the actual conditions for the development of e-government, as shown in Figure 3 below, remained weak in the use of open data or public information systems.

The reasons are: poor coordination (1), lack of legal environment (2), lack of unified organization for electronic communication (3)

Outcome: Low use of digital signatures (4), multiple incoherent systems (5)

Effect: Citizens do not have access (6), Redundant investments (7).

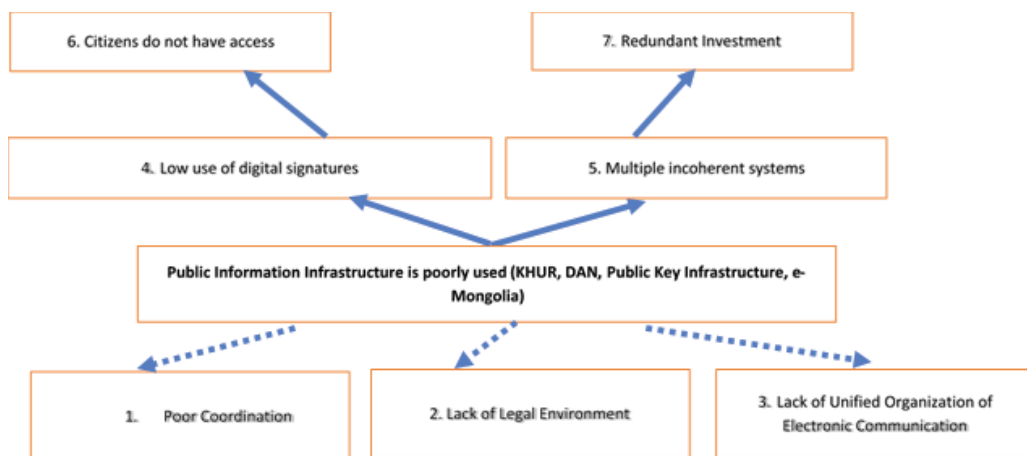

Figure 4. Main factors that inhibits the development of e-governance.

Рис 4. Ключевые факторы, задерживающие развитие внедрения электронных систем.

The «e-Mongolia» national program was approved in 2005 and the «e-government» national program — in 2012, all consist of first, the legal environment, second, infrastructure development, third, the use of e-government or products and services, and fourth, human resources or ICT of consumers and suppliers which laid the foundation of e-government policy.

The National e-Governance Program approved in 2019 will be implemented within the framework of nine additional objectives in the four sections mentioned above. There

are 57 measures planned for the implementation of the program, which include government-government, government-citizen, and public-private sector relationships.

Document research results

An analysis of the content of policy documents by type of activity reveals nine types of G2G or inter-government relations. G2B is a document that regulates the relationship between government and business organizations. There are five types of G2C documents that regulate the relationship between government and citizens. There are also a total of 12 documents regulating the types of multilateral government activities, including G2G and G2B, G2G G2C and G2B, G2C and G2B.

For example, according to Article 11 of the G2C «Regulations on Voluntary Social Insurance», the insured is required to have a citizen ID card, social insurance book, and a child's birth certificate. However, the provision 11.2 states that these documents can be retrieved electronically from the database of a government organization which further confuses whether these can be taken by the citizen themselves or from the relevant government agency directly. And as to how, when and in what format these information can be retrieved are also uncertain with specific regulation.

In addition, the «Procedure for compiling and reviewing documents required for determining pensions» approved by the first appendix of the order a / 30 of the Director of the General Department of Social Insurance dated February 20, 2019, the elderly, herders, including female herders, disabled people, persons who lost breadwinner, military officer, are obliged to submit their citizen ID cards, dismissal orders, Governor's certificates, marriage certificate or archival reference, court decision, formal reference in paper form all of which can be exchanged between government agencies.

Even Article 3.1 of the Law on Promotion of Small and Medium Enterprises and Services, which was revised in 2019, states that a business entity must submit a request for registration as a small and medium enterprise or service provider to the state administrative body in charge of small and medium enterprises or their local branches to the authorized person in writing or electronically. This proves that rules and regulations that are in controversy with e-government are constantly adopted.

Of the 27 documents covered in this study, it can be concluded that most of them use horizontal, G2C-style policy-making tools. Three factors have been identified that hinder the systematic development of e-government. The main reasons are poor coordination (1), lack of legal framework (2), and lack of a unified organization for electronic communication (3). Let us now take a look at a case study.

Case Study: Digital Signature

The analysis of documents revealed that they were mostly of a regulatory nature, because of the weakness of the legal framework for e-government. The adoption and enforcement of the Law on Information Transparency and Right to Information and the Law on Electronic Signatures in Mongolia is currently the legal basis for the digitization of public services and activities.

The «List of public services to be connected to the state electronic information exchange system» was established by Appendix 1 of Government Resolution No. 259 of 2018. This includes a list of 176 services from 33 government agencies. The «List

of public services to be provided in electronic form using the state electronic information exchange system» was presented in the Annex 2 of Government Resolution No. 259 of 2018. In addition, a list of 320 services from 38 government agencies is included. The «Regulations on the exchange of information, creation and use of databases by government organizations with government and other organizations in electronic form» was issued in the Annex to Government Resolution No. 220 of 2019 to provide public services to citizens and organizations in electronic form.

Today, digital signatures are a possible way to make e-government implementation more accessible. In Mongolia, digital signatures are currently used in a few limited sectors, such as electronic letterheads and government services. A total of 38,000 legal entities received digital signatures.

The authority to distribute digital signatures is given to 5 entities:

- TRIDUM KEY LLC, MONPASS SA LLC, NEWCOMPASS SA LLC, VIESEM SA LLC, NATIONAL DATA CENTER (issues only to government officials).

The main reasons for using digital signatures include:

- 50% — participation in the bidding
- 7% — official correspondence
- 13% — government service
- 30% — for civil servants, but it is not clear what to use it for.

The reason why digital signatures are not common in society is due to the services of government agencies. As of today, digital signatures are accepted by 981 local governments in the capital city only in official letters. This is also due to the use of different systems. For example, digital signature-based systems include eDoc and Smart Office electronic exchange systems. These systems are used only in the capital city and cover more than 1,700 public and private organizations.

The very low use of technology and public services is a major disadvantage of e-government. This is because the active use of digital signatures will reduce paperwork and reduce the workload of physical services. We believe that there is a difficulty in the legal environment for the simple use of digital signatures in Mongolia.

Mongolia's adoption of the Law on Electronic Signatures in 2011 was a significant step forward in the country's digital transition, especially in the digitalization of public services. However, consumers are skeptical that the law does not specify whether government agencies will consider or accept digitally signed documents as originals, or whether they will be accepted by the judiciary as evidence.

If law enforcement agencies, such as the judiciary, prosecutors, police, and archives, consider these electronic documents as original to be evidence, it could significantly increase consumption by the government, businesses, and citizens. We also see the potential for digital signature-based systems.

The use of digital signatures is not well established, making it impossible to provide any services remotely, and the current digital transformation is not well established. In the future, it will be a priority to ensure that digital signatures are immediately issued to citizens and legal entities and that any electronic communication used by them is recognized by the government and the private sector.

In addition, the security of personal information has become an issue due to the digital transformation, and it is considered safe to encrypt information using a digital signature private key to protect electronic documents from forgery or alteration and therefore, legal environment needs to be revised.

In Mongolia, public services should be provided using digital signatures as in the following ways:

- Recognition of digital signatures by courts, prosecutors and police
- Require and use digital signatures to access all government systems
- The exchange of information between government agencies (other than state secrets) should be digitally signed only
- Connect digital signature web services to government systems
- Recognition of digitally signed contracts
- Provide digitally signed contract verification services within the framework of e-Notary
- Recognition of digital signatures in the banking and financial sector
- Link digital signature to citizen ID card
- Establishment of electronic archives, procedures for electronic and paper storage of digitally signed documents by all archival institutions.

By making the above arrangements, citizens will be able to receive services without having to visit to government offices, at least during a pandemic.

Conclusion

The research results show that in the current situation main characteristics of citizens' participation in electronic government activities are:

- The purpose of e-government is to establish communication and share information
- E-government services are usually based on mgov.mn or a single portal
- The technology is provided by the national data center or the government
- Decision-making initiatives belong only to government professionals and civil servants
- Citizens are just participants in this e-government.

A citizen is a subject who, on the one hand, controls the state and, on the other hand, receives services. This is not the case in today's e-government system.

The study concludes that the use of ICTs in information services is at the level of creating an electronic database for public services (E-Information), which is a mistake in addressing regulatory issues on how to use it properly.

The United Nations describes the development stage of e-government as follows.

- Emerging: An official government online presence is established through a few independent official sites. Information is limited, basic and static.
- Enhanced: Government sites increase; information becomes more dynamic. Content and information is updated with greater regularity.
- Interactive: Users can download forms, e-mail officials, interact through the web and make appointments and requests.
- Transactional: Users can actually pay for services or conduct financial transactions online.
- e-functions and services across administrative and departmental boundaries.

According to the E-governance development stages developed by the UN, it is possible to view that Mongolia is on the second stage or the Enhanced stage that includes the concept of creating and improving the electronic environment.

Digital signatures may not be widely used due to weak interconnection of systems. As a result, there is no access or exchange between the systems. Currently, the following independent systems are in service:

- 559 services of 56 organizations are connected to the E-Mongolia system. 750k app downloads, 4.9 million services provided. A total of 1.7 million users.
- 74 public and 189 private organizations and public services are integrated into the «Khur» public information exchange system.
- The number of organizations connected to the «DAN» authentication system is 92, and the total number of users is 1,141,853.

If all of the above systems have a digital signature that can be accessed from each other, a system upgrade will be necessary.

Finally, the inadequate implementation of e-government policies and regulations at the development stage does not increase the efficiency and effectiveness of public services, for example, allowing end users to access only one type of public service online and thus its efficiency is not trickle down to other services (Sandra Roosna, 2021).

In addition, the analysis of policy documents shows that the e-government policy has been implemented in the last 30 years without the concept of managing the policy and depending on the will of the current management, and continues to be so.

REFERENCES

- Layne, K. (2001). Developing fully functional E-government: A four stage model. *Government information Quarterly*, 18, 122-136.
- Heeks, R. (2001). *Building e-Governance for Development: A Framework for National and Donor Action*. Manchester: The University of Manchester.
- Backus, M. (2001). *E-Governance and Developing Countries, Introduction and examples*. The Hague: IICD.
- Palvia, S. A. (2007). *E-Government and E-Governance: Definitions/Domain Framework and Status around the World* (pp. 1–12). Foundation of e-government, ICEG.
- Crozer, M. S. P. (1975). *A Report on Governability of Democracies to the Trilateral Commission: The Crisis of Democracy*. New York: New York University Press.
- Kettl, D. F. (2002). *The Transformation of Governance*. John Hopkins University Press.
- Sandra Roosna, R. R. (2021). S. Roosna, R. Rikk. *e-Governance in Practice*: <https://ega.ee/wp-content/uploads/2016/06/e-Estonia-e-Governance-in-Practice.pdf>
- The «Sant Maral» foundation (2021). The results of the survey on economy, governance, system evaluation, political parties, elections, personal and global aspects, conducted from May 1 to May 19, 2020. *Politbarometer*, 19(53).

Contreras, E. (2021). *Foundations of E-Government: An Emerging Model-of-Use for Developing Countries*. http://learnlink.aed.org/Publications/Sourcebook/chapter6/Foundations_eg_ov_modelofuse.pdf

INFORMATION ABOUT AUTHORS / ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Bumdari Dagva-Ochir — Ph.D. Department of Political Science, National University of Mongolia, Ulaanbaatar, Mongolia.

Бумдари Дагва-Очир — Ph.D., департамент политических наук, Национальный университет Монголии, Улан-Батор, Монголия

Badamdash Dashdavaa — M. A., Department of Political Science, National University of Mongolia, Ulaanbaatar, Mongolia.

Бадамдаш Дашдаваа — М. А., департамент политических наук, Национальный университет Монголии, Улан-Батор, Монголия

The article was submitted 08.05.2023;
approved after reviewing 20.05.2023;
accepted for publication 21.05.2023.

Статья поступила в редакцию 08.05.2023;
одобрена после рецензирования 20.05.2023;
принята к публикации 21.05.2023.

ГОСУДАРСТВО, ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И СТАБИЛЬНОСТЬ

STATE, CIVIL SOCIETY AND STABILITY

Научная статья / Research Article

УДК 316.4 : 343.976

DOI: 10.14258/SSI(2023)2-06

Формирование и выстраивание инструментария обеспечения наркобезопасности современного общества: на опыте Управления по наркотикам и преступности ООН и Европейского центра мониторинга наркотиков и наркомании

Владимир Ефимович Шинкевич¹
Татьяна Владимировна Куприянчик²

---

¹Сибирский юридический институт МВД России, Красноярск, Россия,
Сибирский федеральный университет г. Красноярск, Россия,
vlashink@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9175-7492>

²Сибирский юридический институт МВД России, г. Красноярск, Россия,
tatvk56@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9419-4613>

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена важностью необходимости учета позитивного отечественного и зарубежного опыта антинаркотической деятельности для выстраивания антинаркотической политики по противодействию распространению употребления наркотических средств и психотропных веществ населением или отдельными его группами в немедицинских целях как в масштабах России, так и в отдельных ее регионах и для принятия управленческих решений. Авторами отмечается значимость антинаркотической деятельности как неотъемлемой составляющей, обеспечивающей безопасность современного общества; обращается внимание на то, что наркомания и наркотизм способны за период менее одного поколения людей свести численность населения до критического значения, точно так же, как и самые опасные эпидемии и пандемии. Результаты исследова-

ния представляют интерес для субъектов антинаркотической политики региона, для выработки управленческих решений по обеспечению его наркобезопасности, организации и выстраивания антинаркотической профилактики на основе накопленного опыта.

Ключевые слова: безопасность, наркобезопасность, наркотизм, наркомания, наркоситуация, антинаркотическая культура

Для цитирования: Шинкевич В.Е., Куприянчик Т.В. Формирование и выстраивание инструментария обеспечения наркобезопасности современного общества: на опыте Управления по наркотикам и преступности ООН и Европейского центра мониторинга наркотиков и наркомании // *Society and Security Insights*. 2023. Т. 6, № 2. С. 90–98. doi: 10.14258/ssi(2023)2-06.

Formation and Development of Tools to Ensure Drug Safety of Modern Society: Based on the Experience of the United Nations Office on Drugs and Crime and the European Monitoring Center for Drugs and Drug Addiction

Vladimir E. Shinkevich¹
Tatiana V. Kuprianchik²

¹Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnoyarsk, Russia, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia
vlashink@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9175-7492>

²Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnoyarsk, Russia, tatvk56@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9419-4613>

Abstract. The topicality of the article is due to the importance for building an anti-drug policy to counteract the spread of using narcotic drugs and psychotropic substances by the population or its individual groups for non-medical purposes both in Russia and in its individual regions and for making administrative decisions, the need to take into account the positive domestic and foreign experience of anti-drug activities. The authors note the importance of anti-drug activity as an integral component of ensuring the security of modern society; attention is drawn to the fact that drug addiction and narcotism are capable of reducing the population to a critical value in less than one generation of people, just like the most dangerous epidemics and pandemics. The results of the research are of interest to the subjects of the anti-drug policy of the region, for the development of administrative decisions to ensure its drug safety, organization and formation of anti-drug prevention based on accumulated experience.

Keywords: safety, drug safety, narcotism, drug addiction, drug situation, anti-drug culture

For citation: Shinkevich, V.E., Kuprianchik, T.V. (2023). Formation and Development of Tools to Ensure Drug Safety of Modern Society: Based on the Experience of the United Nations Office on Drugs and Crime and the European Monitoring Centre for Drugs and Drug Addiction. *Society and Security Insights*, 6(2), 90–98. (In Russ.). doi: 10.14258/ssi(2023)2-06.

Введение

Глобальные изменения в международных отношениях, внутривнутриполитических и социальных контекстах современного российского общества, происходящие в начале XXI в. и особенно в последние годы, приведшие к кардинальной перестановке сил на международной арене, способствовали коррекции концептуальных подходов России как суверенного независимого государства к проблеме национальной безопасности, к отдельным ее составляющим, в том числе в сфере противодействия наркоугрозе¹.

Это требует более внимательного подхода к анализу реалий наркомании, современного наркобизнеса, различных форм их проявления, учету общего и особенного при разработке теоретических концепций государственной антинаркотической политики и их реализации, учету как отечественного, так и зарубежного опыта.

Проблему противодействия наркоугрозе, профилактики употребления наркотических средств и психотропных веществ в немедицинских целях как угрозы национальной безопасности следует решать, принимать эффективные управленческие решения в сфере реализации антинаркотической политики политических акторов различных уровней. Тем более что рассматриваемые проблемы «...касаются сегодня не отдельных людей, а приобретают массовость и как снежный ком все более и более разрастаются в человеческом сообществе, вовлекая в сети зависимости все новых и новых его представителей. Зависимостям подвержены и малые дети, и молодежь, и трудоспособная часть населения, и умудренные опытом старцы» (Шинкевич, 2014: 110).

В связи с этим требуется более внимательный подход к анализу реалий наркомании, современного наркобизнеса, различных форм их проявления, учету общего и особенного при разработке теоретических концепций государственной антинаркотической политики и их реализации, учету как отечественного, так и зарубежного опыта.

На современном этапе очевидным фактом является то, что незаконный оборот наркотиков и наркомания являются главным препятствием на пути развития общества, они представляют угрозу безопасности и суверенитету любого государства, здоровью населения и окружающей среде. Ибо наркомания, употребление наркотических и психотропных веществ в немедицинских целях способны за период менее одного поколения людей свести численность населения до критического значения, точно так же, как и самые опасные эпидемии, пандемии и пр. (Шинкевич, 2021: 8).

Методы исследования

В ходе исследования применялись методы теоретического анализа документов, эмпирического материала с использованием возможности комплекса методов математической статистики результатов ежегодного мониторинга нар-

¹ Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 г. : утв. Указом Президента РФ от 23.11.2020 № 733.

коситуации, синтеза и обобщения полученных научных наблюдений. Целью исследования является изучение и оценка возможности использования зарубежного опыта в деятельности по реализации антинаркотической политики на уровне субъекта Федерации и России в целом. Предметом исследования в рамках данной статьи является выстраивание инструментария Управления по наркотикам и преступности ООН и Европейского центра мониторинга наркотиков и наркомании по обеспечению наркобезопасности современного общества. В качестве гипотезы было выдвинуто суждение о том, что эффективное противодействие наркоугрозе в современный период существования мирового сообщества, несмотря на имеющиеся противоречия, должно выстраиваться с учетом как национальной специфики, так и положительного зарубежного опыта.

Результаты исследования

Согласно подготовленному Управлением Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности (УНП ООН) Всемирному докладу о наркотиках за 2021 г., «в 2019 году от употребления наркотиков погибло почти полмиллиона человек ..., в 2020 году во всем мире наркотики употребляли около 275 млн человек — на 22% больше, чем в 2010 году, а к 2030 г. их число, как ожидается, возрастет на 11% во всем мире и на 40% в одной лишь Африке» (World drug..., 2021). Масштабы проблем общественного здравоохранения, связанных с употреблением наркотиков, расстройствами, вызванными употреблением наркотиков, и соответствующими состояниями здоровья, остаются значительными.

В работах многих исследователей, посвященных проблемам и направлениям деятельности общества по обеспечению антинаркотической безопасности, противодействию наркотизму, обращается внимание на значимость данных социальных практик для социума. Так Т. В. Плотниковой и В. В. Хариним отмечается, что в условиях современного состояния «наркотизм является весьма опасной угрозой, которая обладает рядом относительно новых обстоятельств и признаков. Государство пытается создать действующий механизм противодействия незаконному обороту наркотических средств путем принятия и реализации антинаркотической политики. Данный факт еще раз подчеркивает важность угрозы со стороны наркотиков (а в частности, со стороны наркотизма) национальной безопасности государства» (Плотникова, Харин, 2019: 248).

В связи с этим профилактика наркомании является одним из аспектов антинаркотической политики государства в контексте противодействия наркоугрозе; она активно разрабатывается и реализуется как субъектами антинаркотической политики Российской Федерации (Алтухов, Ширяев, 2020), так и практически всеми государствами мирового сообщества.

В докладе Международного комитета по контролю над наркотиками за 2019 г. подчеркивается, что «для предупреждения потребления психоактивных веществ молодежью рекомендуется применять разнообразные научно-обоснованные подходы. Главной целью профилактики употребления психоактивных веществ является здоровое и безопасное развитие детей и молодых людей, кото-

рое позволяет реализовать способности и потенциал, создавая условия для развития навыков и возможность выбрать здоровый образ жизни, и эффективная профилактика существенно способствует позитивному взаимодействию детей, молодых людей и взрослых в семье и в учебных заведениях, на рабочих местах и в обществе в целом» (Доклад за 2019 год...).

Одним из наиболее авторитетных руководств в области профилактики наркомании являются Международные стандарты по профилактике употребления наркотиков (International Standards on Drug Use Prevention), разработанные Управлением по наркотикам и преступности Организации Объединенных Наций и Всемирной организацией здравоохранения, в которых излагаются основные положения научно-обоснованных стратегий профилактической работы. Данный документ подготовлен при содействии репрезентативной группы, состоящей из 86 исследователей, разработчиков политики, практических специалистов, представителей неправительственных и международных организаций из разных стран мира.

Стандарты включают основные компоненты и характеристики эффективной национальной системы по профилактике наркомании, а именно: интервенции и политика в области профилактики наркомании (младенчество и раннее детство; средний детский возраст; ранний подростковый возраст; подростковый и взрослый возраст); характеристики эффективной системы профилактики (комплекс научно-обоснованных интервенций и политик; научно-обоснованное планирование; исследовательская деятельность и планирование) и др. (International Standards..., 2018).

Необходимо обратить внимание на то, что экспертной группой был представлен список из 584 исследований, проанализированных на предмет выявления тех из них, которые свидетельствуют об эффективности или результативности интервенции или политики по профилактике злоупотребления психоактивными веществами.

Что касается европейского уровня, следует отметить, что в 2022 г. Европейским центром мониторинга наркотиков и наркомании (ЕЦМНН) был представлен новый инструментарий профилактики наркомании (Prevention Toolkit) (Prevention Toolkit...). Он объединил ключевые материалы ЕЦМНН, связанные с профилактикой на сегодняшний день. Этот новый ресурс предназначен для всех, кто участвует в разработке решений, формировании мнений и выстраивании политики в Европе в области научно-обоснованной профилактики употребления психоактивных веществ.

В инструментарии представлены: Европейская учебный план по профилактике (European Prevention Curriculum); Xchange — онлайн-реестр профилактических вмешательств, получивших объективную оценку (Xchange prevention registry); База фактических данных о передовых практиках в области профилактики наркомании (Best practice evidence database), а также Программа-инициатива «Инструментарий здоровой ночной жизни» (Healthy Nightlife Toolkit), направленная на снижение вреда от употребления алкоголя и наркотиков среди молодежи в условиях ночной жизни (ночные клубы, дискотеки ...).

Особый интерес представляет Европейский учебный план по профилактике, конечной целью которого является внедрение стандартизированной учебной программы по профилактике в Европе и повышение общей эффективности профилактики. Адаптированный из универсальной учебной программы по профилактике, разработанной группой UPC-Adapt (Universal Prevention Curriculum-Adapt), финансируемой Европейским Советом, учебный план основан на международных стандартах, но с европейским уклоном.

Руководство к программе включает в себя: основные фундаментальные положения профилактики (понимание характера и степени распространения наркопотребления, основы науки о профилактике и научно-обоснованных профилактических интервенциях, мониторинг и оценка научно-обоснованных интервенций), а также основные подходы к профилактике в различных окружениях (профилактика в семье, в школе и на рабочих местах, в медиапространстве и др.). Учебная программа была разработана специально для того, чтобы предоставить лицам, принимающим решения, формирующим общественное мнение и определяющим политику, необходимые знания о наиболее эффективных профилактических вмешательствах и подходах, основанных на фактических данных (European Prevention Curriculum...).

Онлайн-реестр профилактических вмешательств Xchange (Обмен) — это реестр тщательно проанализированных и получивших положительную оценку профилактических интервенций. Данный инструмент является центральным элементом в сети национальных реестров. Каждое заинтересованное лицо через данный реестр может получить доступ к дополнительным сведениям о конкретной программе на национальном языке в местном реестре или получить доступ через национальный реестр к европейскому опыту реализации данной программы.

База фактических данных о передовых практиках в области профилактики наркомании, которая постоянно обновляется, представляет собой репозиторий самых современных интервенций, включая профилактику наркопотребления.

«Инструментарий здоровой ночной жизни» — это международная инициатива, направленная на снижение вреда от употребления алкоголя и наркотиков среди молодежи, которое обычно происходит в рекреационных условиях, что делает ночную жизнь важным местом для профилактических мер.

Анализируемый инструментарий профилактики фокусируется на ключевых аспектах Международных стандартов по профилактике употребления наркотиков, разработанных Управлением по наркотикам и преступности Организации Объединенных Наций и Всемирной организацией здравоохранения. Основное внимание как в документах ЕЦМНН, так и в документах УНП ООН уделяется предотвращению наркозависимости и проблем, связанных с употреблением наркотических и психоактивных веществ.

Выводы

В Европейских стандартах качества профилактики наркомании (EDPQS) подготовленных в рамках Европейского центра мониторинга наркотиков и наркомании, Международных стандартах УНП ООН/ВОЗ по профилактике употре-

бления наркотиков и Европейской учебной программе по профилактике (EUPC) собраны последние научные данные. Важно распространять эти инструменты и пропагандировать научно-обоснованную профилактику и обучение среди лиц, принимающих решения, лидеров общественного мнения и практиков.

Широкий спектр рассматриваемых в данных документах вопросов делает их эффективными и полезными для разных категорий заинтересованных лиц, занимающихся вопросами профилактики наркозависимости, которая представляет определенную угрозу как для отдельно взятой личности, так и для общества в целом. Применение рекомендаций данных документов, оптимальный отбор методик с учетом отечественной специфики для отечественной практики может способствовать совершенствованию инструментария ежегодного мониторинга наркоситуации, выстраиванию деятельности различных субъектов антинаркотической политики в области профилактики и противодействия наркоугрозе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Алтухов С. А., Ширяев А. С. Противодействие незаконному обороту наркотиков: анализ практики и пути повышения эффективности // Северо-Кавказский юридический вестник. 2020. № 2.

Доклад за 2019 год. Материалы для прессы // Международный комитет по контролю над наркотиками. URL: https://www.incb.org/documents/Publications/AnnualReports/AR2019/Press_Kit/Russian_INCB_press_kit_final.pdf.

Плотникова Т. В., Харин В. В. Наркотизм как одна из актуальных угроз национальной безопасности России // Актуальные проблемы государства и права. 2019. № 10.

Шинкевич В. Е., Куприяничик Т. В. Феномен наркотической и других зависимостей как проблема социологического исследования // Вестник СибЮИ ФСКН России. 2014. №1 (14).

Шинкевич В. Е. Наркомания как социальная проблема: особенности и состояние // Противодействие наркоугрозе на современном этапе: правовой и социально-гуманитарный аспекты: материалы Международного научно-практического семинара. Красноярск : СибЮИ МВД России, 2021.

European Prevention Curriculum. A handbook for decision-makers, opinion makers and policy-makers in science based prevention of substance use. European Monitoring Centre for Drugs and Drug Addiction. URL: https://www.emcdda.europa.eu/system/files/publications/11733/20192546_TDMA19001ENN_PDF.pdf

International Standards on Drug Use Prevention. Second updated edition / UN-ODC & WHO. 2018. URL: https://www.unodc.org/documents/prevention/UNODC-WHO_2018_prevention_standards_E.pdf

Prevention Toolkit / European Monitoring Centre for Drugs and Drug Addiction. URL: https://www.emcdda.europa.eu/toolkit/prevention-toolkit_en.

World drug report 2021: Executive Summary. Policy Implication / United Nations Office on Drugs and Crime; 2021. URL: <https://www.unodc.org/unodc/en/data-and-analysis/wdr2021.html>

REFERENCES

Altukhov, S. A., Shiryayev, A. S. (2020). Countering drug trafficking: analysis of practice and ways to improve efficiency *North Caucasian Legal Bulletin*, 2.

Press materials: International Narcotics Control Board. URL: https://www.incb.org/documents/Publications/AnnualReports/AR2019/Press_Kit/Russian_INCB_press_kit_final.pdf

Plotnikova, T. V., Kharin, V. V. (2019). Drug addiction as one of the actual threats to the national security of Russia. *Actual Problems of State and Law*, 10.

Shinkevich, V. E., Kupriyanchik, T. V. (2014). The phenomenon of drug and other addictions as a problem of sociological research. *Bulletin of the SibUI Federal Drug Control Service of Russia*, 1(14).

Shinkevich, V. E. (2021). Drug addiction as a social problem: features and state. In: *Countering the drug threat at the present stage: legal and socio-humanitarian aspects. Materials of the International Scientific and Practical Seminar*. Krasnoyarsk : SibYuI of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

European Prevention Curriculum. A handbook for decision-makers, opinion makers and policy-makers in science based prevention of substance use. European Monitoring Centre for Drugs and Drug Addiction. URL: https://www.emcdda.europa.eu/system/files/publications/11733/20192546_TDMA19001ENN_PDF.pdf

International Standards on Drug Use Prevention. Second updated edition. *UNODC & WHO. 2018*. URL: https://www.unodc.org/documents/prevention/UNODC-WHO_2018_prevention_standards_E.pdf

Prevention Toolkit. *European Monitoring Centre for Drugs and Drug Addiction*. URL: https://www.emcdda.europa.eu/toolkit/prevention-toolkit_en.

World drug report 2021: Executive Summary. Policy Implication. *United Nations Office on Drugs and Crime; 2021*. URL: <https://www.unodc.org/unodc/en/data-and-analysis/wdr2021.html>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Владимир Ефимович Шинкевич — д-р социол. наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Красноярск, Россия.

Vladimir E. Shinkevich — Dr. Sci. (Sociology), Professor at the Department of humanitarian and socio-economic disciplines, Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia.

Татьяна Владимировна Куприяничик — канд. пед. наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных и русского языков, Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, Красноярск, Россия.

Tatiana V. Kupriyanchik — Cand. Sci. (Pedagogy), Associate Professor, Head of the Department of Foreign and Russian Languages, Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnoyarsk, Russia.

Статья поступила в редакцию 31.05.2023;
одобрена после рецензирования 10.06.2023;
принята к публикации 15.06.2023.

The article was submitted 31.05.2023;
approved after reviewing 10.06.2023;
accepted for publication 15.06.2023.

Научная статья / Research Article

УДК 338.1

DOI: 10.14258/SSI(2023)2-07

Продовольственное благополучие жителей региона в контексте обеспечения продовольственной безопасности

Ирина Николаевна Дементьева

Вологодский научный центр Российской академии наук, Вологда, Россия,
irinika_74@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-3072-5614>

Аннотация. Одним из основных направлений обеспечения государственной безопасности в долгосрочной перспективе и фактором сохранения национального суверенитета является продовольственная безопасность, выступающая важной составляющей социально-экономического развития каждого региона. В статье исследованы основные экономические детерминанты продовольственного благополучия населения Вологодской области в контексте обеспечения продовольственной безопасности региона. Проанализированы особенности структуры потребительских расходов домохозяйств Вологодской области; изучены уровень и динамика потребления продовольственных товаров жителями региона; проанализирована доходная и территориальная дифференциация на продовольственном рынке. В результате проведенного исследования выявлены угрозы обеспечения продовольственной безопасности региона: неблагоприятная структура потребительских расходов населения области, устойчиво высокая доля населения, имеющего доходы ниже величины прожиточного минимума, чрезмерно высокая дифференциация доходов, которая обуславливает заметные различия в потреблении продуктов питания, ухудшение качества потребления продовольственных товаров. Сделан вывод о необходимости их преодоления путем повышения эффективности социальной политики, направленной на расширение покупательной способности доходов, повышение уровня и качества жизни населения.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, уровень потребления, уровень и качество жизни, доходы, потребительские расходы, покупательная способность

Для цитирования: Дементьева И. Н. Продовольственное благополучие жителей региона в контексте обеспечения продовольственной безопасности // Society and Security Insights. 2023. Т. 6, № 2. С.99–115. doi: 10.14258/ssi(2023)2-07.

Food Welfare of Regional Residents in the Context of Food Security

Irina N. Dementieva

Federal State budgetary Institution of Science Vologda research Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia, irinika_74@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-3072-5614>

Abstract. The most important component of the socio-economic development of each region is food security, which is one of the main directions for ensuring state security in the long term, a factor in maintaining national sovereignty. This article explores the main economic determinants of the food well-being of the population of the Vologda Oblast in the context of ensuring the food security of the region. The features of the structure of consumer expenditures of households in the Vologda Oblast are analyzed; studied the level and dynamics of consumption of food products by the inhabitants of the region; analyzed the income and territorial differentiation in the food market. As a result of the study, threats to ensure the food security of the region were identified: an unfavorable structure of consumer spending of the population of the region, a consistently high proportion of the population with incomes below the subsistence level, excessively high income differentiation, which causes noticeable differences in food consumption, deterioration in the quality of consumption of food products. It is concluded that it is necessary to overcome them by increasing the effectiveness of social policy aimed at expanding the purchasing power of income, improving the level and quality of life of the population.

Keywords: food security, consumption level, level and quality of life, income, consumer spending, purchasing power

For citation: Dementieva, I. N. (2023). Food Welfare of Regional Residents in the Context of Food Security. *Society and Security Insights*, 6(2), 99–115. (In Russ.). doi: 10.14258/ssi(2023)2-07.

Введение

Уровень жизни, качество здоровья и удовлетворенность основных жизненных потребностей населения являются важными факторами устойчивого социально-экономического развития страны и ее регионов. Главная цель государства как социально-экономического и правового института заключается в обеспечении достойной жизни населения, что включает в себя доступность качественных продуктов питания в достаточном количестве в любое время (Аганбегян, 2012). Обеспеченность продуктами питания выступает основой продовольственной безопасности, которая в стратегическом измерении является важнейшей составляющей национальной безопасности страны, неотъемлемым условием военной-технической мощи и защиты территории (Кожемякина, 2023). Поэтому вполне обоснованно, что вопросы продовольственного благополучия жителей регионов и достижения продовольственной безопасности государства являются предметом особого внимания в теоретическом научном дискурсе и управленческой практике.

Многие исследования зарубежных и отечественных авторов посвящены проблемам продовольственной безопасности и благополучия. Так, зарубежные

ученые Е. Барбер, Дж. Конуэл (Conway, Barber, 1990) и другие изучали рыночную экономику и ее влияние на экономическую и продовольственную безопасность страны. Отечественные экономисты А.И. Алтухов (2005), Ю.С. Хромов (2002) и другие внесли значительный вклад в разработку общетеоретических основ национальной и экономической безопасности. Работы отечественных авторов В.С. Балабанова (2002), Р.Р. Гумерова (2003), В.В. Маслакова (1996), И.Г. Ушачева (2002) и других посвящены проблемам продовольственного обеспечения в глобальном и региональном аспектах. Многие ученые, как зарубежные, так и отечественные, изучали уровень, структуру и динамику потребления продуктов питания населением, обеспечение продовольствием в региональном контексте. Среди них И.И. Елисеева (2009), А.П. Балашов (2007), И.Б. Богер (2003), Г.М. Гриценко (2009), А.М. Зубахин (2006), И.В. Курцев (2009). Прогнозированием развития продовольственного рынка занимались такие авторы, как М.М. Бутакова (2010), К.П. Личко (2010), Е.В. Рудой (2011) и др.

Изучение научных трудов и публикаций, посвященных вопросам продовольственной безопасности, показывает, что существует разнообразие подходов к определению этого понятия, и каждый автор выделяет свои основные критерии и признаки продовольственной безопасности.

Официальная трактовка продовольственной безопасности Российской Федерации содержится в Доктрине продовольственной безопасности РФ¹, в основу которой заложена концепция продовольственной независимости, предполагающая возможности национальной продовольственной системы противодействовать внешним рискам и угрозам продовольственного обеспечения населения в контексте национальной безопасности государства. Вместе с тем в экспертном сообществе предлагаются различные альтернативные подходы, которые предусматривают корректировку официального подхода к анализу этой проблемы². Так, Р.Р. Гумеров, М.Ю. Ксенофонтов предлагают рассматривать две взаимосвязанные, но относительно самостоятельные категории: продовольственную безопасность населения и продовольственную независимость государства (Гумеров, 2003, Ксенофонтов, 2018). Для определения продовольственной безопасности населения М.Ю. Ксенофонтовым был предложен термин «продовольственное благополучие», имеющий коннотацию как с безопасностью, так и с всеобщим правом на полноценное питание. В качестве показателей продовольственного благополучия предлагается использовать различные целевые ориентиры, характеризующие уровень потребления продовольствия заданного ассортимента (набор продуктов питания), качество и ассортиментное разнообразие продовольствия, гарантируемый государством минимально приемлемый уровень энергетической ценности среднесуточного рациона и др. (Ксенофонтов, 2018).

¹ Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента Российской Федерации от 21 января 2020 г. № 20). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_343386/

² О продовольственной безопасности России: Доклад группы экспертов Изборского клуба под руководством академика РАН С.Ю. Глазьева. URL: <http://www.izborsk-club.ru/content/articles/1725/>

При всей важности выбора целевых ориентиров потребления, которые характеризуют наличие продовольствия, основной проблемой остается обеспечение его экономической доступности, т.е. формирование необходимых условий и механизмов, позволяющих каждому гражданину или домохозяйству независимо от его экономического и социального статуса приобретать продукты питания в соответствии с этими заявленными ориентирами потребления. Между тем именно в распределительной сфере в настоящее время формируются основные угрозы продовольственного благополучия российского населения¹.

В этой связи актуальность и значимость приобретает изучение экономических условий обеспечения продовольственного благополучия населения. В настоящей статье исследованы основные экономические детерминанты продовольственного благополучия населения Вологодской области в контексте обеспечения продовольственной безопасности региона. Проанализированы особенности структуры потребительских расходов домохозяйств Вологодской области; изучены уровень и динамика потребления продовольственных товаров жителями региона; проанализирована доходная и территориальная дифференциация на продовольственном рынке.

Информационно-эмпирическая база исследования включает в себя официальные данные Федеральной службы государственной статистики (Росстат) и Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области (Вологдастат), а также данные мониторинга экономического положения и социального самочувствия населения Вологодской области, проводимого ВолНЦ РАН на территории региона².

Результаты исследования

Вопрос экономической доступности качественного питания становится ключевой проблемой обеспечения продовольственной безопасности России. Основными факторами, определяющими ситуацию на продовольственном рынке, являются уровень доходов населения и цены на товары и услуги.

По данным федеральной и региональной статистики начиная с 2015 г. наблюдается снижение показателей реальных денежных доходов населения России и Вологодской области. Если в докризисные годы они демонстрировали прирост на 5–6%, то в 2015 г. по отношению к предыдущему году снизились на 3,2 и 1,2% соответственно. Тренд на снижение доходов населения продолжился и в последующие годы, в итоге в 2018 г. по сравнению с докризисным 2012 г. рассматриваемые индикаторы снизились в России на 7%, в Вологодской области — на 8% (табл. 1).

---

¹ Продовольственная безопасность в России: мониторинг, тенденции и угрозы. М.: РАНХиГС. URL: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2662524

² Мониторинг общественного мнения ВолНЦ РАН проводится 6 раз в год в городах Вологде и Череповце и в восьми районах области (Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском, Шекснинском). Метод опроса — анкетирование по месту жительства респондентов. Ошибка выборки не превышает 3%. Объем выборочной совокупности — 1500 чел. в возрасте 18 лет и старше. Выборка целенаправленная, квотная. Ошибка выборки не превышает 3%.

В 2020 г. катализатором происходящих процессов стал масштабный эпидемиологический кризис. Изменения в экономике, происходящие на фоне пандемии, непосредственным образом отразились на материальном благополучии и уровне доходов населения: в 2020 г. по сравнению с предшествующим годом падение реальных располагаемых доходов населения оценивается на уровне 4% по России и 5% по Вологодской области.

Снижение доходов населения сопровождалось инфляционными процессами в экономике. Наиболее высокими темпами инфляции характеризовались кризисные 2014–2015 гг.: рост цен на российском и региональном потребительском рынке сооставил в среднем 11–13%, что повлекло за собой существенное снижение оборота розничной торговли — на 10% в России и 9,7% в Вологодской области. Несмотря на некоторое улучшение ситуации в 2017–2019 гг., цены на товары и услуги как в России, так и в Вологодской области по сравнению с 2012 г. увеличились почти в 1,5 раза, а индексы физического объема розничного товарооборота в стране и регионе остались ниже докризисного уровня 2012 г. в среднем на 5%. В 2020 г. существенное негативное воздействие на потребительскую активность и ситуацию на потребительском рынке не могли не оказать введенные в условиях пандемии карантинные ограничения и локдаун: показатели оборота розничной торговли в стране и регионе фиксируются на отметках ниже уровня 2019 г. (на 4 и 2% соответственно). В 2021 г. рост цен на товары и услуги продолжился: в России — на 8%, в Вологодской области — на 9%; при этом оборот розничной торговли увеличился в России на 7,8%, в Вологодской области — на 2,7%, что произошло благодаря расширению торговли непродовольственными товарами и во многом обусловлено снятием или ослаблением введенных ранее карантинных ограничений для населения и бизнеса.

По данным статистики на протяжении всего исследуемого периода более десятой части населения региона (в среднем 14%) по своему материальному положению и уровню доходов находились ниже границы бедности.

Уровень доходов и цен оказывает непосредственное воздействие на структуру потребительских расходов населения, в том числе определяет удельный вес расходов на продукты питания в структуре бюджетов семей. Если в развитых странах с высокими доходами и сравнительно невысокими ценами на продукты он незначителен (обычно не превышает 15%), то для развивающихся стран и большинства переходных экономик характерна более высокая доля расходов домашних хозяйств на пищевые продукты.

Согласно данным РИА «Рейтинг», Россия занимает 31-е место среди европейских государств по доле расходов семей на продукты питания. По итогам 2021 г. жители нашей страны тратили на еду 31% своих потребительских расходов¹.

В Вологодской области за период с 2012 по 2021 г. доля расходов на покупку продуктов питания, включая питание вне дома, является преобладающей в структуре потребительских расходов населения и составляет в среднем 38% (табл. 2).

¹ Рейтинг стран Европы по доле расходов семей на продукты питания в 2021 г. URL: <https://riarating.ru/>

При этом расходы домашних хозяйств на покупку непродовольственных товаров находятся в среднем на уровне 34%, на оплату услуг — 25%. Наиболее высокие показатели расходов населения на питание отмечались в 2015 г. в условиях экономического кризиса (42%). В условиях кризисных процессов в экономике повышение цен и снижение доходов населения негативно повлияли на уровень и качество жизни населения, что привело к росту и без того высокой доли затрат на питание и одновременному снижению доли расходов на другие потребности. В 2016–2019 гг. в структуре потребительских расходов произошло снижение доли расходов на питание, включая питание вне дома (с 42 до 38%) при увеличении доли расходов на покупку непродовольственных товаров (с 31 до 35%), однако расходы домохозяйств Вологодской области на продовольственные товары по-прежнему превышали среднероссийские показатели (31%).

Таблица 1.

Table 1.

Основные социально-экономические показатели (прирост/
снижение по отношению к предыдущему году, %)

Key socio-economic indicators (increase/decrease in relation to the previous year, in %)

Показатель		2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Реальные располагаемые денежные доходы	Россия	5,8	4,8	-0,7	-3,2	-5,8	-1,7	-0,1	1,7	-4,3	3,8
	Вологодская область	10,6	5,6	2,3	-1,2	-0,2	-7,8	-6,4	-0,9	-4,9	-1,6
Индекс потребительских цен на товары и услуги	Россия	6,6	6,5	11,4	12,9	5,4	2,5	2,9	3,0	3,2	8,4
	Вологодская область	6,0	7,2	12,0	12,0	5,0	2,2	3,9	2,9	3,8	9,3
Оборот розничной торговли	Россия	6,3	3,9	2,7	-10	-4,6	1,3	2,6	1,9	-4,1	7,8
	Вологодская область	19,7	1,7	2,0	-9,7	-7,2	3,6	5,4	2,7	-1,8	2,7
Численность населения с доходами ниже границы бедности (процент к общей численности населения)	Россия	10,7	10,8	11,3	13,4	13,2	12,9	12,6	12,3	12,1	11,0
	Вологодская область	14,5	14,0	13,5	14,5	13,8	13,9	13,6	12,9	12,8	12,4

Источник: рассчитано автором на основе данных Федеральной службы государственной статистики (URL: <http://www.gks.ru/>) и территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области (URL: <http://vologdastat.gks.ru/>).

В 2020–2021 гг. под влиянием турбулентных социально-экономических условий макроструктура потребительских расходов населения претерпела изменения в сторону увеличения доли расходов на продукты питания (40%).

Таблица 2.

Table 2.

Структура потребительских расходов домашних хозяйств Вологодской области, %

Structure of consumer spending of households in the Vologda Oblast, in %

	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Потребительские расходы	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
в том числе:										
Расходы на покупку продуктов питания	37,3	36,9	35,4	41,6	38,5	37,2	37,5	37,7	39,5	39,0
Расходы на покупку алкогольных напитков	2,0	2,0	2,0	1,7	2,0	2,1	1,7	1,4	1,8	1,4
Расходы на покупку непродовольственных товаров	34,0	34,7	37,4	30,5	34,3	34,5	35,5	33,2	31,9	33,9
Расходы на оплату услуг	26,7	26,4	25,2	26,2	25,2	26,2	25,3	27,7	26,8	25,7

Источник: данные территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области. URL: <http://vologdastat.gks.ru/>

Снижение материальных возможностей населения для приобретения продовольственных товаров демонстрируют и социологические исследования ВолНИЦ РАН. Согласно данным мониторинга, в период с 2012 по 2021 г. отмечается ухудшение оценок покупательной способности доходов населения в отношении приобретения продуктов питания (табл. 3). По сравнению с 2012 г. индекс¹ материальных возможностей покупки продуктов питания снизился на 19 п. (с 76 до 57 п.). Это произошло за счет роста удельного веса жителей, которые испытывали трудности при покупке самых необходимых продуктов. Наиболее неблагоприятные оценки наблюдались в период экономического кризиса 2014–2015 гг., а также в условиях эпидемиологического и экономического кризиса 2020–2021 гг. Причем на фоне пандемии коронавируса субъективные показатели материальных возможностей населения в приобретении продовольственных товаров ниже уровня кризисных 2014–2015 гг. (соответствующий индекс фиксируется на отметке 57 пунктов против 63 п. в 2015 г.).

Существенная дифференциация отмечается в среднедушевых потребительских расходах на покупку продуктов питания в зависимости от уровня доходов населения. Так, соотношение в уровне расходов на покупку продуктов между 20-процентными группами населения с минимальными и максимальными предполагаемыми ресурсами составляет 2,6 раза (табл. 4).

¹ Для расчета индексов из доли положительных ответов (в процентах) вычитается доля отрицательных, затем к полученному значению прибавляется 100, чтобы не иметь отрицательных величин. Таким образом, полностью отрицательные ответы дали бы общий индекс 0, сплошь положительные — 200, равновесие первых и вторых — индекс 100, являющийся, по сути, нейтральной отметкой.

Таблица 3.

Table 3.

Оценка материальных возможностей населения в приобретении продовольственных товаров, процент от числа опрошенных

Estimation of material possibilities of the population in the acquisition of food products, in % of the number of respondents

Вариант ответа	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Продовольственные товары										
Могли позволить себе покупку большинства продуктов	34,7	36,5	32,5	27,1	30,2	27,3	29,9	27,0	23,1	23,9
Приобретали только самые необходимые продукты	51,7	52,1	51,1	55,5	54,1	57,5	49,5	51,7	54,9	55,3
Испытывали трудности при покупке даже самых необходимых продуктов питания	6,7	5,1	8,5	8,5	7,3	7,6	12,0	10,8	12,7	10,7
Индекс	76,3	79,3	72,9	63,1	68,8	62,2	68,4	64,5	55,5	56,9

Таблица 4.

Table 4.

Структура потребительских расходов домашних хозяйств с различными среднедушевыми располагаемыми ресурсами в 2021 году

Structure of consumer spending of households with different per capita disposable resources in 2021

	20-процентные группы обследуемого населения									
	Руб.	%	Руб.	%	Руб.	%	Руб.	%	Руб.	%
Потребительские расходы	8778	100	13 090	100	16 974	100	22 955	100	35 293	100
в том числе расходы на покупку продуктов для домашнего питания	4300	49,0	5762	44,0	7178	42,3	8041	35,0	10 039	28,4
Питание вне дома	85	1,0	154	1,1	288	1,7	551	2,4	1381	3,9
Расходы на покупку алкогольных напитков	68	0,8	142	1,1	212	1,2	394	1,7	587	1,8
Расходы на покупку непродовольственных товаров	2153	24,5	3580	27,4	5050	29,8	8171	35,6	13 958	39,5
Расходы на оплату услуг	2172	24,7	3452	26,4	4246	25,0	5798	25,3	9328	26,4

Источник: Доходы, расходы и потребление в домашних хозяйствах Вологодской области в 2021 году: стат. бюллетень. Вологда, июль 2022 г. 39 с.

Данные официальной статистики фиксируют и различия в уровне потребительских расходов населения на покупку продуктов питания в зависимости от территории проживания. Так, доля расходов на продовольственные товары в городской местности ниже, чем в сельской (37% против 44%; рис. 1). Причем за последний год среди городского населения наблюдалось снижение доли расходов на продукты питания (с 41 до 37%) за счет увеличения удельного веса расходов на покупку непродовольственных товаров (с 30 до 34%), в то время как в сельской местности существенных изменений не произошло.

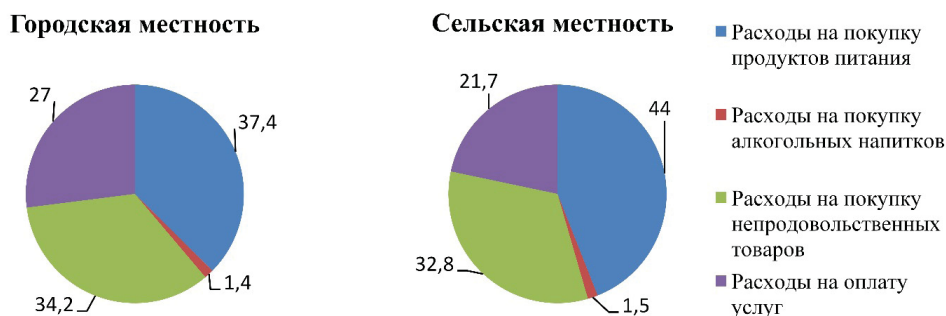

Рисунок 1 — Структура потребительских расходов домашних хозяйств по месту проживания в 2021 г., %.

Figure 1 — Structure of consumer spending of households by place of residence in 2021, %.

Источник: Доходы, расходы и потребление в домашних хозяйствах Вологодской области в 2016 году: стат. бюллетень. Вологда, июль 2022 г. 39 с.

Характеризуя потребление продовольственных товаров жителями Вологодской области, обратимся к данным официальной статистики, которые свидетельствуют, что в целом по региону за период с 2012 по 2021 г. возросло потребление таких продуктов питания, как мясо и мясопродукты (на 18%), молочные продукты (на 7%; табл. 5). В то же время снизилось потребление хлебных продуктов (на 11%), яиц (на 12%), рыбы и рыбопродуктов (на 17%), сахара и кондитерских изделий (на 14%), масла растительного (на 17%). В 2021 г. по сравнению с 2020 г. наблюдалось снижение потребления большинства продуктов питания, наиболее существенно — фруктов и ягод (на 16%), рыбы и рыбопродуктов (на 9%).

В условиях кризисных процессов в экономике, снижения доходов произошли социально-экономические изменения, которые отразились на качестве и структуре питания населения. Важнейшие продукты питания, например овощи, молоко и молочные продукты, фрукты и ягоды, потребляются в значительно меньших количествах, чем это предусмотрено научно-обоснованными национальными нормами потребления, которые разработаны Министерством здравоохранения РФ (рис. 2).

Таблица 5.

Table 5.

Динамика потребления продуктов питания в домашних хозяйствах
(в среднем на потребителя в год, кг)

Dynamics of food consumption in households
(average per consumer per year, kg)

	Хлеб- ные про- дукты	Овощи и бах- чевые	Фрукты и ягоды	Мясо и мя- сопро- дукты	Молоко и мо- лочные про- дукты	Яйца, шт.	Рыба и ры- бопро- дукты	Сахар и кон- дитер- ские изделия	Масло расти- тельное и другие жиры
2012	104	103	76	80	316	283	24	37	12
2013	98	97	77	82	306	277	24	39	12
2014	98	95	82	84	309	259	23	38	12
2015	96	96	74	88	326	257	21	37	12
2016	99	113	82	88	319	259	22	37	13
2017	103	100	76	87	307	244	23	37	13
2018	102	110	82	89	330	240	22	35	12
2019	100	98	86	87	331	257	22	34	12
2020	100	110	90	90	349	249	22	33	11
2021	93	103	79	94	339	251	20	31	10

Источник: Потребление продуктов питания по социально-экономическим группам населения Вологодской области в 2021 году: стат. бюллетень. Вологда, 2022. 25 с.

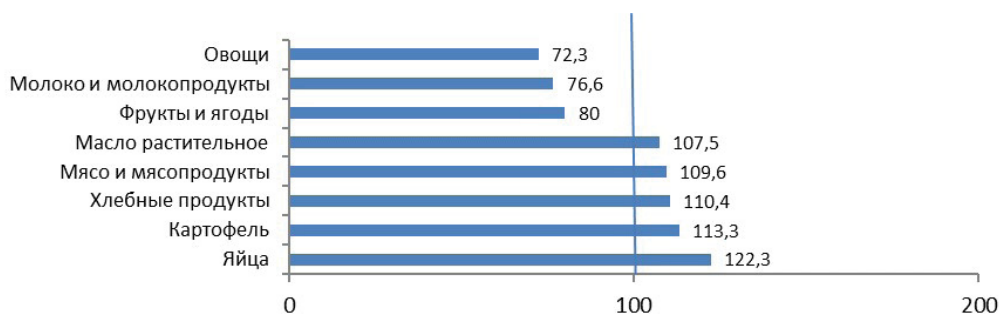

Рисунок 2 — Потребление основных продуктов питания на душу населения в Вологодской области в 2021 г. в сравнении с рациональными нормами*, % (100% = средняя рациональная норма потребления).

Figure 2 — Consumption of staple foods per capita Vologda Oblast in 2021 in comparison with rational norms*, % (100% = average rational consumption rate)

* Рациональные нормы потребления пищевых продуктов, отвечающие требованиям здорового питания, утвержденные Приказом Минздрава РФ от 19 августа 2016 г. № 614 (с изм. от 01.12.2020).

Тренд на снижение потребления демонстрируют и социологические опросы ВолНЦ РАН на региональном уровне. В период с 2012 по 2021 г. уменьшилось количество потребления продовольственных товаров: индекс изменения количества приобретаемых продовольственных товаров снизился на 10 пунктов (с 90 до 80 п.; табл. 6). Это произошло за счет увеличения представительства жителей области, которые приобретали товары «в меньшем объеме, чем прежде» (с 20 до 28%). Наиболее заметное падение наблюдалось в условиях кризиса 2014–2015 гг. Намечившееся в 2018–2019 гг. улучшение показателей не свидетельствовало об изменении общего тренда, поскольку соответствующий индекс оценки количества приобретаемых продуктов по-прежнему сохранялся ниже уровня докризисного 2012 г. В 2020–2021 гг. в условиях пандемии и связанных с ней ограничительных мер соответствующий индекс вновь опустился до уровня кризисных 2014–2015 гг.

Одним из способов экономии является приобретение менее качественных товаров более низкой ценовой категории. В период с 2012 по 2021 г. индекс качества приобретаемых продуктов питания снизился на 8 п. (со 102 до 94 п.). Значительное падение данных показателей фиксируется в 2020–2021 г. на фоне пандемии COVID-19.

Таблица 6.

Table 6.

Оценка изменения количества (объема) и качества приобретаемых продуктов питания в прошлом году по сравнению с предыдущим годом, процент от числа опрошенных

Assessment of changes in the quantity (volume) and quality of purchased food products in the past year compared to the previous year, % of the number of respondents

Вариант ответа	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Количество										
Приобретали больше, чем прежде	10,4	11,8	7,9	9,0	7,7	9,1	10,1	8,0	7,7	7,3
Приобретали в том же объеме, что и прежде	57,5	58,9	50,2	45,3	48,4	53,9	52,1	55,1	52,1	53,6
Приобретали меньше, чем прежде	20,1	18,1	23,3	31,3	28,1	23,4	24,5	26,5	30,6	27,5
Индекс	90,3	93,7	84,6	77,7	79,6	85,7	85,6	81,5	77,1	79,8
Качество										
Значительно и немного улучшилось	18,3	19,6	8,0	6,5	11,2	14,1	14,4	16,5	13,5	13,9
Не изменилось	57,1	57,5	55,9	47,5	50,0	52,5	55,5	55,9	55,7	56,2
Значительно и немного ухудшилось	15,9	16,0	24,6	30,7	24,6	22,2	19,8	15,1	21,5	20,0
Индекс	102,4	103,6	83,4	75,8	86,6	91,9	94,6	101,4	92,0	93,9

Статистические данные показывают, что потребление продуктов питания существенно различается в зависимости от уровня благосостояния населения области (табл. 7). В 2021 г. в домохозяйствах пятой квинтильной группы (с наибольшими доходами) потреблялось больше, чем в первой группе (с наименьшими доходами) рыбы и рыбопродуктов — в 1,9 раза, фруктов и ягод — в 2,2 раза, овощей — в 2,2 раза, молочных продуктов — в 1,7 раза, мяса и мясопродуктов — в 1,5 раза.

Таблица 7.

Table 7.

Потребление основных продуктов питания в домашних хозяйствах по 20-процентным группам в 2021 г. (в среднем на потребителя в год, кг)

Consumption of staple foods in households
by 20 percent groups in 2021 (average per consumer per year, kg)

Продукты питания	В том числе по 20-процентным группам населения				
	1 группа*	2 группа	3 группа	4 группа	5 группа**
Хлебные продукты	84	95	96	92	98
Овощи и бахчевые	61	92	119	107	135
Фрукты и ягоды	47	66	85	90	105
Мясо и мясопродукты	72	87	98	103	108
Молоко и молочные продукты	252	311	345	360	423
Яйца, шт.	192	234	260	265	301
Рыба и рыбопродукты	15	22	22	23	28
Сахар и кондитерские изделия	27	32	32	33	37
Масло растительное и другие жиры	9	11	11	10	12

* с наименьшими среднедушевыми располагаемыми ресурсами;

** с наибольшими среднедушевыми располагаемыми ресурсами.

Источник: Потребление продуктов питания по социально-экономическим группам населения Вологодской области в 2021 году: стат. бюллетень. Вологда, 2022. 25 с.

Структура потребления различается и в зависимости от территории проживания (табл. 8). В домашних хозяйствах городской местности по сравнению с домохозяйствами сельской местности выше потребление мяса и мясопродуктов на 7%, молочных продуктов — на 26%, фруктов и ягод — на 33%. В 2021 г. по сравнению с 2020 г. в городской местности снизилось потребление всех основных продуктов питания, за исключением мяса и мясопродуктов, яиц. Аналогичные тенденции наблюдаются и в сельской местности, снижение потребления продуктов питания произошло по всем позициям, кроме мяса и мясопродуктов, сахара и кондитерских изделий.

Таблица 8.

Table 8.

Потребление основных продуктов питания населением Вологодской области в городской и сельской местности в 2021 г. (в среднем на потребителя в год, кг)

Consumption of basic food products by the population of the Vologda Oblast in urban and rural areas in 2021 (average per consumer per year, kg)

Продукты питания	В городской местности		В сельской местности	
	Кг	В процентах к 2020 г.	Кг	В процентах к 2020 г.
Хлебные продукты	90	92,8	101	93,5
Овощи и бахчевые	103	93,6	103	92,0
Фрукты и ягоды	85	89,5	64	84,2
Мясо и мясопродукты	98	102,2	92	107,7
Молочные продукты	359	98,4	286	93,2
Яйца, шт.	250	102,9	255	96,2
Рыба и рыбопродукты	21	95,5	24	100,0
Сахар и кондитерские изделия	30	93,8	39	102,6
Масло растительное, маргарин и другие жиры	10	100,0	12	92,3

Источник: Потребление продуктов питания по социально-экономическим группам населения Вологодской области в 2021 году: стат. бюллетень. Вологда, 2022. 25 с.

Выводы

Таким образом, обеспечение продовольственной безопасности является одним из главных направлений обеспечения долгосрочной государственной безопасности, фактором сохранения национального суверенитета, ключевым элементом социально-экономического развития каждого региона и необходимым условием для реализации стратегического национального приоритета — повышения качества жизни граждан России путем гарантирования высоких стандартов жизнеобеспечения (Старикова, 2023).

Продовольственная безопасность — это состояние социально-экономического развития страны, при котором обеспечивается независимость Российской Федерации в области продовольствия, гарантируется доступность пищевых продуктов, соответствующих обязательным требованиям, для каждого гражданина страны в объемах, не меньших рациональных норм потребления пищевой продукции, необходимой для активного и здорового образа жизни. Продовольственная безопасность предусматривает физическую доступность продовольствия — продукты питания должны быть в наличии на территории страны в необходимом объеме и ассортименте (в соответствии с принятыми нормами потребления);

безопасность питания — качество продуктов питания должно соответствовать установленным требованиям и гарантировать безопасное потребление. Важнейшей составляющей продовольственной безопасности является экономическая доступность продовольствия — граждане государства, независимо от уровня заработной платы и возраста, обязаны иметь достаточный уровень доходов для приобретения минимального набора продуктов питания.

В ходе проведенного исследования были выявлены проблемы экономической доступности продовольствия жителями Вологодской области:

1. По данным официальной статистики в Вологодской области сохраняется неблагоприятная структура потребительских расходов домохозяйств, в которой доля расходов на продукты питания является преобладающей (в среднем 38%). Это существенно ограничивает потребление других материальных и духовных благ.
2. В регионе сформировалась устойчиво высокая доля населения, имеющего доходы ниже величины прожиточного минимума (14%). Беднейшее население сводит свои потребительские нужды почти исключительно к потреблению продуктов питания, причем не всегда в достаточных количествах.
3. Чрезмерно высокая дифференциация доходов обуславливает заметные различия в потреблении продуктов питания различными категориями населения. Это подтверждает тот факт, что уровень расходов на покупку продуктов питания в 20-процентной группе населения с минимальными среднедушевыми доходами почти в 3 раза выше, чем в 20-процентной группе населения с максимальными доходами.
4. Данные статистики за период с 2012 по 2021 г. фиксируют снижение потребления большинства продуктов питания. Более того, сравнение этих данных с нормативами, разработанными Министерством здравоохранения РФ, показывает, что потребление ряда продуктов по-прежнему остается не соответствующим рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающих современным требованиям здорового питания. Современный уровень потребления основных продовольственных товаров не обеспечивает полноценного питания для ведения здорового и активного образа жизни.

Наличие подобных проблем в сфере экономической доступности продуктов питания позволяет ставить вопрос об уязвимости национальной продовольственной системы, наличии угроз национальной продовольственной безопасности. Повышение эффективности социальной политики, направленной на расширение покупательной способности доходов, повышение уровня и качества жизни населения, позволит предотвратить возникающие угрозы и социальные риски, повысить устойчивость государства, создаст условия для динамичного развития и улучшения благосостояния населения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Аганбегян А. Г. Нужна ли России смена парадигмы социально-экономического развития? // Экономическая политика. 2012. № 6. С. 54–66.

- Алиев Т. М. Динамика уровня жизни населения в Казахстане (потребление продуктов питания) // Вестник Московского университета. Сер. 13. 2012. № 2. С. 16–33.
- Алтухов А. И. Формирование региональной аграрной политики // АПК: экономика, управление, 2005. № 11. С. 28–35.
- Балабанов В. С. Продовольственная безопасность: международные и внутренние аспекты. М. : Экономика, 2002. 544 с.
- Балашов А. П. Управление развитием организации потребительской кооперации. Новосибирск : СибУПК, 2007. 171 с.
- Богер И. Г. Северный завоз грузов в районы Северо-востока России: совершенствование организационно-экономического механизма // Регион: Экономика и социология. 2003. № 3. С. 105–122.
- Бутакова М. М. Экономическое прогнозирование: методы и приемы практических расчетов. М. : КНОРУС, 2010. 168 с.
- Гриценко Г. М. Стратегическое управление продовольственным рынком Алтайского края // АПК: экономика и управление. 2009. № 10. С. 64–68.
- Гумеров Р. Р. К разработке методолого-теоретических проблем исследования продовольственной безопасности России // Российский экономический журнал. 2003. № 7. С. 9–26.
- Дементьева И. Н., Шаклеина М. В. Моделирование социально-демографических детерминант потребления основных продуктов питания на примере Вологодской области // Экономика и управление. 2018. № 1 (147). С. 79–90.
- Елисеева Т. В. Процесс формирования социальной цены и ее влияние на качество жизни населения Сибири // Вестник НГАУ. 2009. № 11. С. 26–45.
- Зубахин А. М. Повышение эффективности использования ресурсного потенциала личных подсобных хозяйств населения на основе кооперации (на материалах Алтайского края). Барнаул, 2006. 197 с.
- Исаенко А. В. Потребление продуктов питания в домашних хозяйствах России // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2005. № 1. С. 243–252.
- Кожемякина И. И., Репина И. А. Продовольственное обеспечение — основа продовольственной безопасности // Продовольственная безопасность: прошлое, настоящее, будущее: материалы круглого стола с междунар. участием. Ч. I. Луганск : Ноулидж, 2023. 349 с.
- Ксенофонтов М. Ю., Ползиков Д. А., Гольденберг И. А., Ситников П. В. Методологические проблемы формирования концепции продовольственной безопасности в России // Проблемы прогнозирования. 2018. № 5. С. 127–136.
- Курцев И. В. Продовольственное обеспечение в Сибирском федеральном округе // Актуальная статистика Сибири. 2009. № 2. С. 53–60.
- Личко К. П. Прогнозирование и планирование в АПК // Экономика сельского хозяйства России. 2009. № 4. С. 44–56.
- Маслаков В. В. Формирование системы продовольственной безопасности. Екате-

ринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1996. 246 с.

Рудой Е. В. Развитие агропродовольственного рынка макрорегиона. Новосибирск : Агро-Сибирь, 2011. 191 с.

Старикова О. С. Государственные инновационные направления обеспечения качества жизни населения в современных условиях // Продовольственная безопасность: прошлое, настоящее, будущее: материалы круглого стола с междунар. участием. Луганск : Ноулидж, 2023. 349 с.

Ушачев И. Г. Стратегия продовольственной безопасности России // Пищевая промышленность. 2002. № 2. С. 16–17.

Хромов Ю. С. О внешних факторах продовольственной безопасности России // Пищевая промышленность. 2002. № 3. С. 14–15.

Conway G., Barber E. After the Green Revolution Sustainable Agriculture for Development. London, 1990. P. 60.

REFERENCES

Aganbegyan, A. G. (2012). Does Russia need a paradigm shift in socio-economic development? *Economic Policy*, 6, 54–66. (In Russ).

Aliev, T. M. (2012). Dynamics of the standard of living of the population in Kazakhstan (food consumption). *Bulletin of Moscow University. Ser. 13, 2*, 16–33. (In Russ).

Altukhov, A. I. (2005). Formation of regional agrarian policy. *APK: economics, management*, 11, 28–35. (In Russ).

Balabanov, B. C. (2002). *Food security: (international and domestic aspects)*. Moscow : Economika. (In Russ).

Balashov, A. P. (2007). *Management of the development of the organization of consumer cooperation*. Novosibirsk: SibUPK. (In Russ).

Boger, I. G. (2003). Northern delivery of goods to the regions of the North-East of Russia: improvement of the organizational and economic mechanism. *Region: Economics and Sociology*, 3, 105–122. (In Russ).

Butakova, M. M. (2010). *Economic forecasting: methods and techniques of practical calculations*. M. : KNORUS. (In Russ).

Gritsenko, G. M. (2009). Strategic management of the food market of the Altai Territory. *APK: Economics and Management*, 10, 64–68. (In Russ).

Gumerov, R. R. (2003). Towards the development of methodological and theoretical problems of the study of food security in Russia. *Russian Economic Journal*, 7, 9–26. (In Russ).

Dementieva, I. N., Shakleina, M. V. (2018). Modeling socio-demographic determinants of consumption of basic food products on the example of the Vologda Oblast. *Economics and Management*, 1(147), 79–90. (In Russ).

Eliseeva, T. V. (2010). The process of forming a social price and its impact on the quality of life of the population of Siberia. *Bulletin NSAU*, 11, 26–45. (In Russ).

- Zubakhin, A. M. (2006). *Improving the efficiency of using the resource potential of personal subsidiary plots of the population on the basis of cooperation (on the materials of the Altai Territory)*. Barnaul. (In Russ).
- Isaenko, A. V. (2005). Food consumption in households in Russia. *Bulletin of the Belgorod University of Cooperation, Economics and Law*, 1, 243–252. (In Russ).
- Kozhemyakina, I. I., Repina, I. A. (2023). Food security is the basis of food security. *Food security: past, present, future: Materials of the round table* (pp. 260-268). Lugansk : Knowledge. (In Russ).
- Ksenofontov, M. Yu., Polzиков, D. A., Goldenberg, I. A., Sitnikov, P. V. (2018). Methodological problems of forming the concept of food security in Russia. *Problems of Forecasting*, 5, 127–136. (In Russ).
- Kurtsev, I. V. (2009). Food supply in the Siberian Federal District. *Actual statistics of Siberia*, 2, 53–60. (In Russ).
- Lichko, K. P. (2009). Forecasting and planning in the agro-industrial complex. *Economics of agriculture in Russia*, 4, 44–56. (In Russ).
- Maslakov, V. V. (1996). *Formation of the food security system*. Ekaterinburg : Izd-vo Ural. un-ta. (In Russ).
- Rudoy, E. V. (2011). *Development of the agro-food market of the macroregion*. Novosibirsk : Agro-Sibir'. (In Russ).
- Starikova, O. S. (2023). State innovative directions for ensuring the quality of life of the population in modern conditions. *Food security: past, present, future: Materials of the round table* (pp. 180–185). Lugansk : Knowledge. (In Russ).
- Ushachev, I. G. (2002). Food security strategy in Russia. *Food industry*, 2, 16–17. (In Russ).
- Khromov, Yu. S. (2002). On external factors of food security in Russia. *Food industry*, 3, 14–15. (In Russ).
- Conway G., Barber E. *After the Green Revolution Sustainable Agriculture for Development*. London, 1990. P. 60.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ирина Николаевна Дементьева — научный сотрудник лаборатории исследования социальных процессов и эффективности государственного управления Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Вологодский научный центр РАН», г. Вологда, Россия.

Irina N. Dementieva — Researcher, Laboratory studies of social processes and the efficiency of public administration Federal State budgetary Institution of Science Vologda research Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia.

Статья поступила в редакцию 19.05.2023;
одобрена после рецензирования 01.06.2023;
принята к публикации 03.06.2023.

The article was submitted 19.05.2023;
approved after reviewing 01.06.2023;
accepted for publication 03.06.2023.

Научная статья / Research Article

УДК 316.62

DOI: 10.14258/SSI(2023)2-08

Типология населения по отношению к ценности человеческой жизни: здоровьесберегательный аспект

Александра Владимировна Короленко

Вологодский научный центр Российской академии наук, Вологда, Россия,
coretra@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7699-0181>

Аннотация. Поведенческие факторы риска продолжают играть значимую роль в состоянии здоровья населения, а индивидуальное восприятие риска и ценность человеческой жизни выступают важными маркерами социальной безопасности. Изучение ценности жизни через призму рискованного поведения позволяет оценить отношение населения к риску как своими, так и чужими жизнью и здоровьем, выявить допускающие это обстоятельства. Применение методов эмпирической социологии дает возможность учитывать индивидуальные характеристики респондентов (ценности, установки, мотивы, практики), что крайне важно для объяснения и контроля над рисками. Цель данной статьи заключалась в выделении типов населения по отношению к ценности человеческой жизни (собственной и чужой) и определении особенностей их здоровьесберегательного поведения на данных репрезентативного социологического опроса. Информационной базой выступили результаты очередного этапа социологического мониторинга физического здоровья населения Вологодской области, проведенного в 2022 г. (n=1500). В исследовании применялись методы социологического опроса (анкетирования), факторного, кластерного и дескриптивного анализа. В ходе работы были выделены три кластера населения по отношению к ценности человеческой жизни: «гуманисты», «защитники» и «материалисты с низкой ценностью жизни и здоровья». Выявлены различия кластеров в социально-демографических характеристиках и параметрах здоровьесберегательного поведения — практиках и мотивах заботы о здоровье, барьерах долголетия. Полученные данные о типах населения по отношению к ценности жизни могут послужить основой для разработки профильных мер профилактики поведенческих факторов риска здоровья, а мониторинг выявленных категорий населения позволит отслеживать изменения в их здоровьесберегательном поведении, что особенно важно в условиях нестабильности и внешних потрясений.

Ключевые слова: риск; рискованное поведение; здоровьесберегательное поведение; ценность жизни; типология населения; социологический опрос; факторный анализ; кластерный анализ

Финансирование: исследование выполнено в рамках темы государственного задания (проект № FMGZ-2022-0001 «Социально-экономические детерминанты демографического и социокультурного развития современной России»).

Для цитирования: Короленко А. В. Типология населения по отношению к ценности человеческой жизни: здоровьесберегательный аспект // Society and Security Insights. 2023. Т. 6, № 2. С. 116–133. doi: 10.14258/ssi(2023)2-08.

Typology of the Population in Relation to the Value of Human Life: Health-Saving Aspect

Aleksandra V. Korolenko

Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia,
coretra@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7699-0181>

Abstract. Behavioral risk factors continue to play a significant role in the health of the population, and individual perception of risk and the value of human life are important markers of social security. The study of the value of life through the prism of risky behavior allows us to assess the attitude of the population to risk both their own and others' lives and health, to identify circumstances that allow this. The use of empirical sociology methods makes it possible to take into account the individual characteristics of respondents (values, attitudes, motives, practices), which is extremely important for explaining and controlling risks. The purpose of this article was to identify the types of population in relation to the value of human life (their own and others') and to determine the characteristics of their health-saving behavior based on the data of a representative sociological survey. The information base was the results of the next stage of sociological monitoring of the physical health of the Vologda Oblast population, conducted in 2022 (N=1500). The methods of sociological survey (questionnaire), factorial, cluster and descriptive analysis were used in the study. In the course of the work, three clusters of the population in relation to the value of human life were identified: "humanists", "defenders" and "materialists with a low value of life and health". The differences of clusters in socio-demographic characteristics and parameters of health-saving behavior - practices and motives of health care, barriers of longevity are revealed. The data obtained on the types of the population in relation to the value of life can serve as a basis for the development of specialized measures for the prevention of behavioral health risk factors, and monitoring of the identified categories of the population will allow tracking changes in their health-saving behavior, which is especially important in conditions of instability and external shocks.

Keywords: risk; risky behavior; health-saving behavior; value of life; population typology; sociological survey; factor analysis; cluster analysis

Financial Support: the work was supported within the framework of the topic of the state task (project no FMGZ-2022-0001 "Socio-economic determinants of demographic and socio-cultural development of modern Russia").

For citation: Korolenko, A. V. (2023). Typology of the Population in Relation to the Value of Human Life: Health-Saving Aspect. *Society and Security Insights*, 6(2), 116–133. (In Russ.). doi: 10.14258/ssi(2023)2-08.

Введение

Эксперты Всемирной организации здравоохранения отмечают, что в основе четверти всех случаев смерти в мире лежат пять ключевых факторов риска (высокий уровень артериального давления, употребление табака, высокий уровень сахара в крови, недостаточная физическая активность, избыточный вес и ожире-

ние), которые во многом определяются поведением населения в отношении собственной жизни и здоровья (Глобальные факторы риска..., 2015: 31). Категорией, объединяющей поведенческий фактор и риск, является «рискованное поведение», представляющее собой активность, направленную на удовлетворение потребностей, создающих угрозу жизнедеятельности человека или его социальному положению (Нацун, Разварина и Смолева, 2017: 116). При этом оно может иметь как внутреннюю направленность, т.е. быть саморазрушительным (употребление алкоголя и наркотиков, небезопасное сексуальное и пищевое поведение, суицидальное поведение, поведение с повышенным травматизмом и др.), так и внешнюю, т.е. быть антисоциальным (насилие, убийства) (Рахимкулова, 2020: 4).

Рискованное поведение и отношение населения к риску жизнью и здоровьем рассматриваются в рамках медицинской науки (концепция факторов риска), психологии (концепции индивидуальной склонности к риску, поиска сильных ощущений и др.), социологии риска и социальной безопасности (концепции социальной адаптации, социальной приемлемости риска и риск-коммуникации и др.) и социологии здоровья (концепции отношения к здоровью и самосохранительного поведения), а также междисциплинарной науки — рискологии. Преимущество социологических исследований заключается в том, что они учитывают интересы, ценности и особенности жизненного уклада социальных субъектов, что крайне важно для объяснения и контроля над риском (Мозговая, 2011: 40). Специалисты в области управления рисками для жизни и здоровья населения заявляют о необходимости отказа от традиционной «экспертной» модели управления ими и перехода к социально-ориентированному подходу, в рамках которого анализируются такие аспекты, как «воспринимаемый риск», «социально допустимый уровень риска» и «социальное принятие риска» (Барг, Лебедева-Несевря, 2014: 11).

В решении задач, посвященных отношению к риску и его восприятию, особенно значима роль эмпирической социологии. В качестве метода исследования рисков здесь чаще всего выступает их ранжирование по степени опасности для жизни и здоровья (Мозговая, Шлыкова, 2010: 39). Однако, как отмечают А.В. Мозговая и Е.В. Шлыкова, выраженным информационным потенциалом для обоснования социальной приемлемости риска обладает оценка его допустимости, а информация о связи оценок допустимости различных типов риска с социально-демографическими показателями представляет как познавательный, так и практический интерес (Мозговая, Шлыкова, 2010: 41).

Одной из ключевых категорий в рамках социологии здоровья выступает ценность жизни (здоровья). Исследователи констатируют преобладание у россиян ее инструментального характера (здоровье как средство достижения целей и благ), что несет в себе риски низкой культуры самосохранения (Журавлева, 2006: 62), развития недугов и преждевременной смерти. Кроме того, подтверждается существование противоречия между высокой значимостью здоровья на уровне ценностного сознания (декларируемая ценность) и реальным поведением по его сохранению (отсутствие фактической заботы о здоровье) (Новоселова, 2021: 94).

В социологии риска и социальной безопасности категории «ценность жизни» и «установки относительно допустимости риска жизнью или насилия над ней» рассматриваются как факторы общественной (социальной) безопасности (Мозговая, Шлыкова, 2020; Омельченко, Максимова, Ноянзина, 2020). При этом немаловажным признается учет различий в оценках личного (для собственной жизни) и общего (для жизни других людей) риска (Омельченко, Максимова, Ноянзина, 2020: 17).

Изучение ценности жизни и здоровья через призму рискованного поведения позволяет оценить отношение населения к риску как своими, так и чужими жизнью и здоровьем, выявить допускающие это обстоятельства. При этом важной с точки зрения управления рисками представляется типология населения по восприятию ценности жизни и здоровья. В свою очередь, для выявленных типов населения становится возможным изучение особенностей их самосохранительного поведения, в частности практик, мотивов и барьеров заботы о здоровье, дающих представление о специфике поведенческих факторов риска здоровья.

Цель данного исследования заключалась в выделении типов населения по отношению к ценности человеческой жизни (собственной и чужой) и определении особенностей их здоровьесберегающего поведения на данных репрезентативного социологического опроса.

Методология исследования

Информационной базой исследования выступили результаты очередного этапа социологического мониторинга физического здоровья населения Вологодской области, проведенного в 2022 г.¹ В 2022 г. инструментарий мониторинга был усовершенствован, в частности были разработаны и внедрены в анкету вопросы по проблематике ценности человеческой жизни: один из них посвящен мнению респондентов о тех или иных утверждениях, касающихся ценности человеческой жизни, второй — оценкам обстоятельств, допускающих риск собственной или чужой жизнью (табл. 1). Для оценки значимости утверждений респондентам предлагалась пятибалльная шкала (от «1» — категорически не согласны до «5» — полностью согласны). Ответы на вопрос об отношении к ценности человеческой жизни были закодированы в девяти переменных, а на вопрос об обстоятельствах, допускающих риск жизнью и здоровьем, — в 20 переменных (из которых 10 — обстоятельства риска собственной жизнью и здоровьем, 10 — обстоятельства риска чужой жизнью и здоровьем (причинения вреда другим людям)). Все переменные имели одинаковую интервальную шкалу измерения, поэтому не потребовали предварительной стандартизации значений.

Для осуществления типологии населения по отношению к ценности человеческой жизни (собственной или чужой) был использован *метод кластерного анализа с предварительным факторным анализом*. Кластерный анализ позволяет

¹ Опрос осуществлялся в форме раздаточного анкетирования на территории городов Вологды и Череповца, а также восьми муниципальных районов. Объем выборки составил 1500 респондентов в возрасте 18 лет и старше. Выборка многоступенчатая, квотная. Ошибка выборки не превышала 3–5%.

выделить в большом массиве данных схожие между собой объекты и объединить их в группы исходя из математически вычисленных расстояний между ними (Фарахутдинов, Бушуев, 2011: 160). Предварительное проведение факторного анализа в случае большого количества исходных переменных необходимо для определения наиболее важных (влиятельных) из них и их группировки в несколько крупных и значимых факторов (Фарахутдинов, Бушуев, 2011: 183). Данные методы многомерного статистического анализа оптимальны для обработки массива наблюдений ($n=1500$) и большого количества исходных показателей (27).

Таблица 1.

Table 1.

Вопросы анкеты об отношении к ценности человеческой жизни

Questions on the form about the attitude to the value of human life

Характеристика	Вопрос анкеты	Варианты ответа
Отношение к ценности человеческой жизни	Отметьте, в какой степени Вы согласны со следующими утверждениями	<ol style="list-style-type: none"> 1. Моя жизнь слишком быстротечна, нет смысла бояться за нее. 2. Есть вещи, ради которых стоит рисковать жизнью и собственным здоровьем (хороший заработок, острые ощущения, защита родных и близких). 3. Люди умирают каждый день, я не думаю об этом. 4. Человек имеет право принять решение уйти из жизни, когда он захочет. 5. Ни в какой ситуации недопустимо наносить вред жизни и здоровью другого человека. 6. Не важно, кто умирает и при каких обстоятельствах, смерть человека — это всегда трагедия. 7. Есть преступления, за которые допустимо наказание в виде смертной казни. 8. Человеческая жизнь — наивысшая ценность. 9. Человек должен иметь законодательное право ухода из жизни в случае тяжелой болезни
Допустимость риска собственной или чужой жизнью (допускающие риск обстоятельства)	При каких обстоятельствах, ради чего Вы считаете допустимым рисковать собственной жизнью и здоровьем или причинять вред другим людям?	<ol style="list-style-type: none"> 1. Высокий заработок, материальные выгоды. 2. Острые ощущения, новые впечатления. 3. Защита имущества (своего и близких людей). 4. Защита собственной жизни и здоровья. 5. Защита жизни и здоровья близких людей. 6. Защита Родины, национальных интересов и государственных границ. 7. Защита политических взглядов. 8. Защита религиозных убеждений. 9. Служебные обязанности. 10. Другое

Источник: составлено автором.

На первом этапе осуществлялся отбор переменных для факторного анализа и кластеризации (ответы на вопросы о ценности человеческой жизни и обстоятельствах, допускающих риск собственной или чужой жизнью). **На втором шаге** проводился *факторный анализ методом главных компонент* с вращением факторов *методом Варимакс* (с нормализацией Кайзера)¹. В таблице 2 представлен итог вычислений, а именно матрица компонент после вращения, по факторным нагрузкам которой переменные распределяются в отдельные факторы. Построенная семифакторная модель объясняет 74% общей дисперсии, что является достаточно хорошим показателем. При этом первый фактор объясняет 26% общей дисперсии, второй — 13%, третий — 12%, четвертый — 7%, пятый — 6%, шестой — 5%, седьмой — 4%.

Таблица 2.

Table 2.

Матрица компонент после вращения

Rotated matrix of components

Показатели	Факторы						
	1	2	3	4	5	6	7
Допустимость риска чужой жизнью ради защиты религиозных убеждений	0,860						
Допустимость риска собственной жизнью ради защиты политических взглядов	0,842						
Допустимость риска собственной жизнью ради защиты религиозных убеждений	0,835						
Допустимость риска чужой жизнью ради защиты политических взглядов	0,827						
Допустимость риска чужой жизнью ради служебных обязанностей	0,814						
Допустимость риска собственной жизнью ради служебных обязанностей	0,809						
Допустимость риска собственной жизнью ради защиты Родины, национальных интересов и государственных границ	0,585						
Допустимость риска чужой жизнью ради высокого заработка, материальных выгод		0,864					
Допустимость риска чужой жизнью ради острых ощущений, новых впечатлений		0,846					
Допустимость риска собственной жизнью ради высокого заработка, материальных выгод		0,769					

¹ Выбор метода главных компонент обусловлен его широкой распространенностью и возможностью последовательного поиска и отбора факторов (в порядке убывания их важности), а выбор метода Варимакс для вращения факторов — упрощением интерпретации факторов при его использовании.

Показатели	Факторы						
	1	2	3	4	5	6	7
Допустимость риска собственной жизнью ради острых ощущений, новых впечатлений		0,714					
Допустимость риска чужой жизнью ради защиты имущества (своего и близких людей)		0,607	0,534				
Допустимость риска чужой жизнью ради защиты жизни и здоровья близких людей			0,880				
Допустимость риска чужой жизнью ради защиты собственной жизни и здоровья			0,872				
Допустимость риска чужой жизнью ради защиты Родины, национальных интересов и государственных границ	0,545		0,645				
Не важно, кто умирает и при каких обстоятельствах, смерть человека — это всегда трагедия				0,837			
Человеческая жизнь — наивысшая ценность				0,827			
Ни в какой ситуации недопустимо наносить вред жизни и здоровью другого человека				0,733			
Есть преступления, за которые допустимо наказание в виде смертной казни				0,649			
Допустимость риска собственной жизнью ради защиты собственной жизни и здоровья					0,822		
Допустимость риска собственной жизнью ради защиты жизни и здоровья близких людей					0,789		
Допустимость риска собственной жизнью ради защиты имущества (своего и близких людей)		0,527			0,667		
Моя жизнь слишком быстротечна, нет смысла бояться за нее						0,738	
Люди умирают каждый день, я не думаю об этом						0,731	
Есть вещи, ради которых стоит рисковать жизнью и собственным здоровьем (хороший заработок, острые ощущения, защита родных и близких)						0,685	
Человек имеет право принять решение уйти из жизни, когда он захочет						0,662	
Человек должен иметь законодательное право ухода из жизни в случае тяжелой болезни							0,647

*пропуски в ячейках — значения факторных нагрузок менее 0,5.

Рассчитано автором в пакете прикладных программ IBM SPSS STATISTICS 22.0

Таким образом, исходя из значений факторных нагрузок таблицы 2 были определены *семь факторов отношения к риску жизнью и здоровьем*:

- 1) допустимость риска своей или чужой жизнью ради защиты религиозных и политических убеждений, служебных обязанностей, Родины и национальных интересов (фактор защиты идей и убеждений ценой собственной или чужой жизни);
- 2) допустимость риска своей или чужой жизнью ради высокого заработка и материальных выгод, острых ощущений, защиты имущества (фактор защиты материальных интересов или получения острых ощущений ценой собственной или чужой жизни);
- 3) допустимость риска чужой жизнью ради защиты имущества, собственной жизни и жизни близких, национальных интересов (фактор охраны собственной жизни и жизни близких, имущества и национальных интересов ценой чужой жизни);
- 4) признание ценности человеческой жизни и недопустимости нанесения ей вреда, но допустимости смертной казни за отдельные преступления (фактор ценности человеческой жизни, но допустимости смертной казни за преступления);
- 5) допустимость риска собственной жизнью ради защиты имущества, своей жизни и жизни близких (фактор самопожертвования ради защиты своей жизни и жизни близких, имущества);
- 6) признание быстротечности жизни, допустимости риска ею ради отдельных вещей, допустимости добровольного ухода из жизни, отсутствие мыслей о смерти (авитальный фактор — недостаточная ценность жизни, латентная суицидальность);
- 7) допустимость законодательного ухода из жизни (фактор допустимости эвтаназии).

На третьем этапе исследования на случайной выборке (30 наблюдений) проводился *иерархический кластерный анализ*, в ходе которого было определено точное количество кластеров — три. **На четвертом шаге** с целью типологии всей совокупности респондентов осуществлялся *итеративный кластерный анализ методом k-средних*. Вычисление меры сходства объектов по выделенным факторам производилось с помощью метода Варда, а в качестве меры расстояния использовался квадрат Евклидова расстояния. Статистическая обработка данных осуществлялась с помощью пакета прикладных программ IBM SPSS STATISTICS 22. Результаты итеративного кластерного анализа (конечные центры кластеров) отражены в таблице 3. Представленные в ней значения характеризуют степень и направленность проявления тех или иных факторов для отдельных кластеров, что позволяет интерпретировать выделенные кластеры.

С целью изучения социально-демографических характеристик выявленных типов населения применялись ответы на вопросы о поле, возрасте, территории проживания и уровне образования респондентов. Для выявления особенностей их здоровьесберегательного поведения использовались ответы на вопросы о практиках заботы о здоровье (Что Вы лично предпринимаете для сохранения

и укрепления своего здоровья?) и его мотивах (Что побуждает Вас заботиться о своем здоровье?), а также о барьерах долголетия (Что может помешать прожить Вам столько лет, сколько Вы хотите?). Анализ социально-демографических и здоровьесберегательных параметров кластеров осуществлялся с помощью методов описательной (дескриптивной) статистики.

Таблица 3.

Table 3.

Конечные центры кластеров (степень проявления факторов)

End centers of clusters (degree of manifestation of factors)

Фактор	Кластер 1	Кластер 2	Кластер 3
1. Фактор защиты идей и убеждений ценой собственной или чужой жизни	-0,19	-0,04	0,24
2. Фактор получения материальных выгод или острых ощущений ценой собственной или чужой жизни	0,15	-0,88**	0,79*
3. Фактор охраны собственной жизни и жизни близких, имущества и национальных интересов ценой чужой жизни	-0,91**	0,73*	0,15
4. Фактор ценности человеческой жизни, но допустимости смертной казни за отдельные преступления	-0,22	0,25	-0,04
5. Фактор самопожертвования ради защиты своей жизни и жизни близких, имущества	0,40*	0,20	-0,62**
6. Авитальный фактор — недостаточная ценность жизни, латентная суицидальность	-0,42**	-0,09	0,53*
7. Фактор допустимости эвтаназии	0,13	-0,07	-0,06

*Выраженная положительная.

**Выраженная отрицательная.

Рассчитано автором в пакете прикладных программ IBM SPSS STATISTICS 22.

Результаты и их обсуждение

По результатам кластерного анализа респонденты были разделены на три группы (табл. 4). В первом кластере оказались люди, не допускающие риска чужой жизнью ради охраны собственной жизни и жизни близких, имущества и национальных интересов, но приветствующие самопожертвование ради защиты своей жизни, жизни близких и имущества, для которых характерна высокая ценность человеческой жизни и непризнание самоубийства (т.н. «гуманисты», 33% в общем числе). Во вторую группу попали респонденты, не приемлющие риска собственной или чужой жизнью ради получения материальных выгод или острых ощущений, но допускающие риск чужой жизнью ради охраны собственной жизни и жизни близких, имущества и национальных интересов (т.н. «защитники», 35% в общем числе). К третьему кластеру были отнесены лица, допускающие риск собственной или чужой жизнью ради материальных выгод или получения острых

ощущений, но не приветствующие самопожертвование ради защиты своей жизни, жизни близких и имущества и характеризующиеся недостаточной ценностью жизни, латентной суицидальностью (т.н. «материалисты с низкой ценностью жизни и здоровья», 32% в общем числе).

Таблица 4.

Table 4.

Характеристики и наполнение кластеров населения
по отношению к ценности человеческой жизни

Characteristics and content of population clusters in relation to the value of human life

Номер кластера	Наиболее выраженные факторные характеристики	Название	Наполнение кластера	
			Абс.	%
1	Недопустимость риска чужой жизнью ради охраны собственной жизни и жизни близких, имущества и национальных интересов Допустимость самопожертвования ради защиты своей жизни и жизни близких, имущества. Высокая ценность жизни, недопустимость самоубийства	«Гуманисты»	450	33,0
2	Недопустимость риска собственной или чужой жизнью ради получения материальных выгод или острых ощущений. Допустимость риска чужой жизнью ради охраны собственной жизни и жизни близких, имущества и национальных интересов	«Защитники»	474	34,8
3	Допустимость риска собственной или чужой жизнью ради материальных выгод или получения острых ощущений. Недопустимость самопожертвования ради защиты своей жизни и жизни близких, имущества. Недостаточная ценность жизни, латентная суицидальность	«Материалисты с низкой ценностью жизни»	440	32,3

Составлено автором по данным расчетов в пакете прикладных программ IBM SPSS STATISTICS 22.

Среди представителей «гуманистов» по сравнению с другими кластерами больше мужчин старше пенсионного возраста (31%) и женщин в возрасте от 30 до 54 лет (47%), жителей г. Вологды (33%) и сельской местности районов области (33%; табл. 5). В составе второго кластера — «защитников» чаще встречаются мужчины в возрасте от 30 до 59 лет (64%) и женщин старше пенсионного возраста (50%), а также преобладают жители г. Череповца (43%). В числе представителей третьего кластера — «материалистов с низкой ценностью жизни» по сравнению с другими оказалось больше молодых мужчин и женщин до 30 лет (19 и 15% со-

ответственно), а также жителей г. Вологды (35%) и городской местности районов (27%). Различий кластеров по уровню образования не обнаружено.

Таблица 5.

Table 5.

Социально-демографические характеристики кластеров населения по отношению к ценности человеческой жизни, %

Socio-demographic characteristics of population clusters in relation to the value of human life, %

Социально-демографические характеристики		Кластер 1. «Гуманисты»	Кластер 2. «Защитники»	Кластер 3. «Материалисты с низкой ценностью жизни и здоровья»	
Половозрастная группа	Мужчины	от 18 до 29 лет	16,7	13,4	19,2
		от 30 до пенсионного возраста (59 лет)	52,5	64,2	61,2
		от пенсионного возраста и старше (60+ лет)	30,9	22,5	19,6
	Женщины	от 18 до 29 лет	13,4	10,5	14,5
		от 30 до пенсионного возраста (54 лет)	47,2	39,7	40,3
		от пенсионного возраста и старше (55+ лет)	39,4	49,8	45,2
Территория проживания	г. Вологда	32,7	11,2	35,2	
	г. Череповец	17,1	43,0	19,1	
	городская местность районов	16,9	13,5	26,6	
	сельская местность районов	33,3	32,3	19,1	
Образование	неполное среднее, среднее	7,1	7,5	5,9	
	среднее специальное,	59,9	61,4	62,6	
	техническое высшее, послевузовское	33,0	31,1	31,4	

Источник: расчеты автора.

Интересным представляется изучение различий выделенных кластеров в здоровьесберегательном поведении, в частности в распространенности тех или иных практик заботы о здоровье. Так, представители кластера «гуманистов» чаще по сравнению с другими практикуют большинство предложенных для ответа мер заботы о здоровье, особенно такие, как посещение бани, сауны (51%), забота о качестве питьевой воды (47%), оптимальное сочетание трудовых

нагрузок и отдыха (35%), организация своего свободного времени с пользой для здоровья, саморазвития, самореализации (25%; табл. 6). Среди респондентов из кластера «защитников» по сравнению с другими группами оказалось больше тех, кто не предпринимает никаких мер по сохранению и укреплению собственного здоровья (26%). Однако они, как и «гуманисты», в целях здоровьесбережения в большей степени по сравнению с представителями третьего кластера склонны соблюдать умеренность в употреблении алкоголя (31%). Респонденты из третьего кластера чаще других поддерживают режим и рацион (27%), активно занимаются физкультурой и спортом (18%).

Таблица 6.

Table 6.

Практики заботы о здоровье в разрезе кластеров населения
по отношению к ценности человеческой жизни, %

Health care practices in the context of population clusters
in relation to the value of human life, %

Практики*	Кластер 1. «Гумани- сты»	Кластер 2. «Защит- ники»	Кластер 3. «Материалисты с низкой цен- ностью жизни и здоровья»
Активно занимаюсь физической культурой, закаливанием организма	16,4	13,5	18,0
Использую бытовые приборы для очистки питьевой воды, покупаю бутилированную воду, пользуюсь водой из специальных источников (родников, колодцев)	47,3	20,9	40,5
Соблюдаю режим питания, стараюсь, чтобы рацион был сбалансированным	24,9	14,8	27,0
Не курю	45,8	48,3	46,8
Обращаюсь к врачу при первых признаках болезни, регулярно прохожу медосмотр	33,3	35,7	36,1
По возможности прохожу курс лечения в санатории, на курорте и т.п.	12,7	8,9	13,4
Посещаю баню, сауну	50,9	29,5	35,2
Соблюдаю умеренность в потреблении алкоголя	33,1	31,2	20,9
Стараюсь больше ходить пешком, совершаю прогулки в местах отдыха	25,1	24,5	22,3
Стараюсь контролировать свое психическое состояние	21,1	16,7	18,9
Стараюсь оптимально сочетать трудовые нагрузки и отдых	34,7	18,1	18,4

Практики*	Кластер 1. «Гумани- сты»	Кластер 2. «Защит- ники»	Кластер 3. «Материалисты с низкой цен- ностью жизни и здоровья»
Стараюсь организовать свое свободное время с пользой для здоровья, саморазвития, самореализации	24,7	13,1	17,5
Ничего специально не предпринимаю	21,8	26,2	18,0

*Ответы на вопрос «Что Вы лично предпринимаете для сохранения и укрепления своего здоровья?». Сумма ответов не равна 100%, так как при ответе предлагался выбор всех подходящих вариантов. Источник: расчеты автора.

Кроме того, интересны различия кластеров по здоровьесберегательным мотивам. Представители первого кластера при заботе о здоровье чаще руководствуются стремлением хорошо выглядеть и нравиться (29%), желанием иметь здоровых детей (19%) и ухудшением состояния здоровья (16%; табл. 7). Во втором кластере, как и в первом, шире распространены мотивы поддержания привлекательного внешнего вида (29%) и факта плохого здоровья (17%), но сильнее по сравнению с другими выражены мотивы потребности в хорошем самочувствии (52%), нежелания доставлять хлопоты близким (46%) и сталкиваться с медициной (32%), страха болезни (27%). Респонденты из третьего кластера в большей степени склонны заботиться о здоровье с целями повышения (сохранения) работоспособности (31%) и иметь здоровое потомство (20%), что может косвенно говорить о преобладании у них инструментальной ценности здоровья.

Таблица 7.

Table 7.

Мотивы заботы о здоровье в разрезе кластеров населения по отношению к ценности человеческой жизни, %

Motives of health care in the context of population clusters in relation to the value of human life, %

Мотивы*	Кластер 1. «Гумани- сты»	Кластер 2. «Защит- ники»	Кластер 3. «Материалисты с низкой цен- ностью жизни и здоровья»
Желание иметь здоровых детей	18,7	11,0	19,8
Желание повысить (сохранить) работоспособность	28,0	23,2	31,4
Нежелание доставлять хлопоты, быть обузой близким	41,6	46,0	31,8
Нежелание сталкиваться с медициной	27,6	31,6	24,5
Потребность в хорошем самочувствии	47,3	51,5	33,4

Мотивы*	Кластер 1. «Гумани- сты»	Кластер 2. «Защит- ники»	Кластер 3. «Материалисты с низкой цен- ностью жизни и здоровья»
Страх заболеть	23,8	27,2	19,8
Стремление быть примером для своих детей, близких	20,4	17,1	18,9
Стремление достичь значимых целей в жизни (в работе, учебе)	10,9	12,2	11,4
Стремление к долголетию	16,7	19,8	17,3
Стремление хорошо выглядеть, нравиться	29,1	28,7	21,1
Ухудшение здоровья, болезнь	16,0	16,5	5,0
Не забочусь о своем здоровье	14,7	16,0	17,7

*Ответы на вопрос «Что побуждает Вас заботиться о своем здоровье?».

Сумма ответов не равна 100%, т.к. при ответе предлагался выбор всех подходящих вариантов.

Источник: расчеты автора.

В установках на желаемую и ожидаемую продолжительность жизни респондентов из разных кластеров не обнаружено существенных различий, однако в оценке факторов, препятствующих продолжительной жизни, такие расхождения наблюдаются. Представители «гуманистов» чаще заявляли об отсутствии каких-либо барьеров на пути реализации желаемой длительности жизни (32%; табл. 8). Респонденты из числа «защитников» к барьерам долголетия чаще причисляли потенциальные несчастные случаи (19%), потерю источника (18%) и одинокое проживание (14%) в старости, а также переживания от потери родных и близких (14%). В то время как для представителей третьего кластера в большей степени было свойственно называть в числе барьеров свой образ жизни (20%) и неудовлетворительное финансовое положение (20%).

Таблица 8.

Table 8.

Барьеры долголетия в разрезе кластеров населения
по отношению к ценности человеческой жизни, %

Barriers to longevity in the context of population clusters
in relation to the value of human life, %

Барьеры*	Кластер 1. «Гумани- сты»	Кластер 2. «Защит- ники»	Кластер 3. «Материалисты с низкой цен- ностью жизни и здоровья»
Состояние здоровья	34,0	32,5	33,4
Неудовлетворительное финансовое положение	17,6	13,7	19,8
Образ жизни	13,6	9,5	19,8

Барьеры*	Кластер 1. «Гумани- сты»	Кластер 2. «Защит- ники»	Кластер 3. «Материалисты с низкой цен- ностью жизни и здоровья»
Неблагоприятные экологические условия	24,4	25,9	24,1
Плохая наследственность	9,8	7,6	10,7
Неудовлетворительная медицинская помощь	20,2	17,9	18,0
Потеря источника дохода в старости	7,8	14,1	10,7
Большая занятость, отсутствие времени для заботы о здоровье	6,0	4,6	4,8
Потеря интереса к жизни	11,3	8,6	9,5
Одинокое проживание в старости	7,1	18,4	8,9
Переживания от потери родных и близких	7,1	14,1	9,8
Несчастный случай, ДТП и прочее	17,1	19,0	10,2
Ничего не помешает	31,6	24,1	24,3

*Ответы на вопрос «Что может помешать прожить Вам столько лет, сколько Вы хотите?».

Сумма ответов не равна 100%, так как при ответе предлагался выбор всех подходящих вариантов.

Источник: расчеты автора.

Заключение

Таким образом, проведенное исследование позволило с помощью методов многомерного статистического анализа выявить три категории населения по отношению к ценности человеческой жизни: «гуманисты», «защитники» и «материалисты с низкой ценностью жизни и здоровья». Первые не допускают риска чужой жизнью ради охраны собственной жизни и жизни близких, имущества и национальных интересов, но приветствуют самопожертвование ради защиты своей жизни, жизни близких и имущества, а также демонстрируют высокую ценность человеческой жизни и не признают самоубийства. Представители кластера «защитников» — против риска собственной или чужой жизнью ради получения материальных выгод или острых ощущений, но допускают риск чужой жизнью ради охраны собственной жизни и жизни близких, имущества и национальных интересов. Население, отнесенное к группе «материалистов с низкой ценностью здоровья», одобряет риск собственной или чужой жизнью ради материальных выгод или получения острых ощущений, но не приветствует самопожертвование ради защиты своей жизни, жизни близких и имущества, проявляет недостаточную ценность жизни и признаки латентной суицидальности (одобрение добровольного ухода из жизни). Выявлены некоторые социально-демографические различия между кластерами: так, среди «гуманистов» по сравнению с другими кластерами больше мужчин старше пенсионного возраста, женщин от 30 до 54 лет, жителей г. Вологды и сельской местности районов области, среди «защитников» — мужчин от 30 до 59 лет, женщин старше пенсионного возраста, жителей

г. Череповца, а среди «материалистов» — молодых мужчин и женщин до 30 лет, жителей г. Вологды и городской местности районов.

Кроме того, обнаружены различия в здоровьесберегательном поведении среди представителей разных типов. Наиболее благоприятные параметры здоровьесбережения характерны для «гуманистов»: среди них в большей степени распространены меры заботы о здоровье, особенно посещение бани, сауны, контроль качества питьевой воды, оптимальное сочетание трудовых нагрузок и отдыха, организация своего свободного времени с пользой для здоровья, саморазвития, самореализации; при заботе о здоровье они чаще руководствуются стремлением хорошо выглядеть и нравиться, желанием иметь здоровых детей или фактом ухудшения состояния здоровья и чаще не видят барьеров для достижения желаемой продолжительности жизни. «Защитникам» больше свойственна проблема попустительского отношения к собственному здоровью, среди здоровьесберегательных мотивов преобладают негативные (нежелание доставлять хлопоты близким и сталкиваться с медициной, страх болезни), а среди барьеров долголетия — потенциальные несчастные случаи, потеря источника дохода и одинокое проживание в старости, переживания от потери родных и близких. «Материалисты с низкой ценностью жизни и здоровья», с одной стороны, чаще других поддерживают режим и рацион, активно занимаются физкультурой и спортом, но, с другой стороны, при заботе о здоровье больше руководствуются прагматичными мотивами (повышения или сохранения работоспособности, желания иметь здоровое потомство), а барьерами долголетия для них чаще выступает собственный образ жизни и неблагоприятное финансовое положение. Отношение к ценности человеческой жизни, наблюдаемое у представителей данной категории населения, позволяет отнести их к поведенческой группе риска, поскольку повышает вероятность наступления несчастных случаев, травм, проблем со здоровьем и, как следствие, преждевременной смертности.

Полученные результаты дают представление о типах населения по отношению к ценности жизни, об их социально-демографических и здоровьесберегательных характеристиках, что может послужить основой для разработки профильных мер профилактики поведенческих факторов риска здоровья. Дальнейший мониторинг выявленных категорий населения позволит отслеживать изменения в их здоровьесберегательном поведении — установках и практиках, что особенно важно в условиях нестабильности и внешних потрясений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Барг А. О., Лебедева-Несевря Н. А. Риск-коммуникация как механизм формирования адекватной оценки рисков для здоровья населения // *Здоровье населения и среда обитания*. 2014. № 12. С. 9–11.

Глобальные факторы риска для здоровья. Смертность и бремя болезней, обусловленные некоторыми основными факторами риска // *Всемирная организация здравоохранения*, 2015. 70 с.

Журавлева И. В. *Отношение к здоровью индивида и общества*. М. : Наука, 2006. 238 с.

Мозговая А. В. Измерение риска в социологии: методология, методы, результаты // Риск: исследования и социальная практика. М. : Институт социологии РАН, 2011. С. 40–58.

Мозговая А. В., Шлыкова Е. В. «Социальная приемлемость риска» как социологическая категория // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2010. № 31. С. 30–45.

Мозговая А. В., Шлыкова Е. В. Отношение к ценности жизни как фактор восприятия населением террористической угрозы // Научный результат. Социология и управление. 2020. Т. 6, № 2. С. 101–116. DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-2-0-7

Нацун Л. Н., Разварина И. Н., Смолева Е. О. Рискованное деструктивное поведение подростков и условия его формирования // Проблемы развития территории. 2017. № 1 (87). С. 114–129.

Новоселова Е. Н. Здоровье как ценность и результат деятельности: проблемы и противоречия // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2021. Т. 27, № 3. С. 81–104. DOI: <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2021-27-3-81-104>

Омельченко Д. А., Максимова С. Г., Ноянзина О. Е. Восприятие социальной безопасности населением регионов Азиатского приграничья России (на примере Алтайского края) // Society and Security Insights. 2020. Т. 3, № 1. С. 13–36. DOI: 10.14258/ssi(2020)1-01

Рахимкулова А. С. Последствия рискованного поведения для физического и психического здоровья подростков // Девиантология. 2020. Т. 4, № 1. С. 3–15. DOI: 10.32878/devi.20-4-01(6)-3-15

Фарахутдинов Ш. Ф., Бушуев А. С. Обработка и анализ данных социологических исследований в пакете SPSS 17.0: курс лекций. Тюмень : ТюмГНГУ, 2011. 220 с.

REFERENCES

Barg, A. O., Lebedeva-Nesevrya, N. A. (2014). Risk-communication as an effective way of producing the cumulative acceptability of human health risks. *Public Health and Life Environment*, 12, 9–11. (In Russ).

Global health risks: mortality and burden of disease attributable to selected major risks (2015). *World Health Organization*. (In Russ).

Zhuravleva, I. V. (2006). *Attitude to the health of the individual and society*. Moscow: Nauka. (In Russ).

Mozgovaya, A. V. (2011). Risk measurement in sociology: methodology, methods, results. In A.V. Mozgovaya (Eds.). *Risk: research and social practice* (pp. 40–58). Moscow: Institut sociologii RAN. (In Russ).

Mozgovaya, A. V., Shlykova, E. V. (2010). “Social Acceptability of Risk” as a Sociological Concept. *Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling*, 31, 30–45. (In Russ).

Mozgovaya, A. V., Shlykova, E. V. (2020). “View to the value of life as a factor of population’s perception of the terrorist threat”. Research Result. *Sociology and management*, 6(2), 101–116. (In Russ). doi: 10.18413/2408-9338-2020-6-2-0-7

Natsun, L. N., Razvarina, I. N., & Smoleva, E. O. (2017). Risky Destructive Behavior of Adolescents and Conditions of its Shaping. *Problems of Territory's Development*, 1(87), 114–129. (In Russ).

Novoselova, E. N. (2021). Health as a value and a result of activity: problems and contradictions. *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*, 27(3), 81–104. (In Russ).doi: <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2021-27-3-81-104>

Omelchenko, D. A., Maximova, S. G., & Noyanzina, O. E. (2020). Perception of social security in regions of the Russian-Asian borderland (on the example of the Altai region). *Society and Security Insights*, 3(1), 13–36. (In Russ).doi: [https://doi.org/10.14258/ssi\(2020\)1-01](https://doi.org/10.14258/ssi(2020)1-01)

Rakhimkulova, A. S. (2020). Consequences of risky behavior for the physical and mental health of adolescents. *Deviant Behavior (Russia)*, 4(1), 3–15. (In Russ). DOI: 10.32878/devi.20-4-01(6)-3-15

Farakhutdinov, Sh. F., Bushuev, A. S. (2011). *Processing and analysis of sociological research data in the SPSS 17.0 package. Course of lectures*. Tyumen: TyumGNGU. (In Russ).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Александра Владимировна Короленко — научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук» (ФГБУН ВолНЦ РАН), г. Вологда, Россия.

Aleksandra V. Korolenko — researcher of the department for the studies of lifestyles and standards of living, Federal State Budgetary Institution of Sciences “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences” (VolRC RAS), Vologda, Russia.

Статья поступила в редакцию 01.06.2023;
одобрена после рецензирования 08.06.2023;
принята к публикации 08.06.2023.

The article was submitted 01.06.2023;
approved after reviewing 08.06.2023;
accepted for publication 08.06.2023.

СОЦИАЛЬНЫЕ, КУЛЬТУРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И БЕЗОПАСНОСТЬ

SOCIAL, CULTURAL RESEARCHES AND SECURITY

Научная статья / Research Article

УДК 811.1

DOI: 10.14258/SSI(2023)2-09

Моделирование этнокультурной дипломатии: изоморфизм акторов и уровневая корреляция направлений деятельности

Сайфулла Нурмухамедович Абдуллаев¹

Гюзаль Сайфуллаевна Абдуллаева²

---

¹Иссык-Кульский государственный университет им. К. Тыныстанова, Каракол, Кыргызстан, abdullaev.sayfullah@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8296-2806>

²Кыргызско-Турецкий университет «Манас», Бишкек, Кыргызстан, sayfylla-ab@rambler.ru

Аннотация. Настоящая статья является результатом описания и осмысления этнокультурных процессов в Кыргызстане. Субъекты этносферы представляют новые грани своей деятельности в контексте современных процессов в СНГ. Целью статьи является интерпретация этнокультурных процессов в качестве ресурса евразийской интеграции. Этнокультурализм содержит в себе большой интеграционный потенциал. В статье описываются интеграционные процессы на примере этнокультурных сообществ Кыргызстана. Они являются членами массовой этнокультурной организации — Ассамблеи народа Кыргызстана. Аналоги такой массовой организации есть во многих странах и регионах на евразийском пространстве. Авторы применяют термин «когезия» для обозначения интеграционных процессов в Кыргызстане и на пространстве Евразии. Для научного изучения многоаспектной деятельности этнокультурных общественных объединений используется метод моделирования. Модель этнокультурных акторов евразийской интеграции име-

ет четыре аспекта. Особенно актуальным является комбинаторный аспект модели. Этот аспект изучает процессы когезии и границы культур на пространстве Евразии. В статье использованы методы моделирования, синхронного описания и приемы сравнения. В ходе исследования обнаружилась тенденция распространения специфики функционирования этнокультурных общественных объединений на пространстве Евразии. Авторы выделяют формальный и содержательный изоморфизм описываемых субъектов. Этнокультурные ресурсы евразийской интеграции являются примером публичной дипломатии. Публичная дипломатия актуальна в настоящее время. Результаты проведенного исследования придают новый импульс деятельности Ассамблеи народов Кыргызстана и других народных ассамблей на пространстве Евразии.

Ключевые слова: этнокультурный, интеграция, когезия, модель, евразийский, изоморфизм, корреляция

Для цитирования: Абдуллаев С.Н., Абдуллаева Г.С. Моделирование этнокультурной дипломатии: изоморфизм акторов и уровневая корреляция направлений деятельности // *Society and Security Insights*. 2023. Т. 6, № 2. С. 134–149. doi: 10.14258/ssi(2023)2-09.

Modeling of Ethno-Cultural Diplomacy: Isomorphism of Actors and Level Correlation of Activities

Sayfulla N. Abdullayev¹
Giuzal S. Abdullayeva²

---

¹Issyk-Kul State University named after K. Tynystanov, Karakol, Kyrgyzstan, abdullaev.sayfullah@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8296-2806>

²Kyrgyz-Turkish University "Manas", Bishkek, Kyrgyzstan, sayfylla-ab@rambler.ru

Abstract. This article is the result of the description and understanding of ethno-cultural processes in Kyrgyzstan. The subjects of the ethnosphere present new facets of their activities in the context of modern processes in Eurasia. The purpose of the article is to interpret ethno-cultural processes as a resource of Eurasian integration. Ethnoculturalism contains a great integration potential. The authors describe integration processes on the example of ethno-cultural communities of Kyrgyzstan. They are members of a mass ethno-cultural organization - the Assembly of the People of Kyrgyzstan. There are analogues of such a mass organization in many countries and regions in the Eurasian space. The authors use the term "cohesion" to denote integration processes in Kyrgyzstan and in the Eurasian space. For the scientific study of the multidimensional activity of ethno-cultural public associations, the authors use the modeling method. The model of ethno-cultural actors of Eurasian integration has four aspects. The combinatorial aspect of the model is particularly relevant. This aspect studies the processes of cohesion and the boundaries of cultures in Eurasia. The article uses the scientific method of modeling, synchronous description and comparison techniques. The study revealed a tendency to spread the specifics of the functioning of ethno-cultural public associations in the Eurasian space. The authors distinguish the formal and meaningful isomorphism of the described subjects. The ethno-cultural resources of Eurasian

integration are an example of public diplomacy. Public diplomacy is currently relevant. The results of the study give a new impetus to the activities of the Assembly of Peoples of Kyrgyzstan and other People's assemblies in Eurasia.

Keywords: ethnocultural, integration, cohesion, model, Eurasian, isomorphism, correlation

For citation. Abdullayev, S. N., Abdullayeva, G. S. (2023). Modeling of Ethno-Cultural Diplomacy: Isomorphism of Actors and Level Correlation of Activities. *Society and Security Insights*, 6(2), 134–149. (In Russ.). doi: 10.14258/ssi(2023)2-09.

Наша статья посвящена лишь одному этнокультурному аспекту процессов евразийской интеграции. Речь пойдет о преломлении под указанным углом зрения многообразных межэтнических отношений в полиэтнических субъектах современной Евразии.

Под межэтническими отношениями в данном случае подразумеваются разнообразные социокультурные отношения в социуме между различными этническими группами. В современную эпоху они стали более содержательными и активными, в силу чего возросла значимость исследований по вопросам межкультурного пограничья (Абдуллаева, 2020: 108).

Обращаясь к межкультурным отношениям, мы прежде всего будем основываться на признаке их институциональной оформленности или неоформленности. В первом случае объектом нашего внимания будут институционально оформленные отношения, акторами которых выступают юридически зарегистрированные национально-культурные сообщества. Во втором случае мы будем затрагивать отношения в широком смысле между представителями этнических групп.

Институционально оформленные отношения в современном Кыргызстане ассоциируются с массовой общественной организацией — Ассамблеей народа Кыргызстана (АНК) (Абдуллаев, Абдуллаева, 2020: 120–131). Члены АНК позиционируются как реальные представители того или иного этноса. Причем де-факто в рамках одной этнической группы может быть организовано несколько юридических лиц. Так обстоит дело, в частности, с кыргызстанскими татарами. В разных городах, Бишкеке или, например, Караколе, одновременно существует несколько татарских национально-культурных сообществ. Всемирный конгресс татар рекомендует юридически самостоятельным организациям выходить на аналогичную по статусу организацию «Туган тел» в Бишкеке, потому что она «входит в АНК». С такой позицией многие самостоятельные субъекты этносферы не согласны, поскольку по определению АНК объединяет весь народ Кыргызстана, и многие этнокультурные сообщества в регионах, с одной стороны, входят в местные отделения АНК, а с другой стороны, напрямую связаны со Всемирным конгрессом татар, миссия которого заключается в работе с татарами всего мира. Если смотреть на татарские этнокультурные сообщества глазами других этносов Кыргызстана, то многие отмечают такую особенность татарских организаций, как несменяемость их лидеров. В то же время, например, у сообщества уйгуров Кыргызстана «Иттипак» или республиканского дунганского этнокультурного

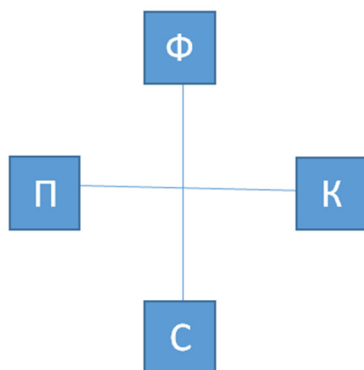
сообщества руководители переизбираются каждые четыре года. Это не может не сказаться на динамичности деятельности сообществ и внедрении инноваций.

3 мая 2019 г. в Бишкеке прошел IX Внеочередной курултай Ассамблеи народа Кыргызстана. Она, как известно, является пионером среди таких ассамблей на пространстве СНГ. В работе курултая приняли участие представители «народных парламентов» Российской Федерации, Республики Казахстан, Республики Узбекистан, Республики Таджикистан. Председатель Совета Ассамблеи народов России С. К. Смирнова в своем выступлении отметила значимость и релевантность деятельности данных ассоциаций в контексте интеграционных процессов на просторах СНГ и информировала о направлениях будущего сотрудничества, в частности, о II Евразийском молодежном форуме, проведение которого планировалось осенью 2019 г. на Иссык-Куле, но который состоялся в запланированное время в Бишкеке. Молодежные форумы детерминируют пространственно-временную парадигму культурно-интеграционных процессов. В локальном отношении на таких мероприятиях оказываются представленными различные регионы Евразийской общности, а в темпоральном плане интеграционные стратегии формируются еще и на перспективу, устремляясь по диагонали ввысь, так как молодежь — это будущее Евразии. Интересен опыт официально зарегистрированной в 2014 г. Молодежной Ассамблеи народов Татарстана, которая открыта для многонациональной молодежи республики и зарубежных стран, в частности студентов, и проводит большую работу. Примером этого может быть Международный молодежный форум «Евразия Global», который с успехом прошел с 12 по 18 августа 2019 г. в Оренбурге и объединил участников со всего мира.

Этнокультурный исследовательский центр «Ренессанс» при одноименном национально-культурном сообществе на протяжении многих лет занимается исследованием вопросов материальной и нематериальной культуры разных этносов. При изучении вопросов бытования этногрупп в Прииссыкулье исследователями здесь применяется метод моделирования межкультурной коммуникации (Абдуллаева, 2016; 2019).

В общественном дискурсе государств — партнеров СНГ и Евразии применительно к этнокультурным организациям часто употребляется термин «модель». Так, Ассамблея народа Кыргызстана именуется моделью единства и согласия. Казахской моделью межэтнического согласия называют процессы гражданской интеграции в этой стране. Ниже под моделью мы будем понимать семиотическое видение структурно-функциональной природы этнокультурных ассоциаций (ассамблей народа/народов) в качестве акторов публичной, или народной, дипломатии. В семиотической этнологии и публичной дипломатии модель этнокультурализма интерпретируется в качестве двусторонней знаковой сущности (Абдуллаева, 2016: 35). В подобном понимании модели в ее составе отражены типовые формальные и содержательные аспекты деятельности, например, Ассамблеи народа Кыргызстана. В настоящей работе мы расширяем свое понимание модели и вводим в ее состав еще два компонента: комбинаторный (компонент, отражающий вопросы взаимодействия и интеграции) и прагматический (акцио-

нальный). Таким образом, наше представление модели в качестве теоретического конструкта можно показать следующим образом:

Используемые символы означают:

Ф — формальная сторона модели, подразумевающая такие внешние атрибуты, как национальная одежда, архитектура, кухня и др.;

С — содержательная сторона модели (обычаи, менталитет, ценности и др.);

К — комбинаторная сторона модели, фокусирующаяся на взаимоотношениях и контактах между народами (например, смешанные браки, перевод художественных произведений, культурные форумы, праздники и мероприятия и др.);

П — прагматическая сторона модели (искусство, культура, образование и др.).

Содержательной стороной рассматриваемых социальных институтов выступают направления их многогранной деятельности. Например, направления деятельности Ассамблеи народов Евразии согласно утвержденному 27 мая 2017 г. Уставу составляют:

- 1) содействие внедрению новых форматов взаимодействия неправительственных организаций, институтов гражданского общества, государств и членов Ассамблеи с целью укрепления согласия и единства стран Евразии;
- 2) содействие обмену опытом и информацией между членами Ассамблеи;
- 3) создание на базе Ассамблеи коммуникационной площадки по вопросам развития евразийской интеграции для координации работы институтов гражданского общества, научных и образовательных организаций, бизнеса, органов власти всех уровней и членов Ассамблеи;
- 4) содействие формированию нового концептуального подхода к миротворческому единению народов Евразии путем сохранения незыблемых базовых духовных ценностей, общих для всего человечества;
- 5) поддержка общественных, государственных, миротворческих инициатив, мероприятий и действий, направленных на сохранение мира;
- 6) внедрение новых форматов взаимодействия Ассамблеи, других неправительственных организаций и стран Евразии;
- 7) взаимодействие с международными организациями и институтами гражданского общества зарубежных государств;

- 8) разработка и проведение программ, проектов и мероприятий (конференций, семинаров, конкурсов, фестивалей, деловых игр, просветительских, образовательных, культурных, спортивных и иных массовых мероприятий, связанных с уставной деятельностью Ассамблеи);
- 9) внесение предложений в адрес других неправительственных организаций, правительств по различным аспектам общественной жизни, участие в обсуждении проектов внесенных предложений и решений;
- 10) содействие проведению научных исследований и независимых экспертиз, распространению объективных сведений, точной и непредвзятой информации в сфере межнациональных и международных отношений;
- 11) оказание информационной, консультативной и методической помощи заинтересованным неправительственным организациям на территории государств Евразии по вопросам, соответствующим уставным целям Ассамблеи;
- 12) содействие сохранению евразийского материка во всем многообразии его природных, духовных, культурных, исторических достояний, направление усилий на создание безопасных и комфортных условий для жизни всех народов, населяющих Евразию;
- 13) разработка и распространение учебно-методических и информационных материалов в помощь членам Ассамблеи;
- 14) содействие ведению издательской, телерадиовещательной и других видов деятельности по связям с общественностью (Устав, 2019).

Обращение к содержательной стороне массовых общественных организаций по типу «народная ассамблея» обнаруживает коррелятивные связи между организациями разных стран. Конечно, в деталях здесь можно заметить разное наполнение, но основные векторы жизнедеятельности в странах совпадают.

Модель конкретной ассамблеи народа/народов мы называем многомерной. Мерой для нас выступают аспекты, факторы и инструменты, при помощи которых мы постигаем природу интересующего нас социально-культурного института. Их может быть очень много. Мы отдаем себе отчет, что жизнедеятельность человеческих сообществ в международном аспекте носит сложный и часто контаминированный характер. Например, национальная ономастика может быть отнесена и к формальной, и к содержательной сторонам модели. Даже тривиальные вопросы транслитерации имен собственных являются достаточно релевантными для оптимизации международных связей и отношений. Межкультурная рефлексия, в социокультурном плане восходящая непосредственно к дипломатическим истокам, наблюдается при процессах функционального переноса антропонимов из одной лингвокультурной традиции в другую в результате влияния собственно дипломатических событий. Так, например, после визита в Советский Союз известного политического деятеля в истории современной Индии Индиры Ганди в среднеазиатских республиках бывшего СССР многие девочки получили такое имя. Подобного рода «этимологическая» информация значима и с точки зрения народной педагогики.

Моделирование как научный метод позволяет нам увереннее держаться на плаву и не «утонуть» при обращении к затронутому сложному этнокультурно-

му объекту исследования, а также применять в дальнейшем в сфере управления и координации международных контактов и процессов публичной дипломатии приемы прогнозирования. Как отмечает Э. Н. Ожиганов, модель — это концептуальный инструмент, ориентированный в первую очередь на управление моделируемым процессом или явлением. При этом функция предсказания, прогнозирования служит целям управления (Ожиганов, 2009: 15).

Обращаясь к ряду организаций интересующего нас типа, мы применяли сопоставительный метод с целью идентификации моделиобразующих признаков и описания изоморфизма со стороны формально-содержательной организации ассоциаций, представляющих конкретные этнические группы. Такой метод, на наш взгляд, эффективен при верификации коррелирующих характеристик акторов этносферы Евразии. Например, со стороны структуры ассамблеи народа/народов: как субъекты международных отношений обнаруживают очевидный изоморфизм. Все они выступают как союзы, ассоциации и объединения неправительственных организаций этнокультурного характера, которые представляют народы тех или иных стран. Высшим органом являются съезд (Ассамблея народов России), сессия (Ассамблея народа Казахстана), курултай (Ассамблея народа Кыргызстана), общее собрание членов (Ассамблея народов Евразии). Иерархия органов управления по вертикали у рассматриваемых участников международных отношений (Совет — Президиум совета — Председатель — Ревизионная комиссия) демонстрирует изоморфизм, который обуславливает значительные возможности для установления дипломатических каналов для взаимодействия.

Таким образом, наше утверждение о значительных возможностях использования института «ассамблея народа/народов» в международных взаимосвязях базируется на изоморфизме структурно-функциональной организации данных этнополитических субъектов при их практическом функционировании. При обращении к теме «народных парламентов» ранее превалировал взгляд с позиций республиканского уровня по направлению к локальным вариантам на местах. Очевидно, является целесообразным анализ потенциала народных ассамблей в обратном направлении: от малых ассамблей к республиканскому, а в последнее время и по актуальному направлению к евразийскому уровню. Моделирование предполагает идентификацию наиболее обобщенных признаков инвариантной модели, которые затем должны учитываться при организации этнокультурной деятельности на всех уровнях. Это послужит еще большему сближению народов и стран и развитию новых форматов взаимодействия между ними.

Интеграционные процессы протекают не только на международном (межгосударственном) уровне, но и на локальном уровне. В качестве примера рассмотрим узбекско-уйгурский этнокультурный центр «Ренессанс», функционирующий в г. Каракол Иссык-Кульской области Кыргызстана и представляющий два этноса: узбекский и уйгурский. Как видно из самого названия общественного объединения, первая часть изменилась в количественном отношении — не одна этническая группа, а две. Вторая часть в количественном отношении не изменилась: остается один этнокультурный центр. Но это только внешнее впечатление.

На самом деле здесь протекают процессы, которые для нас представляют особый интерес. Во-первых, несомненным отличием от первого бинорма является то, что согласно прежней схеме (первый бинорм) поддерживался и развивался один национальный язык в качестве родного, а здесь позиционируются уже два языка. Во-вторых, в первом случае объектом поддержки и культивирования служила одна культура, в случае же с трансформацией модели в поле зрения попадают две культуры как отдельные системы мировосприятия.

Итак, налицо межэтническая лингвокультурная контаминация, напоминающая инструменты «мягкой силы» в сфере публичной дипломатии. Естественен вопрос: как в одном национально-культурном центре осуществляется такой процесс и целесообразно ли это в контексте идей сохранения этнической идентичности в современном сложном мире? Относительно целесообразности можно привести важный довод о естественной ненасильственной интеграции и сближении отдельных этносов в полиэтничном обществе в современную эпоху. Чем отличаются естественная интеграция и сближение этносов от насильственной ассимиляции? На наш взгляд, отличие нужно усматривать в том, что ядро этнической культуры и уникальность языковой системы неизменно сохраняются.

В течение десятилетий интегративные процессы привели к региональной контаминации двух этносов, которые прошли разный исторический путь, но во второй половине прошлого столетия сильно сблизились между собой в сфере культуры. Как следствие, увеличилось количество смешанных браков, активизировалось взаимодействие в сфере обычаев и традиций, усилились трансформации в языке.

В языковом плане в Прииссыккулье сформировался особый подговор, который отличается и от современного узбекского литературного, и от современного уйгурского литературного языков. В строе данного говора преобладают уйгурские элементы. Языковеды, обращаясь к диалектам тюркских языков, относят данный подговор к семиреченскому говору центрального диалекта уйгурского языка (Баскаков 1978; Садвакасов 1976). Как показывают наши наблюдения, в современных условиях на формирование аналогичных субговоров оказывают влияние такие факторы, как взаимодействие языков, с одной стороны, и язык межнационального общения, т.е. русский язык — с другой. Определенную роль играет сегодня и Интернет.

Следовательно, многие процессы этнокультурного характера в контексте межнациональных контактов, на первый взгляд, не поддаются непосредственному наблюдению. Для их изучения можно применять модель межкультурного взаимодействия. Такая модель содержит четыре стороны:

- внешне-формальную (особенности архитектуры, одежды, кухни);
- содержательную (обычаи, традиции, ценности);
- комбинаторную (совместные праздники, смешанные браки, торговля);
- прагматическую (положительное и отрицательное при межкультурном взаимодействии).

Прагматическая составляющая модели рассматривает значительные возможности этнокультурного разнообразия конкретных стран. Уникальность

и привлекательность народов — кладезь «мягкой силы» в публичной дипломатии СНГ (Кочергин, 2008: 14). В этой связи представляется логичным различать поле национальной культуры и сферу межкультурной коммуникации. В первом случае моделируются лингвокультуры как двусторонние единицы описания, а во втором — применяется вышеуказанная четырехсторонняя модель, предполагающая межнациональное взаимодействие.

Лингвокультуры отдельными авторами понимаются в качестве комплексных межуровневых единиц описания лингвокультурологического поля, представляющих собой «диалектическое единство лингвистического и экстралингвистического (понятийного и предметного) содержания» (Воробьев, 2019: 15–16). Лингвокультуры удобны для осмысления процессов дальнейшего развития межкультурной коммуникации, т.е. их исследования в динамическом аспекте.

Мы понимаем национальную культуру как систему лингвокультурем. Культуры являются отдельными элементами культуры. Они имеют знаковую природу и состоят из двух сторон. Это означающее (форма) и означаемое (содержание). Обычаи, песни, танцы являются примерами конкретных культурем. В качестве примера обратимся вновь к уйгурской национальной культуре.

Уйгурская культура, как и другие культуры, сегодня не может существовать изолированно. Она должна взаимодействовать с другими культурами. Мы считаем, что уйгурская культура будет жить и развиваться непосредственно в попытках перешагнуть через нынешние культурные границы. Важно, чтобы взаимодействие с близкими и родственными культурами происходило на периферии системы уйгурской культуры. Ядро системы должно сохраняться неизменным. К такому ядру мы относим ключевые ментальные концепты, религиозные обычаи и традиции. Это можно сравнить с языком. В языке грамматический строй является консервативным, а лексика меняется и взаимодействует с лексикой других языков.

Культуры как единицы культуры развиваются в результате их асимметрии. При асимметрии культуры происходит трансформация формы или содержания. Например, древний уйгурский танец «Сама» — это отдельная культура. Ее формой являются прыжки мужчин, которые движутся по кругу. Содержанием культуры ранее было заимствование энергии у неба (высших сил) перед решительными событиями (охотой, войной), а позднее содержанием стало выражение радости во время религиозных праздников. В настоящее время в условиях Кыргызстана содержание танца трансформировалось в идею единения этноса.

Родной язык играет особую роль при сохранении идентичности уйгуров. Он является не только средством общения, но и хранит в себе культурный опыт. Родной язык является инструментом мышления и культурного творчества. Язык живет при наличии четырех видов речевой деятельности. Это говорение, понимание, письмо и чтение. В настоящее время для уйгуров актуальной является проблема письма. Для развития уйгурского языка взаимодействие с родственными языками играет положительную роль. Важно, чтобы сохранялся специфический фонетический закон умлаута.

Примером культураны является аткан чай, представляющий материальную культуру. Вместе с тем при документировании этой культураны отмечаются смыслы, относящиеся к сфере нематериальной культуры уйгуров. Например, так сложилось, что аткан чай, корни которого восходят к кочевому и скотоводческому периоду бытования этноса, подается в финальной части процедуры приема гостей. Следовательно, он выступает в качестве определенного сигнала о том, что процедура подходит к своему концу.

В контексте настоящей работы для нас особенно интересным является комбинаторный аспект модели межкультурной коммуникации. Комбинаторный аспект многомерной модели анализа деятельности общественных организаций по типу «ассамблея народа/народов» по-особому релевантен для нашей работы, поскольку ориентирован на взаимодействие таких субъектов между собой в плане культурной дипломатии. Этот аспект является отдельной «мерой» и позволяет увидеть, как и что влияет на общественное мнение относительно той или иной страны или народа в результате деятельности той или иной народной ассамблеи.

Так, на примере первого съезда Ассамблеи народов Евразии примечательными для нас можно считать процессы культурной дипломатии. В чем они выразились? Культурная дипломатия форума была репрезентована сразу несколькими интересными событиями. В частности, имели место кинодемонстрации и встречи с режиссерами первого Международного кинофестиваля «Евразия: Территория кино», а также гала-концерт Евразийского фестиваля национальных культур «Мелодии единства». Несомненно, чувство доброты и взаимного интереса несли с собой выставки «Россия многонациональная» и «Евразия — континент мира и согласия», а также фотопроjekt «Дети. Цветы. Жизнь». Помимо этого, гости съезда стали участниками арт-акции «Мы за мир на всей планете», в рамках которой им было предложено оставить свой след краской на холстах. Получились своеобразные «народные» картины, которые являются консервацией образной народной дипломатии.

Конечно, за культурными акциями должна стоять осознанная дипломатическая концепция или идея. Нам кажется, что это хотел донести до участников форума известный поэт и общественный деятель Олжас Сулейменов: «Первый съезд Ассамблеи народов Евразии — это важный политический шаг. Все мы наследники той великой державы, которая 20 лет назад как-то странно распалась. Большинство, я думаю, ностальгирует по тому хорошему, что с ней связано. Оно до сих пор отзывается в душе. Сегодня меня и всех нас по-прежнему волнует музыка гимна, ныне российского, а в прошлом — Советского Союза. Прошлое было и добрым, и недобрым, и трагическим, но оно было героическим. Раньше целью любого национально-освободительного движения была только независимость. Что она принесла Африке, некоторым странам Азии и Европы? Межнациональную рознь, голод, гуманитарную катастрофу. Независимость не должна быть конечной целью. Гораздо конструктивнее — осознанная форма зависимости, какой является взаимозависимость. Каждый народ — как орган или клетка человеческого организма. Может ли орган человека быть независимым от другого? Или член семьи

от семьи? В семье все взаимозависимы, как и в государстве. То же можно сказать и о континенте, и о мире в целом. Чем сближать людей стран Европы и Азии? Какие-то инструменты нужны — не просто наши речи с трибуны. Для начала — осознанием взаимозависимости, которая послужит тем инструментом мира и сближения, которым мы хотим располагать» (Публичная дипломатия, 2007).

В широком смысле (не обязательно институционально оформленные) отношения между культурами Кыргызстана можно толковать в контексте противопоставления «интеграция — изоляция». Интеграционные процессы можно назвать социальной когезией, условием возникновения ситуации культурного пограничья. В условиях Иссык-Кульской области Кыргызстана допустимо говорить о двух видах средств социальной когезии: бинарных и общих. Примером бинарных отношений могут послужить объединения татар и башкир, уйгуров и узбеков. Примером отношений общего типа можно назвать совместные праздники, смешанные браки, общие проблемы (ковид, охрана окружающей среды), общие культурные ценности и др.

Для нас интересны интеграционные процессы в сфере культурного пограничья. Особенно когда появляются новые культуры, свидетельствующие о поступательном развитии социума.

Приведем пример возникновения межкультурной этнолингвокультуры в ситуации культурного пограничья. В период становления города Каракол в Иссык-Кульской области нынешнего Кыргызстана сюда прибыли переселенцы из Поволжья — татары и Восточного Туркестана — дунгане. Вместе с русскими, киргизами, уйгурами они строили новый город. Татары и дунгане жили в нижней части города. У них существовал обычай на ужин заносить соседу одну порцию приготовленного на сегодня блюда. Однажды соседи-татары через детей передали соседям-дунганам бульон с лапшой (*аш*). А соседи в тот день приготовили блюдо из крахмала и вытянутого теста. Это блюдо является характерным для дунганской и китайской кухонь (*лэңфуң*). Чтобы хватило всем членам семьи, соседи решили смешать два блюда, щедро добавив при этом домашнего уксуса (*аччиксу*). Получилось новое блюдо — *ашлянфу*, которое стало сегодня брендом города Каракол. Внутренняя форма этого брендового блюда является своеобразной иллюстрацией интегративных межкультурных процессов. Сегодня эти процессы продолжают в названном городе. Если подходить к этому нелинейно, то видно, что открываются могучие ресурсы «мягкой силы» и публичной дипломатии, ведущие к тому состоянию в обществе, которое по-простому называется «единство», или «биримдик».

По своему опыту мы знаем, как прекрасно, когда представитель узбекско-уйгурского сообщества читает на родном языке Пушкина или исполняет на сармердене отрывок из киргизского эпоса «Манас». Разве не удивительно, когда на каракольском Сабантуе в Кыргызстане уйгур поет на татарском языке в сопровождении узбекского ансамбля «Ялла», и при этом танцуют девочки разных национальностей. Или когда после исполнения татарской песни уйгур получает в знак признания авторский диск из рук заслуженного артиста Татарстана Айдара

Габдинова. Такие примеры культурной дипломатии можно продолжить и далее. Все они приводят к состоянию поликультурализма и естественного многоязычия.

Этнокомпетенция выгодно отличает многоязычных молодых людей в плане социальной и межкультурной коммуникации. Многоязычная личность не видит нерешаемую проблему. Она видит варианты и возможности, поскольку за ней стоят несколько языковых картин мира. К этому, очевидно, помимо прочего надо стремиться сегодня в школе.

Основная суть современного многоязычного образования, к которому приобщается АНК, заключается в том, чтобы дать возможность получить образование на родном языке как целевом языке и одновременно овладеть государственным, официальным и иностранным языками. В Кыргызстане принята специальная программа, нацеленная на многоязычное образование. В 2016 г. было издано Постановление правительства Кыргызской Республики «О внедрении многоязычного образования на 2017–2030 годы». Следовательно, когда мы говорим о необходимости поддерживать и изучать родной язык в своем этнокультурном сообществе, мы должны отталкиваться от реалий сегодняшнего дня, т.е. думать в контексте поликультурного и многоязычного образования. Другими словами, мы должны стараться не в одной, а во многих школах включать родной язык в качестве целевого в интегрированное обучение, скажем, предметом филологического цикла. И здесь главное — показать, как мыслят и воспринимают мир те или иные этносы, отражая это в своем родном языке. Неизбежно данный процесс будет протекать в сопоставлении с государственным, русским, английским языками. При этом надо всегда иметь в виду, что важно избегать механического калькирования и дословного перевода, так как это может приводить к курьезным и даже анекдотическим ситуациям.

Разумеется, задача поддержки родного языка в условиях текущего столетия не так проста. Здесь важны и учет прагматического аспекта, и возможности современных гаджетов, и динамичность в выборе профессий. Большие возможности скрыты в режиме онлайн-школ материнского языка. Это мы видим, в частности, на примере уйгурских школ в Европе и других районах мира. Значимым представляется учет особенностей мышления современных детей: оно не такое, как 30 лет назад. Учитель становится больше тьютором, которому важно помогать «всем миром». Про семью говорить не приходится, ее роль понятна всем. Семья, помимо прочего, превращается в активного проводника публичной дипломатии через посредство линейных звеньев малых ассамблей в системе АНК.

Вопросы трактовки межнациональных отношений в качестве ресурса для воспитательных стратегий в образовании возникают при обращении к проблематике социальной когезии. Это происходит потому, что ориентиром здесь служит предотвращение таких негативных проявлений в обществе и образовании, как межнациональная рознь и противопоставление языков и культур (Кочергин, 2008: 304). Почти все институционально оформленные субъекты этносферы Кыргызстана видят такую профилактическую работу как одну из главных уставных

целей. В связи с этим хотелось бы остановиться еще на одном моменте. На первых этапах учреждения и работы этнокультурных общественных объединений во главу угла ставились задачи сохранения и развития родных языков и культур. Затем постепенно в контексте взаимодействия с другими акторами этносферы стала оттачиваться стратегия культурной, или публичной, дипломатии. Например, в городе Каракол, который в 2022 г. был культурной столицей СНГ, а затем передал эстафету Санкт-Петербургу, во всех мероприятиях этнокультурного характера (русская Масленица, татарский Сабантуй, уйгурский Машрап и др.) обязательно принимают участие все этносы города. В их лице определенное участие принимают и представители стран компактного расселения того или иного этноса (РФ, Татарстан, Узбекистан и т.д.).

Одним из примеров внимания к процессам культурной дипломатии, или феномену «мягкой силы», на пространстве СНГ является фонд «Русский мир», который был учрежден специальным указом Президента Российской Федерации 21 июня 2007 г. и который к сегодняшнему дню открыл около 100 русских центров более чем в 40 странах, а также плодотворно работающее в разных странах, в частности в Кыргызской Республике, Федеральное агентство «Россотрудничество». В тесном контакте именно с ними реализуется потенциал таких звеньев Ассамблеи народа Кыргызстана, как этнокультурные центры российских соотечественников. Обычно при этом усматривают лишь один вектор публичной дипломатии, а именно создание позитивного образа русского языка и культуры в Кыргызстане. Но на наш взгляд — и использование многомерной модели анализа деятельности народных ассамблей это подтверждает — публичная дипломатия имеет разворот и в обратном направлении. Это выражается в демонстрации этнокультурного разнообразия, необходимости осознания единства в разнообразии, т.е. взаимодействия народов и стран в международном и глобальном формате. Примеры такой деятельности можно наблюдать не только в сфере культуры, но и в области научно-исследовательской деятельности. Автор настоящей работы принимала непосредственное участие в одном из таких мероприятий. Речь идет о взаимодействии в плане развития языков на пространстве СНГ.

Вопросы исследования языковой ситуации в СНГ обсудили в Минске. Дискуссия состоялась в рамках Международного конгресса «Языковая политика стран Содружества Независимых Государств», прошедшего со 2 по 4 ноября 2019 г. в филиале Российского государственного социального университета.

Мероприятие собрало вместе более 150 представителей научных, образовательных и общественных организаций, а также известных литераторов и представителей СМИ из всех 11 стран СНГ.

В формате «круглых столов», семинаров, мастер-классов и панельных дискуссий перед собравшимися выступили ведущие специалисты в сфере образования и лингвистики, в том числе ученые, литераторы, авторы учебников и учебно-методических пособий, представители научных, образовательных и общественных организаций из стран Содружества Независимых Государств.

В пленарном заседании конгресса приняли участие представители руководящих органов СНГ, дипломатического корпуса, Федерального агентства по делам СНГ, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество).

Заключение

Итак, вопросы евразийской интеграции возникают при обращении к проблематике социальной когезии. Сразу же отметим, что главной задачей, на верное, при этом служит вопрос сохранения этнокультурной идентичности конкретных этносов. В Иссыккульском регионе, к сожалению, имеется живой пример утраты такой идентичности: прииссыкульские калмыки сегодня практически утратили свой язык и культуру. Следовательно, вопросы сохранения ядра этнокультурной идентичности должны быть всегда в поле нашего зрения (Шэймэрданов, Хужиэхмэтов, 2007: 284). Применительно к языку ориентирами здесь, очевидно, все-таки призваны служить нормы современного литературного языка, который, тем не менее, должен постоянно развиваться и обогащаться. В этой связи можно подумать над проблемой реконструкции (возрождения) «комбинаторного» потенциала этнических культур. Метод моделирования позволяет экстраполировать модельные процессы на уровень Ассамблеи народов Евразии. Это обусловливается изоморфизмом формального устройства и содержания уставной деятельности многочисленных этнокультурных сообществ на пространстве СНГ и Евразии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Абдуллаев С. Н., Абдуллаева Г. С. Народные ассамблеи: моделирование устойчивого развития полиэтничного общества // Человек. Культура. Образование. 2020. № 1 (35). С. 120–131.

Абдуллаева Г. Модельно-правовые вопросы этнокультурализма. Саарбрюккен, 2016. 76 с.

Абдуллаева Г. С. Народные ассамблеи в СНГ: публично-дипломатический аспект деятельности // Вестник Дипломатической академии МИД КР им. К. Диканбаева. 2019. № 11. С. 143–153.

Абдуллаева Г. С. Семиотический подход к моделированию этнокультурализма // Вестник Международного университета Кыргызстана. 2020. №1 (40). С. 175–182.

Баскаков Н. А. Язык прииссыкульских уйгуров. Алма-Ата : Наука, 1978. 49 с.

Воробьев В. В. Лингвокультурология в новой парадигме гуманитарного знания XXI века: от теории к практике // Изучение и преподавание русского языка в разных лингвокультурных средах. М. : РУДН, 2019. С. 8–17.

Кочергин А. Н. Культура как система // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 1 (75). С. 109–116.

Ожиганов Э. Н. Моделирование и анализ политических процессов. М., 2009. 189 с.

Садвакасов Г.С. Язык уйгуров Ферганской долины : Очерк фонетики, тексты и словарь. Ч. 2. Алма-Ата : Наука, 1976. 278 с.

Публичная дипломатия. Теория и практика. М., 2007.

Устав Ассамблеи народов Евразии URL: http://eurasia-assembly.org/sites/default/files/ustav_assamblei_narodov_evrazii_0.pdf

Шэймәрданов Р.Х., Хужиэхмәтов Ә.Н. Татар милли педагогикасы. Казан: Мәгариф, 2007. 399 б.

REFERENCES

Abdullayev, S.N., Abdullayeva, G.S. (2020). People's assemblies: modeling the sustainable development of a multiethnic society. *Human. Culture. Education*. 1(35), 120–131. (In Russ.).

Abdullayeva, G. (2016). *Model-legal issues of ethnoculturalism*. Saarbrücken. (In Russ.).

Abdullayeva, G.S. (2019). People's assemblies in the CIS: public-diplomatic aspect of activity. *Bulletin of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Kyrgyz Republic named after K. Dikanbayev*, 11, 143–153. (In Russ.).

Abdullayeva, G.S. (2020). Semiotic approach to modeling of ethnoculturalism. *Bulletin of the International University of Kyrgyzstan*, 1(40), 175–182. (In Russ.).

Baskakov, N.A. (1978). *The language of the Issyk-Kul Uyghurs*. Alma-Ata : Nauka. (In Russ.).

Vorobyev, V.V. (2019). Linguoculturology in the new paradigm of humanitarian knowledge of the XXI century: from theory to practice. In: *Studying and teaching of the Russian language in different linguistic and cultural environments* (pp. 8-17). Moscow : RUDN. (In Russ.).

Kochergin, A.N. (2008). Culture as a system. *Bulletin of Tomsk State University*, 1(75), 109–116. (In Russ.).

Ozhiganov, E.N. (2009). *Modeling and analysis of political processes*. Moscow. (In Russ.).

Sadvakasov, G.S. (1976). *The Uighur language of the Fergana Valley: An essay on phonetics, texts and dictionary. Part 2*. Alma-Ata : Nauka. (In Russ.).

Public diplomacy. Theory and practice (2007). Moscow. (In Russ.).

Charter of the Assembly of Peoples of Eurasia. Access mode: http://eurasia-assembly.org/sites/default/files/ustav_assamblei_narodov_evrazii_0.pdf (In Russ.).

Shamerdanov, R.H., Khuzhiakhmatov, A.N. (2007). *Tatar milli pedagogics*. Kazan: Magarif. (In Tatar.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ/ INFORMATION ABOUT AUTHORS

Сайфулла Нурмухамедович Абдуллаев — д-р филол. наук, профессор, Иссык-Кульский государственный университет имени К. Тыныстанова, Каракол, Кыргызстан.

Saifulla N. Abdullaev — Dr. Sci. (Philology), Professor, Issyk-Kul State University named after K. Tynystanov, Karakol, Kyrgyz Republic.

Гюзаль Сайфуллаевна Абдуллаева — аспирант, Киргизско-Турецкий университет «Манас», Бишкек, Кыргызстан.

Guzal S. Abdullaeva — Postgraduate student, Kyrgyz-Turkish University “Manas”, Bishkek, Kyrgyz Republic.

Статья поступила в редакцию 05.05.2023;
одобрена после рецензирования 25.05.2023;
принята к публикации 25.05.2023.

The article was submitted 05.05.2023;
approved after reviewing 25.05.2023;
accepted for publication 25.05.2023.

Научная статья / Research Article

УДК 316.73:316.37

DOI: 10.14258/SSI(2023)2-10

Развитие творческого потенциала личности в условиях цифровизации и цифровой социальной среды

Виктория Алексеевна Шелгинская

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации — Уральский институт управления,
Екатеринбург, Россия,
victoria.shelg@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-5075-5984>

Аннотация. Высокая значимость массовой культуры и активная цифровизация всех сфер жизни в совокупности с социальными ограничениями во время пандемии обуславливают изменения в восприятии обществом культурных и социальных ценностей. Это значительно влияет на самую психологически гибкую социальную группу, молодежь, которая в равной степени открыта любым инновациям и зависима от социально-психологического и культурного окружения. В статье поднимается проблема становления творческой личности, развития ее творческого потенциала под влиянием сетевого социального окружения в период цифровизации социокультурной сферы. На основе системного подхода и выводов по итогам включенного наблюдения за поведением и развитием творчески настроенных пользователей социальных сетей были проанализированы социально-психологические особенности деятельности интернет-авторитетов как посредников между молодым человеком (пользователем сетевой площадки) и культурной средой, а также влияние тенденций современных онлайн-площадок на творческий потенциал личности. На основе проведенного анализа была представлена многоуровневая модель творческого становления личности в сети с учетом рисков и негативного воздействия со стороны интернет-социума. Модель включает стадии: пассивное наблюдение, повторение массового шаблона, креативная деятельность, творческое обособление от креативности, непосредственно творческий уровень развития. Из них наиболее опасными являются пассивно-аффективный и обособленно-творческий уровни, на которых влияние социума на развивающуюся творческую личность наиболее сильно и непредсказуемо. Результаты интересны для специалистов в области культурологии, социологии, социальной психологии, а также могут быть применены для разработки педагогической теории и практики в контексте цифровой трансформации образования.

Ключевые слова: молодежь; цифровизация; референтные группы; развитие личности; творчество; инфлюэнсер; социальные сети; медиакommunikации; креативная культура

Для цитирования: Шелгинская В. А. Развитие творческого потенциала личности в условиях цифровизации и цифровой социальной среды // Society and Security Insights. 2023. Т. 6, № 2. С. 150–164. doi: 10.14258/ssi(2023)2-10.

Development of the Youth Creative Potential in the Conditions of Digitalization and Digital Social Environment

Victoria A. Shelginskaia

Ural Institute of Management – a branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Yekaterinburg, Russia,
victoria.shelg@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-5075-5984>

Abstract. The high importance of mass creative culture and the active digitalization of all spheres of life, combined with social restrictions during the pandemic caused changes in society's perception of cultural and social values. These affect the most psychologically flexible social group, the youth, who are equally open to any innovation and dependent on the socio-psychological and cultural environment. The article raises the problem of formation of an artist-person under digitalization from the point of view of the development of creative potential. Based on a systematic approach and the results of participant observation of the behavior and development of creative users of social networks, the socio-psychological features of the activities of Internet authorities as intermediaries between a person and the cultural environment, as well as the influence of trends in modern online platforms on the creative potential of an individual, were analyzed. A multi-level model of the creative development of a person in the network is presented, taking into account the risks and negative impact from the Internet society. The model includes the stages: passive observation, repetition of the mass pattern, creative activity, separation the art from creativity, and the art level itself. The most dangerous are the passive-affective and detached-creative levels, at which the influence of society on the developing creative personality is strongest and most unpredictable. The results are interesting for specialists in the field of cultural studies, sociology, social psychology, and pedagogical theory and practice in the context of the digital transformation of education.

Keywords: social media, digital education, digital culture, internet influencer, youth, social networks, social environment, referent groups, media communications, creative culture

For citation: Shelginskaia, V. A. (2023). Development of the Youth Creative Potential in the Conditions of Digitalization and Digital Social Environment. *Society and Security Insights*, 6(2), 150–164 (In Russ.). doi: 10.14258/ssi(2023)2-10.

Введение

Цифровизация, ослабление влияния институтов семьи и образования сформировали то факторное поле, в рамках которого сегодня трансформируется сфера культуры. Несмотря на то что у любого процесса есть как конструктивная, так и деструктивная сторона, важно не только сосредотачиваться на кажущихся привлекательными в краткосрочном плане инновациях, но и представлять картину в целом, с учетом сохранения и приумножения культурного наследия, способствующего гуманистическому развитию общества. Значительно способствовал переходу массовой культуры современности на новый, высокотехнологичный цифровой уровень период пандемии. Альтернативная виртуальная реальность, и без того занимавшая большую часть свободного времени современных людей, и молодежи в осо-

бенности, обогатилась теми предприятиями, которые были вынуждены перейти на онлайн-платформы ввиду наложенных в данный период ограничительных мер.

В случае цифровизации досуговой сферы крайне важно учитывать все аспекты воздействия и возможные негативные последствия, влияющие как на содержание предлагаемых к восприятию субъекта объектов цифровой культуры, так и на особенности мышления при обработке сознанием человека этого материала. Поскольку современные социально активные люди, в особенности молодежь, проводят значительную часть жизни погруженными в цифровое пространство, особенно важным также становится учет влияния социального окружения человека в цифровой среде.

Влияние современной массовой культуры на человека (и в особенности на молодежь, как наиболее психологически гибкую социальную группу) ввиду активной цифровизации и виртуализации жизненного и досугового пространства с учетом процессов трансформации или разрушения поведенческих, психологических и мировоззренческих установок человека, вовлеченного в мир массовой культуры, следует рассматривать, по мнению Т. А. Хагурова, как «непосредственную антропологическую угрозу» (цит. по: Кулишов, 2019).

И. И. Докучаев отмечает, что в «традиционной культуре к числу важнейших установок ценностного сознания относилась сама социальность, и человек являлся одновременно субъектом и представителем ценностных установок своей социальной группы» (Докучаев, 2019: 328). «В современной («креативной») культуре возникает противоречие между личными и социальными ценностями, когда субъект, формально представляя ценностное отношение своей группы, может не разделять соответствующих установок» (Докучаев, 2019: 328). Более того, в креативной культуре преобладает возникновение и культивирование конкурирующих ценностей, а также их регулярного изменения, что обуславливает то пространство, в котором формируется личность современной молодежи. Система ценностей креативной культуры строится на понятиях персонального, выделяющегося, популярно-научного, а также на высокой значимости потребительских аспектов. Рассматривая потребление как ценность, необходимую человеку для жизни, исследователи отмечают, что именно в современный период ценность потребления характеризуется как преобладающая и имеющая определяющее значение, поскольку в современности преобладает «символизм материальных объектов, влекущий потребителей приобретать вещи и тем самым наделять себя определенным статусом» (Митина, Тихова, 2020: 141).

Совокупность вышеуказанных особенностей современного социокультурного окружения молодежи обуславливает, с одной стороны, представляющиеся все более острыми проблемы доверия и одиночества, а с другой стороны, формирует определенное восприятие ценности культуротворческого процесса, под которым в данном контексте можно понимать как процесс собственно создания предмета искусства, так и особенности эстетического и аксиологического восприятия уже созданных материалов. Человек-творец исчезает из общественного контекста, соответственно снижается значимость и содержание результата твор-

ческой деятельности. В особенности это подчеркивается разделением культуры на элитарную и массовую и усиление данного разделения. Если первая представляет собой серьезную работу над собой и эмоциональную отдачу произведению на пределе своих возможностей и отражает стремление создателя к определенному уровню, то вторая фактически является ее отрицанием.

Развитие цифровизации во многом способствовало обесцениванию созидательного и творческого процессов личности. Несмотря на более широкую доступность объектов культурного наследия и культурной современности ввиду оцифровывания музейных и библиотечных фондов, малая часть молодежи будет настолько эстетически дисциплинирована и познавательна активна, чтобы культурно самосовершенствоваться и самовоспитываться. Для чего и требуется эффективный посредник, который бы вовлек молодого человека как минимум в познание объектов искусства и культуры, а как максимум — способствовал бы его собственным творческим изысканиям (Репринцев, 2021). Всемирная сеть в настоящее время и является таким посредником между результатом творческой деятельности какого-либо человека и воспринимающим его субъектом, что в наивысшей своей форме приобретает ценность искусства, в своей промежуточной стадии — ценность творчества, а в базовой — креативную составляющую (Ан, 2021: 89).

Методы исследования

В статье анализируются основные социокультурные аспекты влияния виртуального и цифрового пространства на творческий потенциал личности. Задачи исследования заключаются в оценке и выявлении рисков, связанных с цифровыми посредниками в сфере культуротворчества, а также в раскрытии особенностей воздействия цифровых авторитетов и особенностей массовой цифровой культуры на сознание и мышление творческой личности. На основе анализа научно-исследовательских подходов в данной области знания, а также ряда включенных наблюдений в статье разрабатывается многоуровневая модель творческого становления личности в цифровой среде, где каждая стадия характеризует этап на пути от пассивного созерцания до общественного значимого творчества.

В ходе анализа автор руководствовался принципами системного подхода к рассматриваемой проблеме. Теоретические положения иллюстрируются материалами, полученными в ходе включенного наблюдения за становлением и изменениями творческих личностей (молодых художников, дизайнеров, мастеров декоративно-прикладного искусства, швей, исторических реконструкторов и т.д.) в цифровой среде, собранными в период 2019–2022 гг.

Результаты и обсуждение

Специфика влияния интернет-инфлюенсеров как культурных посредников

Трансформация культуры, в особенности молодежной, неотрывно связана с виртуализацией, которую, в свою очередь, можно охарактеризовать как процесс замены реальности квазиреальностью (Катаева, 2020). В этой реальности обезличенное сообщество представляет собой собрание ординарных представителей,

в котором подлинная культура заменяется псевдокультурой — «китчем» (Сафьян, 2021). Человек становится подверженным глубокому влиянию сконструированных образов и ценностей, которые проникают в сознание через восприятие как на самых глубоких уровнях эмоций, сопереживаний и рефлексии, так и под влиянием кратковременных, но эффективно воздействующих на подсознание в долгосрочной перспективе аффектов. В этом мире собственное «Я», являющееся носителем творческой и восприимчивой культурно-ценностной составляющей, растворяется и становится подверженным стороннему воздействию. Это воздействие тем сильнее, что оно сознательно не фиксируется, попадая под влияние заблуждения, согласно которому в любой момент можно волевым усилием отделить мир иллюзорный от реальных действий и восприятий (Лекторский, 2017; Корчак 2021).

Если посмотреть, кто является ключевым посредником между молодежью и культуротворческой сферой, то это, без сомнения, будет Интернет, а если точнее — молодежные лидеры мнений. Лидер мнений, или «инфлюенсер», обладает в онлайн-пространстве высокой значимостью для молодежи и ввиду этого формирует становление личности, заменяя собой утратившие развивающе-воспитательное воздействие институты, а также непосредственное окружение друзей и знакомых-сверстников (Османова, 2019). Интернет-инфлюенсер является признанным данной группой авторитетом, чье мнение в равной степени весомо как в отношении специализированного контента (можно условно назвать такой контент профессиональным), так и в отношении более широкого круга культурных и социальных вопросов (Benamar, Balagué, Ghassany, 2017). В контексте стирания границ между реальным и виртуальным общением интернет-авторитет, с одной стороны, выстраивает близкие доверительные отношения не только в целом с аудиторией, но и создает иллюзию персонального взаимодействия с равных и доверительных позиций. С другой стороны, тесная привязанность к удаленному онлайн-«другу» способствует ослаблению значимости всего, что находится здесь и сейчас, и именно это во многом способствует чувству одиночества и другим деструктивным личностным процессам (Krause et al., 2017).

Лидеры мнений, как создатели самого разнообразного информационно-культурного наполнения своих площадок-аккаунтов, формируют ближний культурный фон молодых людей и, как было сказано, выше, являются проводниками к конкурентным аспектам культурно-ценностного пространства. Тем не менее популяризация интернет-контента, основанного на «моментальном» изготовлении или изучении чего-либо («Как нарисовать рисунок за 30 секунд» или «Весь курс физики за час»), формирует у потребителя этого контента, во-первых, осознание того, что не существует деятельности, ради которой было бы оправдано повышенное вложение материальных, духовных или временных ресурсов, и во-вторых, деятельностьную установку в сознании о том, что если он сам не может сделать что-то столь же «быстро», то не стоит и пытаться. Катализаторами данных процессов послужили особенности некоторых популярных социальных сетей (основной материал, создаваемый пользователями, — это короткие видео длиной от 30 до 60 секунд), которые формируют специфическое быстрое созна-

ние (концентрация внимания не более чем на 1 минуту) взамен уже известного «клипового» (концентрация внимания не более чем на 5 минут). В этом случае уместным будет не только отрицание человека-творца, как личности созидающей, но и опустошение содержания его произведений, которое не может быть изложено и воспринято за такое ничтожное время.

Специфика влияния массового цифрового контента

Необходимо отдельно уточнить соотношение понятий «творчество» и «креатив». Несмотря на то, что их часто отождествляют, на мой взгляд, представляется уместным разграничение между ними, изложенное Л.И. Шишкиной. Понятие творчества подразумевает «способность человека создавать то, что не имеет аналогов в материальном мире... определяя духовное развитие нации и становление отдельной личности» (Шишкина, 2015: 178). Оно характеризуется уникальностью восприятия и ценностной иерархичностью. Тогда как понятие креативности рассматривает творческие возможности в той степени, которая позволяет реализовать их часть применительно к среднестатистическим способностям.

Современный массовый «креатив», в особенности у активных пользователей социальных сетей, создает в поле массовой цифровой культуры высоко популярные произведения, обеспечивающие «вирусный» охват в Сети, которые при этом «ни на что не претендуют, но оказываются в состоянии заменить любую другую форму культуры» (Докучаев, 2019: 329). Эта посредническая «прослойка» элементов культуры в ежедневном информационном поле не создает ничего фундаментального, оригинального или глубокого для восприятия и развития личности. По своей сути она сконцентрирована на единообразии, незамысловатости и простоте восприятия. Цель такого материала заключается в получении мгновенной простой реакции (нравится, не нравится), тогда как качественный культурный материал не только не может быть воспринят быстро и однозначно, но и по сути должен стимулировать дальнейшие размышления и рефлексию визуальных образов. Упрощение и популяризация такого контента является средством проведения размышлений человека из точки А в точку Б, но не стимулом, позволяющим развить дальнейшие размышления в самые разнообразные области. То есть потребительская культура способствует упрощению воспроизводимых образов и шаблонов поведения (Митина, Тихова, 2020; Сафарян, 2021). Подобные шаблоны являются широко распространенным способом навязывания определенных стереотипов поведения, мышления и восприятия легко подверженным воздействиям референтных группам (т. е. таким группам, идентификация человека с которыми наделяет его особым статусом в своих глазах или глазах знакомых). Как, например, молодежь.

Ряд исследователей связывает практики культуры потребления с процессом «потребительской социализации», которая заключается в приобретении положительных эмоций от непосредственного приобретения или потенциальной возможности приобретения (Бочарникова, 2020; Тихова, Митин, 2021). Культуротворческие процессы личности могут быть рассмотрены с аналогичной точки зрения в рамках того информационно-креативного поля, в котором

находится современный пользователь интернет-площадок. Так, становится не обязательным непосредственное созидание и творчество, требуется лишь психологическая уверенность в том, что потенциально это возможно. Опять же, если молодой человек видит, что некий творческий процесс можно осуществить в пределах видео длительностью до минуты, то он воспринимает это как нечто, что он также может при желании повторить. Тем не менее большое количество таких потребленных за день видеороликов формирует чрезмерно широкое поле для персонального выбора, что в результате ограничивает собственные творческие стремления и способствует прокрастинации. Возможен, однако, и другой, более категоричный вариант, когда место безвредного недеяния заменяет агрессивно направленное воздействие на тех создателей творческого и культурного контента, которые, по мнению субъекта, делают что-то экстраординарное по отношению к просмотренным ранее примерам (Davis et al., 2015). В этом отношении творческая личность сталкивается с такими социально-психологическими манипуляциями, как абьюз (подавление и обесценивание личности или результатов его творческой или интеллектуальной деятельности) и газлайтинг (провоцирование сомнений в чем-то очевидном, в восприятии себя и окружающей действительности, путем обесценивающих или обидных высказываний), которые являются весьма распространенными на сегодняшний день инструментами психологического давления на личность (Krause et al., 2017). Данная область, без сомнения, требует более тщательного исследования взаимосвязей и когнитивных процессов.

Отрицание молодежью культурно-ценностного фона, на котором можно было бы оценить человеческую личность, обуславливается также ростом самоутверждения каждого человека в онлайн-пространстве (Krause et al., 2017; Ефремова, Бульцева, 2020). Разнообразные онлайн-площадки предоставляют возможность самовыражения в любом доступном формате, с любой степенью осмысления процесса и со значительным рассеиванием качества. Э. Тоффлер отмечает в отношении информационного общества такие особенности, как: «специализация источников информации по сферам интересов (отсутствие общих вечерних телешоу, много телевизионных и радиоканалов), рост потребности в товарах „сделай сам“ для ремонта и быта, пошитая на заказ одежда» (Кожевников, Ермоленко, 2021: 24). Это также может выступать индикатором постепенного перехода от масс-культурного к индивидуально-творческому развитию личности. С другой стороны, с учетом упрощения культурно-цифрового фона современной молодежи, чей творческий потенциал должен бы быть в данном возрасте на пике, существуют достаточно обоснованные опасения в качестве этого направления с учетом тенденции к всеобщему упрощению воспринимаемого материала.

Последствия влияния массового цифрового контента

Особенности «клипового» сознания в совокупности с ускоренным и упрощенным цифровизацией мышлением в среде повышенной информационной концентрации приводят к снижению собственного творческого потенциала личности. Анализируя вышеуказанную информацию, можно обобщить, что этому

способствуют в равной степени процессы упрощения информационно-эстетического контента, обезличивание ближнего окружения наряду с повышением авторитета отдаленных лидеров мнений и обесценивание созидającego начала. Кризис личности, и прежде всего личности творческой, в цифровой среде не может не вызывать разнообразные деструктивные процессы, связанные с десоциализацией, замкнутостью, одиночеством и т.д. Все это формирует цельный взаимосвязанный процесс обесценивания и лишения смысла самого творческого периода у любой личности — периода его молодежного возраста.

Будущее развитие технологий в область еще большей виртуализации и без того далекого от реальной действительности сетевого мира может только усугубить ситуацию с культуротворческим потенциалом современной молодежи. На данный момент активно обсуждаются в научной литературе и применяются в практике деятельности организаций такие цифровые технологии, как дополненная реальность (augmented reality, AR), виртуальная реальность (virtual reality, VR), смешанная реальность (mixed reality, MR), расширенная реальность (extended reality, XR) (Parker, Saker, 2020).

Аспекты влияния цифровизации на культурно-ценностное формирование молодежи не может быть недооценено, так как от характера жизнедеятельности, ценностей молодого поколения напрямую зависят дальнейшие перспективы развития общества, темпы, направленность, результаты социальных преобразований (Bourgeois-Bougrine S. et al., 2020). Тем не менее в большинстве исследований, посвященных цифровизации с точки зрения культурологии и социологии культуры, авторы придерживаются позиции, что процессы цифровизации и глобализации угрожают идентичности человека и целостности природной среды, а также нарушают функционирование различных институтов общества, от образования до права (Халин, Чернова, 2018; Ковалев, 2019; Parker, Saker, 2020). Это, в свою очередь, упрощает возможность манипуляции и искажения реальности: перевод насущных проблем реального мира в иллюзорное пространство мира виртуального. Содержание социального взаимодействия лишается своего ценностного компонента, что можно достаточно явно проследить в молодежной интернет-культуре и ее влиянии на творческое развитие личности.

Во многом это также зависит от того молодежного следования моде, которое в данном контексте подразумевает тесную связь с потребительской культурой. В этом отношении культурно-творческий кризис связывается с двусторонним воздействием моды: как воспроизводителя примитивного вкуса и потребностей и как показатель определенного привлекательного в глазах среднестатистического члена общества статуса личности. Это влечет за собой уничтожение или ослабление индивидуальности, что соответственно негативно сказывается на созидающем процессе и снижении уровня и потенциала культуротворческой деятельности. С другой стороны, можно предположить, что при преодолении личностью давления массовой культуры и моды как ее основного двигателя способны создаваться произведения культуры и искусства уровня на порядок выше, чем если бы такое давление было меньшим.

Модель становления творческой личности в цифровом пространстве

Резюмируя вышеизложенное, можно сказать, что творческая личность в цифровом пространстве подвергается влиянию следующих разноуровневых факторов. На пользовательском уровне к таковым относятся: авторитет интернет-инфлюенсера, почитающее его дальнее и ближнее окружение. На массовом уровне сюда добавляются образ мыслей этого инфлюенсера и его контент, совокупность оценок данного контента сетевым сообществом, его эмоциональный отклик на предоставление материала. На творческом уровне здесь выделяются элементы аналитического, аксиологического и эстетического осмысления. Соответственно творческое становление личности происходит сначала в качестве наблюдателя в массе других аналогичных наблюдателей, однако если творческий потенциал перевешивает социально-психологические барьеры, личность начинает развиваться сначала в сторону креативного созидания, а при условии непрекращающейся практики — в сторону истинно творческого развития.

Модель творческого становления в цифровой среде, таким образом, можно представить в виде пирамиды (рис).

Модель становления творческой личности в цифровой среде

Model of the formation of a creative personality in digital space

Сужающаяся площадь уровней соответствует количеству последователей творчества какой-либо определенной личности, его «фанатов» или «фолловеров», если использовать интернет-сленг. Чем выше уровень творческого развития, тем уже эта группа и тем выше ее качественный уровень (под таковым в данном контексте подразумевается совокупность эстетико-ценностного содержания материала).

Охарактеризуем каждый элемент пирамиды более подробно. Пассивно-аффективный уровень характеризуется наблюдением, восприятием тенденций в творческом сетевом пространстве. Человек никак не проявляется сам, однако

«впитывает» разнообразную информацию и образы, которые создают другие пользователи, преимущественно популярные в той группе, которая интересует пользователя.

На масс-креативном уровне человек начинает сам создавать материал по шаблонам, которые он усвоил на предыдущем уровне. Повторение шаблона, который завоевал у аудитории успех, будучи представленным кем-либо из лидеров мнений, видится молодому человеку как способ достичь успеха собственного. При этом успех воспринимается выраженным в виртуальных единицах одобрения (количество отметок «нравится», количество подписчиков и т.д.). Масс-креативный уровень не подразумевает создание чего-то нового, он не стимулирует творческую активность саму по себе и не способствует осознанию себя как творческой личности. Главная цель — быстрое завоевание одобрения и ситуативного интереса.

Креативный уровень отмечает первую ступень созидательной деятельности в цифровом пространстве, когда человек приходит к осознанию того, что недостаточно просто повторять шаблон, внедренный в сетевое пространство лидером мнений. Здесь формируется потребность в дифференциации, в создании чего-то собственного, что, в свою очередь, может послужить шаблоном масс-креативного уровня для других пользователей социальной сети. Это еще не творчество, так как «все создания креативны, но не все несут в себе творческое начало» (Шишкина, 2015: 179), но креатив более высокого уровня, нежели копирование действий популярной личности.

Обособленно творческий уровень отмечается переходом на новый уровень осмысления материала. Здесь фиксируется различие между креативной составляющей и составляющей творческой. Человек начинает не только копировать или искусственно придумывать контент, генерировать идеи на основе синтеза существующих шаблонов, но более глубоко погружается в интересную ему тему. Это активизирует как познавательную, так и непосредственно созидательную активность, и материал, который производит пользователь в цифровой среде, начинает постепенно отличаться от стереотипов, принятых в сетевом сообществе, в сторону большей индивидуализации.

Творческий уровень представляет собой выход пользователя социальной сети за пределы массового, понятного всем и принимаемого большинством контента. Внешние проявления творчества наполняются ценностным и идейным содержанием, формируется «миссия» творческой личности в цифровой среде, которую она воспроизводит своим последователям — задавая, с одной стороны, некоторый возвышенный идеал, сопутствующий производимым объектам культуры, а с другой стороны, формируя базу, отталкиваясь от которой, в дальнейшем будет формироваться некоторая упрощенная форма, транслируемая на пассивный и масс-креативный уровень (в т.ч. даже не самой творческой личностью, но ее последователями).

Если посмотреть за пределы пирамиды, мы увидим пространство, которое расширяется пропорционально сужению группы лиц, заинтересованных в творчестве рассматриваемой личности и перенимающих ее шаблоны поведения, мыш-

ления, ее чувство прекрасного, эстетическое мировоззрение и гуманистические ценности. Расширяющееся внешне пространство характеризует тех, чьи социально-психологические особенности препятствуют принятию подлинного искусства. Сюда можно, например, отнести отмеченных выше абьюзеров и газлайтеров. Зеркальный пирамидальный элемент характеризует переход творческого материала в элитарно-творческий, который сопровождает не только априорное уважение, граничащее с непониманием, в массовых сообществах, но и соответственно расширяет круг «почитателей по неведению» и сужает предубежденные, деструктивно настроенные группы.

Следует уточнить, что молодой человек, находящийся на этапе обособленно-творческого развития, когда он признан относительно большой группой последователей, но недостаточной для обеспечения восприятия и признания такого носителя культуротворческого потенциала широкими массами, является наиболее подверженным деструктивному воздействию цифрового социума на личность. В этот момент его достаточно легко демотивировать в своем развитии или же направить в совершенно другом направлении, как правило — в масс-культурном, что вернет его на ступень или две ниже по представленной пирамиде и соответственно затормозит или обратит личностный рост. В этом отношении ключевыми задачами специалистов по социологии, культурологии и педагогике может стать решение задачи по уменьшению количества или степени деструктивного влияния на творческую личность в цифровой среде, в общественном сознании или в индивидуальном восприятии.

Выводы

Проблема влияния цифровизации на трансформацию культурных ценностей и института культуры в целом является актуальной и всеобъемлющей на данном этапе развития всего общества. Специфика онлайн-культуры в сфере культуротворчества во многом связана с популяризацией социальных сетей и снижением качества контента и ожиданий. Идет ускорение темпа жизни и снижение концентрации внимания на восприятии уже готовой информации, что влечет за собой соответственно снижение творческой концентрации, нежелание и неспособность как к глубокому творческому процессу, так и к восприятию более серьезных объектов культуры.

Анализ особенностей цифрового масс-культурного пространства показал высокую значимость онлайн-посредников между человеком и культурной сферой жизни. Лидеры мнений являются ключевым звеном не только в формировании мгновенного эмоционально-аффективного отклика в сознании человека, но и в тренировке специфического образа творческого и интеллектуального мышления.

Была представлена многоуровневая модель творческого становления личности в онлайн-среде. В рамках данной модели были обозначены следующие уровни созидательного процесса личности, на которые может воздействовать интернет-среда: пассивно-аффективный, масс-креативный, креативный, обособлен-

но-творческий, творческий; и обособленный элемент — элитарно-творческий. Из них наиболее опасными, по оценке автора, являются пассивно-аффективный и обособленно-творческий уровни, на которых влияние пассивно или негативно настроенного социума на развивающуюся творческую личность наиболее сильно. Полученные результаты могут быть интересны как специалистам-практикам в области культурологии и социологии, так и с точки зрения педагогики в контексте цифровой трансформации образования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Ан С. А. Возможности преодоления кризиса искусства через Интернет: постановка проблемы // *Философские, социологические и психолого-педагогические проблемы современного образования*. 2021. № 3. С. 89–191. DOI: 10.37386/2687-0576-2021-3-89-91

Бочарникова И. С. Ониомания как тренд потребления в молодежной среде: социокультурный аспект // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2020. № 1 (62). С. 133–140. DOI: 10.21672/1818-510X-2020-62-1-133-140.

Докучаев И. И. Кризис ценностей креативной культуры как глобальная проблема современности. *Международные Лихачевские научные чтения, 2019*. URL: https://www.lihachev.ru/pic/site/files/lihcht/2019/dokladi/DokuchaevII_sec2_rus_290419.pdf

Ефремова М. В., Бульцева М. А. Взаимосвязь индивидуальных ценностей и просоциального поведения в онлайн- и офлайн-контекстах // *Социальная психология и общество*. 2020. № 11 (1). С. 107–126.

Катаева О. В. Цифровизация и виртуализация жизненного мира: оценки и позиции // *Интеллект. Инновации. Инвестиции*. 2020. № 6. С. 129–136. DOI: 10/25198.2077-7175-2020-6-129

Ковалев В. Н. Риски цифровизации общества // *Черноморская конференция-2019: сборник материалов*. Севастополь : Филиал Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова в г. Севастополе, 2019. С. 189–190.

Кожевников С. Б., Ермоленко Г. А. Цифровизация современной культуры и гуманитарная рефлексия // *Цифровая гуманитаристика: человек в «прозрачном» обществе*. М. : Книгодел, 2021. 144 с.

Корчак К. И. Информационная социализация и ее потенциальные угрозы на ступени среднего общего образования в свете тенденции цифровизации // *Народное образование*. 2021. № 4 (1487). С. 184–190.

Кулишов В. В. Массовая культура как фактор социализации и источник рисков воспитания и развития обучающихся: возможные контуры типологии социально-антропологических факторов влияния // *Kant*. 2019. № 3 (32). С. 66–72.

Лекторский В. А. Познание, действие, реальность // *Вопросы философии*. 2017. № 9. С. 5–23

Митина И. Д., Тихова В. А. Массовая потребительская культура: современные тенденции и проблемы в социологии культуры // *Сибирский научный вестник*. 2020. № 3–4 (41–42). С. 139–144.

Османова А. И. Специфика коммуникации с молодежной аудиторией в виртуальной среде // Медиаскоп. 2019. № 4. С. 10–16.

Репринцев А. В. Искусство и человек в системе духовных ценностей постиндустриального мира: векторы эволюции смыслов и эталонов культуры // Ученые записки. 2021. № 3 (59). С. 242–260.

Сафарян Л. Г. Аннулирование эстетических принципов в ситуационистском спектакле // Terra Aestheticae. 2021. № 2 (8). С. 66–98.

Тихова В. А., Митин С. Н. Понятие социализации и социализационные траектории молодежи в условиях потребительского общества // Симбирский научный вестник. 2021. № 1 (43). С. 62–68.

Халин В. Г., Чернова Г. В. Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски // Управленческое консультирование. 2018. № 10 (118). С. 46–63.

Шишкина Л. И. Креативность и творчество: соотношение понятий // Управленческое консультирование. 2015. № 4 (76). С. 176–182.

Benamar L., Balagué C., Ghassany M. The identification and influence of social roles in a social media product community // Journal of computer-mediated communication. 2017. Vol. 22, No. 6. P. 337–362.

Bourgeois-Bougrine S., Richard P., Burkhardt J. M., Frantz B., Lubart T. The expression of users' creative potential in virtual and real environments: An exploratory study // Creative Learning in Digital and Virtual Environments. Routledge, 2020. P. 96–117.

Davis K., Randall D. P., Ambrose A., Orand M. 'I was bullied too': stories of bullying and coping in an online community // Information, Communication & Society. 2015. Vol. 18, No. 4. P. 357–375.

Krause H. V., Baum K., Baumann A., Krasnova H. Unifying the detrimental and beneficial effects of social network site use on self-esteem: a systematic literature review // Media Psychology. 2021. Vol. 24, No. 1. P. 10–47.

Parker E., Saker M. Art museums and the incorporation of virtual reality: Examining the impact of VR on spatial and social norms // Convergence. 2020. Vol. 26, No. 5–6. P. 1159–1173.

REFERENCES

An, S. A. (2021). Opportunities to Overcome the Art Crisis via the Internet: Statement of the Problem. *Filosofskie, sociologicheskie i psihologo-pedagogicheskie problemy sovremennogo obrazovaniya*, 3, 89–191. <https://doi.org/10.37386/2687-0576-2021-3-89-91>(In Russ.).

Bocharnikova, I. S. (2020). Oniomania as a consumption trend among young people: a sociocultural aspect. *Kaspijskij region: politika, ekonomika, kul'tura*, 1(62), 133–140. (In Russ.). <https://doi.org/10.21672/1818-510X-2020-62-1-133-140>

Dokuchaev I. I. (2019). Crisis of values of creative culture as a global problem of our time. In: *Mezhdunarodnye Lihachevskie nauchnye chteniya*. (In Russ.). Available at: https://www.lihachev.ru/pic/site/files/lihicht/2019/dokladi/DokuchaevII_sec2_rus_290419.pdf

- Efremova, M. V. Bul'ceva, M. A. (2020). The relationship of individual values and prosocial behavior in online and offline contexts. *Social'naya psihologiya i obshchestvo*, 1, 107–126. (In Russ.).
- Kataeva, O. V. (2020). Digitalization and virtualization of the life world: assessments and positions. *Intellekt. Innovacii. Investicii*, 6, 129–136. (In Russ.). <https://doi.org/10/25198.2077-7175-2020-6-129>.
- Kovalev, V. N. (2019). The risks of digitalization of society. In: *Black Sea Conference-2019, Paper presenterd* (pp. 189–190). Sevastopol: Filial Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta imeni M. V. Lomonosova v g. Sevastopole. (In Russ.).
- Kozhevnikov, S. B., Ermolenko, G. A. (2021). Digitalization of modern culture and humanitarian reflection. In: *Cifrovaya gumanitaristika: chelovek v «prozrachnom» obshchestve*. Moscow : Knigodel. (In Russ.).
- Korchak, K. I. (2021). Information socialization and its potential threats at the level of secondary general education in the light of the digitalization trend. *Narodnoe obrazovanie*, 4(1487), 184–190. (In Russ.).
- Kulishov, V. V. (2019). Mass culture as a factor of socialization and a source of risks of education and development of students: possible contours of the typology of socio-anthropological factors of influence. *Kant*, 3 (32), 66–72. (In Russ.).
- Lektorskij, V. A. (2017). Cognition, action, reality. *Voprosy filosofii*, 9, 5–23. (In Russ.).
- Mitina, I. D., Tihova, V. A. (2020). Mass consumer culture: current trends and problems in the sociology of culture. *Sibirskij nauchnyj vestnik*, 3-4 (41–42), 139–144. (In Russ.).
- Osmanova, A. I. (2019). The specificity of communication with the youth audience in a virtual environment. *Mediaskop*, 4, 10–16. (In Russ.).
- Reprincev, A. V. (2021). Art and Man in the System of Spiritual Values of the Post-Industrial World: Vectors of the Evolution of Meanings and Standards of Culture. *Uchenye zapisi*, 3 (59), 242–260. (In Russ.).
- Safaryan, L. G. (2021). Reversal of aesthetic principles in the situationist spectacle. *Terra Aestheticae*, 2(8), 66–98. (In Russ.).
- Tihova, V. A., Mitin, S. N. (2021). The concept of socialization and socialization trajectories of youth in a consumer society. *Simbirskij nauchnyj vestnik*, 1(43), 62–68. (In Russ.).
- Halin, V. G., Chernova, G. V. (2018). Digitalization and its impact on the Russian economy and society: advantages, challenges, threats and risks. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*, 10(118), 46–63. (In Russ.).
- Shishkina, L. I. (2015). Creativity and creativity: correlation of concepts. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*, 4(76), 176–182. (In Russ.).
- Benamar, L., Balagué, C., Ghassany, M. (2017). The identification and influence of social roles in a social media product community. *Journal of computer-mediated communication*, 22(6), 337–362.
- Bourgeois-Bougrine S., Richard, P., Burkhardt, J. M., Frantz, B., Lubart, T. (2020). The expression of users' creative potential in virtual and real environments: an exploratory study. In: *Creative Learning in Digital and Virtual Environments* (pp. 96–117). Routledge.

Davis, K., Randall, D.P., Ambrose, A., Orand, M. (2015). 'I was bullied too': stories of bullying and coping in an online community. *Information, Communication & Society*, 18(4), 357–375.

Krause, H. V., Baum, K., Baumann, A., Krasnova, H. (2021). Unifying the detrimental and beneficial effects of social network site use on self-esteem: a systematic literature review. *Media Psychology*, 24, 10–47.

Parker, E., Saker, M. (2020). Art museums and the incorporation of virtual reality: Examining the impact of VR on spatial and social norms. *Convergence*, 26(5–6), 1159–1173.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Виктория Алексеевна Шелгинская — аспирант кафедры управления персоналом и социологии, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации — Уральский институт управления, г. Екатеринбург, Россия.

Victoria A. Shelginskaia — postgraduate student of the Department of Personnel Management and Sociology, Ural Institute of Management — a branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Yekaterinburg, Russia.

Статья поступила в редакцию 25.05.2023;
одобрена после рецензирования 05.06.2023;
принята к публикации 05.06.2023.

The article was submitted 25.05.2023;
approved after reviewing 05.06.2023;
accepted for publication 05.06.2023.

Научная статья / Research Article

УДК 316.33

DOI: 10.14258/SSI(2023)2-11

Эмоциональный аспект гражданской идентичности жителей российского приграничья

Дарья Константиновна Щеглова

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия,
daschul9@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2601-0306>

Аннотация. Гражданская идентичность является одной из важнейших идентичностей личности. В ее структуру входит ряд компонентов: когнитивный, эмоциональный, поведенческий, символический, что объясняет ее сложность и неоднозначность. При формировании идентичности требуют внимания все компоненты, в том числе эмоциональный, имеющий разнообразный спектр эмоций, строящийся на соотношении идеального образа идентичности с реальным. В статье представлены результаты социологического опроса, который проводился в четырех приграничных регионах: Калининградской области, Воронежской области, Алтайском крае и Хабаровском крае (n=1753). Анализируется выраженность гражданской идентичности населения приграничных регионов, а также оценка эмоционального аспекта гражданской идентичности с позиции социально-демографических характеристик.

Ключевые слова: гражданская идентификация, эмоциональный аспект, патриотизм, гордость за страну, стыд за страну

Финансирование: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31459 «Гражданская идентичность и конструирование образа будущего России: ценностные разрывы и солидарность поколений».

Для цитирования: Щеглова Д.К. Эмоциональный аспект гражданской идентичности жителей российского приграничья // Society and Security Insights. 2023. Т. 6, № 2. С. 165–181. doi: 10.14258/ssi(2023)2-11.

Emotional Aspect of Civil Identity of the Residents of the Russian Border Region

Daria K. Shcheglova

Altai State University, Barnaul, Russia,
daschul9@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2601-0306>

Abstract. Civic identity is one of the most important identities of the individual. Its structure includes a number of components: cognitive, emotional, behavioral, symbolic, which explains its

complexity and ambiguity. During the formation of identity, all components require attention, including emotion, having a diverse range of emotions, based on the relation of the ideal image of identity to reality. The article presents the results of a sociological survey conducted in four border regions: Kaliningrad region, Voronezh region, Altai region and Khabarovsk region, (N=1753). The article analyses the manifestation of the civic identity of the population of border regions, as well as assessment of the emotional aspect of civic identity from the standpoint of socio-demographic characteristics.

Keywords: civic identification, emotional aspect, patriotism, pride for the country, shame for the country

Financial Support: the reported study was funded by RFBR and EISR according to the research project № 21-011-31459

For citation: Shcheglova, D.K. (2023). Emotional Aspect of Civil Identity of the Residents of the Russian Border Region. *Society and Security Insights*, 6(2), 165–181. (In Russ.). doi: 10.14258/ssi(2023)2-11.

Введение

Понятие гражданской идентичности до сих пор не имеет единого определения, оно претерпевает различные изменения, в том числе происходит его подмена другими понятиями. Ряд ученых (Б. Андерсон, А. Смит, Э. Геллнер и др.) отождествляют гражданскую и национальную идентичности, что релевантно для мононациональных государств, где национальность ассоциируется с конкретным государством, но не подходит для полиэтничных обществ, таких как Россия, что обуславливает установление более сложных отношений между различными идентичностями. Некоторые авторы, например М. Н. Губогло, отождествляют гражданскую идентичность с государственной принадлежностью. Это происходит ввиду наличия формальных атрибутов: паспорта, гражданства (Губогло, 2017). В. А. Тишков, учитывая многонациональность российского общества, отмечает, что для страны более подходит термин «многонародная нация», что позволяет индивиду иметь и гражданскую идентичность, и этнонациональную. Перенимая опыт таких стран, как Индия, Англия, Китай, Тишков отмечает необходимость и возможность строительства единой «русской нации» с присущей ей общероссийской идентичностью. Такой подход является гарантом безопасности для страны, так как будет сформирована гармоничная идеология солидарности многообразия и единства, и «прививкой» от этнонационализма, «который может перерасти в радикальный национализм путем вооруженных конфликтов» (Тишков, 2019).

И. В. Конода трактует гражданскую идентичность «как политико-ориентированную категорию, включающую такие компоненты, как: политическая активность личности, политико-правовая компетентность, чувство гражданской общности, гражданское участие» (Конода, 2007). Она описывает две модели в определении места гражданской идентичности в культуре и жизни общества: «формационную», основанную на идеях К. Маркса и Ф. Энгельса, где становление гражданской идентичности определено необходимостью материально-производственного развития, унификацией частных ценностей, размыванием индивиду-

ально-культурных норм и ценностей, и «цивилизационную» модель, основанную на идеях А. Тойнби, Н. А. Данилевского, С. Хантингтона, А. Шпенглера. Суть второй модели заключается в господстве норм и ценностей общества, которое позволяет проявлять свое национально-культурное многообразие каждому народу. Автор отмечает, что для России в настоящее время с учетом ее национального, этнического и культурного разнообразия более приемлемым является мультикультурный подход, позволяющий проявлять уважение к такому национально-культурному многообразию страны (Конода, 2007).

В предметном поле гражданской идентичности также работает Н. А. Галактионова. В ее представлениях государственная и гражданская идентичности не являются тождественными. Галактионова пишет о том, что гражданская идентичность основывается на ценностном компоненте, который может быть осознаваемым и неосознанным, взаимодействовать с другими видами идентичности, отмечается особая важность эмоциональной составляющей при формировании гражданской идентичности. Помимо этого, автор отмечает, что с гражданской идентичностью неразрывно связаны патриотические чувства, которые могут быть основаны не только на позитивных (Галактионова, 2010), положительных аспектах исторической составляющей страны, социально-экономической, политической и т.д., но и негативных аспектах, событиях и признании их таковыми.

Отсутствие единого восприятия тематики гражданской идентичности может быть объяснено несколькими факторами. Так, Н. Ю. Кравченко выделяет различные ценностные, институциональные, структурные, культурологические, дискурсивные факторы для обоснования содержания гражданской идентичности, разное понимание условий существования самого общества, в том числе представлений о гражданском обществе западных стран, препятствующее формированию единого подхода к определению гражданской идентичности в России. Очевидно, что общество западных стран также меняется, адаптируясь к условиям современной реальности, создавая новую реальность и меняя формы проявления своей гражданственности, что затрудняет перенос каких-либо концепций и теорий на российскую действительность (Кравченко, 2016). Нам импонирует определение гражданской идентичности, данное Л. М. Дробижевой: «это лояльность государству и отождествление себя с гражданами страны, представления об этом сообществе, ответственность за судьбу страны и переживаемые людьми в связи с этим чувства (гордость, обида, разочарование, пессимизм или энтузиазм)» (Дробижева, 2008).

Согласно данному определению, в структуре гражданской идентичности можно выделить следующие компоненты:

- когнитивный — строится на базе представлений, признаков, знаний, моральных принципов, системы ценностей своей группы и на базе представлений «другой» группы (граждан другой страны),
- эмоциональный — строится на базе соотнесения идеальных эталонов гражданственности с реальной ситуацией, имеет разнообразный спектр эмоций,
- поведенческий — деятельность человека как гражданина, его конкретные действия,

- символический — смысловая наполненность государственной принадлежности (Безгина, 2013).

Изучением формирования гражданской идентичности среди молодого поколения в рамках образовательных программ занимается А. Г. Асмолов. Он пишет о том, что идентичность активно формируется в школьном и юношеском возрасте, однако базу для формирования гражданской идентичности стоит закладывать начиная с дошкольного возраста, уделяя внимание перечисленным компонентам. Гражданская идентичность, по его мнению, является основой гражданского общества, что способствует объединению граждан и усилению стабильности государства на общекультурной основе (Асмолов, 2007). Современные образовательные программы направлены на становление гражданской идентичности. Как и на любой вид идентичности, существенное воздействие на личность оказывает ближайшее окружение, значимые взрослые, социальные группы. В дошкольном возрасте гражданская идентичность проявляется в первую очередь в виде эмоционального компонента, через любовь, заботу, сострадание, сопереживание, гордость и другие эмоции по отношению к стране, Родине, которые будут сопровождать человека на протяжении всей жизни, усиливаясь в определенные моменты. В старшем школьном возрасте усложняются представления о Родине, о стране, об образе территории, на которой ребенок проживает, с которой должен себя соотносить и считать «своей». В юношеском возрасте продолжает претерпевать изменения и усложняться гражданская идентичность, российская идентичность, так как до этого уже, во-первых, усвоены знания в предыдущих возрастных группах, во-вторых, в данном возрасте смыслы идентичности доступны на более сложных уровнях: когнитивном, ценностном (Махин, 2016), а не только на эмоциональном, как в предыдущих возрастных группах.

Важность гражданской идентичности неоспорима, поскольку при ее «ослаблении» могут возникнуть нежелательные явления: восстания, смуты, экономический упадок. С. А. Панкратов и Н. А. Тельнова объясняют это тем, что происходит отчуждение общества от страны из-за отсутствия опоры на устои, ценности, историю государства. Ученые отмечают: «В данной ситуации именно идентичность призвана защищать государство как от энтропийных процессов, так и от экспансии и поглощения со стороны других государств, наций и культур» (Денисова, 2010), — предполагая, что сильная идентичность является основой социальной сплоченности, сильной и социально активной нации. Возникновение возможности таких явлений ученые связывают с распадом советской системы ценностей и подменой ценностей более высокого порядка на ценности «потребления», пришедшие в наше общество из стран Запада (Максимова, Атясова, Суртаева, Шахова, Спирина, 2021). Г. С. Денисова отмечает, что это обусловлено «одновременным изменением географических и политических параметров государства, статуса страны в системе международных отношений, а также изменением базовых социетальных ценностей культуры» (Денисова, 2010).

Гражданская идентичность имеет особое значение для России и по причине протяженности и наличия большого количества приграничных регионов. Рос-

сия имеет сухопутные границы с 16 государствами, приграничные регионы являются перевалочным пунктом для прибывающих в страну мигрантов. Причины миграции при этом достаточно различны. Чаще всего это трудовая миграция, которая носит сезонный характер, но при этом часть мигрантов могут задержать на территории нашей страны и на более продолжительные сроки или даже остаться и получить гражданство (Сарыглар, 2022). Поэтому приграничные регионы страны могут чаще сталкиваться с гражданами других государств, узнавать их культуру, обычаи и традиции. При этом нужно, чтобы у граждан были сформированы устойчивые представления, знания о своей стране, о своей культуре, обычаях, традициях, нормах морали, закона (Кравченко, 2016), была устойчивая гражданская позиция, чтобы не происходило размытия или ослабления своей гражданской идентичности.

Методы исследования

Для оценки выраженности гражданской идентичности населения приграничных регионов в 2021 г. было проведено социологическое исследование в четырех приграничных регионах России: Калининградская и Воронежская области, Алтайский и Хабаровский края. Выборочная совокупность составила 1753 человек. Были использованы следующие группы показателей: наличие ассоциаций с гражданством РФ; степень близости с гражданами своей страны; степень близости с жителями региона; степень близости с жителями своего населенного пункта; степень близости со своей этнической группой; религиозная идентичность; степень близости с людьми своего поколения; степень близости с людьми своей профессии; степень близости с людьми схожего социально-экономического положения.

Для оценки эмоционального аспекта гражданской идентичности были использованы следующие показатели: переживание чувства гордости за страну; причины гордости за страну; переживание чувства стыда за страну; причины стыда за страну.

Анализ данных осуществлен посредством частотных и двумерных методов с использованием статистического пакета IBM SPSS Statistics.

Результаты и обсуждение

Самоидентификация является важнейшим компонентом гражданской идентичности. При анализе наиболее значимых социальных групп для самоидентификации населения было определено, что жители исследуемых приграничных регионов чаще ощущают близость с тремя группами: гражданами своей страны, жителями своего села/города, людьми своей профессии.

С позиции социально-демографических и территориальных характеристик процессов самоидентификации определено, что подавляющее число жителей ассоциируют себя с гражданами страны, данный показатель наиболее высок среди жителей Воронежской области (97,3%), женщин (95,7%) и людей старшей возрастной группы (50 лет и старше; 97,8%).

Наименее значимой для идентификации социальной группой оказалась «люди моей веры», с данной категорией население реже ощущает чувство близости, это только 29,6% населения исследуемых приграничных регионов. При этом и среди верующих лишь чуть более третьей части ощущает близость с представителями своей веры (36,7% среди православных, 38,1% среди мусульман, 37,5% среди буддистов), однако представители таких религий, как протестантизм (64,7%) и иудаизм (60%), значительно чаще ощущают близость с представителями своей веры. Достоверные различия (χ^2 , $p \leq 0,005$) выделены цветом в таблице 1. Таким образом, для жителей изучаемых регионов более важным основанием для идентификации является гражданственность, территория и профессия.

Таблица 1.

Table 1.

Ощущение чувства близости с различными социальными группами, %

Feeling of closeness with different social groups, %

Варианты ответа	Регион				Пол		Возраст		
	Алтайский край	Воронежская область	Калининградская область	Хабаровский край	мужчины	женщины	до 30	31–49 лет	50 лет и старше
Ассоциируют себя с гражданами страны	91,2	97,3	94,2	94,3	91,2	95,7	89,2	95,8	97,8
Ощущают близость с гражданами России	46,4	60,6	57,1	52,3	49,4	56,3	42,9	55,3	63,5
Ощущают близость с жителями края, области, республики	40,4	49	54,6	51,2	46	49,9	41,2	49,2	55,4
Ощущают близость с жителями своего города, села	44,3	53,6	57,5	56,9	49,4	54,8	45	52	63,6
Ощущают близость с представителями своей национальности	41,9	51,7	46,1	42,4	39	47,8	42,9	46,3	47,3
Ощущают близость с представителями своей веры	22,1	34,5	33,1	28,7	21,8	33,1	23,3	31,4	34,2
Ощущают близость с людьми своего поколения	41,1	50,6	46,4	45,5	36,8	49,6	43,8	43	53,2
Ощущают близость с представителями своей профессии	36,5	58,8	60	56,3	46,3	55,9	37,9	55	66
Ощущают близость с людьми с таким же достатком	26,2	34,5	28,8	33,4	23,3	33,6	27,9	31,3	31,4

Эмоциональный аспект гражданской идентичности представляет большой исследовательский интерес, так как гражданская идентичность базируется на разнообразном спектре чувств по отношению к своей родине. Чаще всего люди

с высоким уровнем патриотизма, со сформированной гражданской идентичностью склонны испытывать по отношению к родине положительные чувства. Патриотизм проявляется через гордость за свою страну, когда гражданин испытывает радость, положительные эмоции по поводу каких-либо важных с его точки зрения событий, достижений, успехов. Он ожидает, что и значимые другие, как люди с такой же гражданской идентичностью, так и с иной, тоже будут оценивать предмет его гордости положительно или придавать ему особое значение, как, например, за рубежом ценят наших поэтов, писателей, композиторов, отмечая их талант, одаренность и значимый вклад в культуру.

При описании конкретных поводов для гордости люди чаще склонны отмечать что-то масштабное, что-то важное, что и другие будут, по их мнению, также отмечать как повод для гордости, например, искусство, культуру, поэтов, писателей, достижения науки, техники — т.е. то, что способствует эмоциональному подъему, воодушевляет население страны.

Однако даже при высоком уровне патриотизма и хорошо сформированной гражданской идентичности для людей характерно испытывать и негативные чувства по отношению к стране, к каким-либо событиям, поступкам отдельных людей, представляющих государство. К негативным чувствам можно отнести чувство стыда за те или иные стороны жизни страны. Такое чувство может повлечь за собой отрицательные оценки со стороны значимых других и стремление не предъявлять эти явления для оценивания, прятать их от чужого взгляда. Переживание стыда чаще связано с ощущением более низкого, проигрышного положения государства по сравнению с другими.

В ходе исследования населению были заданы вопросы о чувствах гордости и стыда, а также перечислены конкретные позиции того, что может вызывать гордость и стыд.

Население приграничных регионов в большинстве своем испытывало гордость за страну (87,2%). В зависимости от региона проживания ответы населения имели значимые отличия. Больше всего тех, кто испытывает гордость за страну, в Воронежской области (92,3%), далее идет Калининградская область (88,9%), Хабаровский край (85,3%), Алтайский край (82,2%). При этом женщины немногим чаще мужчин испытывали чувство гордости за страну. С позиции возрастной структуры населения было установлено, что чем старше возрастная группа, тем больше в ней тех, кто испытывал гордость за страну. Так, среди молодых людей в возрасте до 30 лет 77,8% испытывали гордость, тогда как во второй (31–49 лет) и в третьей возрастной группе (50 лет и старше) число тех, кто испытывал гордость за страну, составило 88,4% и 92,3% соответственно.

Процент тех, кто считает себя гражданином страны, очень высок, однако в приграничных регионах есть небольшая доля тех, кто не считает себя гражданами России как по причине отсутствия юридического гражданства, так и по другим причинам. Среди тех, кто ассоциировал себя с общностью россиян, намного чаще встречались те, кто испытывали гордость за страну (90,5%), в отличие от тех, кто не считал себя россиянином (39,8%), различия составили 2,3 раза.

Рисунок 1 — Чувство гордости за страну в зависимости от ощущения себя гражданином России, %.

Figure 1 — Feeling proud for the country, depending on identifying oneself with a citizen of Russia, %.

Далее был задан вопрос о причинах гордости за страну с возможностью выбора нескольких вариантов ответа. В социологических исследованиях подобной тематики данный вопрос впервые появился в работе Г. Алмонда и С. Вербы «Гражданская культура» (1963), где описывались результаты исследования политических культур ряда стран (США, Мексики, Англии, Италии, Западной Германии) (Иванова, 2017). Благодаря вопросу о конкретных причинах гордости за свою страну появляется возможность исследовать сложную суть социального чувства гордости.

При рассмотрении причины гордости только с позиции частоты выбора население выбирало такие поводы для гордости, как победа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (60,4%); великие поэты, писатели, композиторы нашей страны (44,4%); народ России, его характер и менталитет, его стойкость (33%); достижения российской науки и техники (25,9%); первый полет советского человека в космос в 1961 г. (22,3%).

В зависимости от региональной принадлежности населения были выявлены различия в восприятии причин для гордости за страну: авторитет России в мире; поэты, писатели, композиторы нашей страны; полет в космос Юрия Гагарина в 1961 г.; принятие Республики Крым в состав России; успехи российских спортсменов; успехи российских ученых по созданию вакцины от коронавирусной инфекции; историческое прошлое России. События, послужившие поводом для гордости, в большинстве своем отражают значимые явления и события из области спорта, науки, культуры, политики.

При определении причин гордости за страну для населения приграничных регионов, относящегося к разным возрастным группам, были достоверно определены различия выбора альтернатив, по некоторым вариантам схожие с выбором населения в зависимости от региона проживания: авторитет России в мире; поэты, писатели, композиторы нашей страны; первый полет человека в космос в 1961 г.; армия России; успехи российских ученых по созданию вакцины от коронавирус-

ной инфекции; историческое прошлое России. Такие причины в своей совокупности характеризуют значимые события, культуру и историческое прошлое страны.

Таблица 2.

Table 2.

Причины гордости за страну по различным основаниям, %

Reasons for pride in the country for various reasons, %

Причины гордости за страну	Регион				Пол		Возраст		
	Алтайский край	Воронежская область	Калининградская область	Хабаровский край	женщины	мужчины	до 30 лет	31–49 лет	50 лет и старше
Авторитет России на мировой арене	16,7	11,7	15,9	10,4	13,5	14	10	13,5	15,3
Величайшие поэты, писатели, композиторы нашей страны	39,4	44,4	43,6	49,6	46,8	38,9	44,7	44,5	49,6
Достижения российской науки и техники	20,3	31,7	27,9	23,1	23,8	30,9	37	26,1	22,3
Первый полет человека в космос в 1961 г.	17,2	21	23,5	26,5	23,1	20,7	19	23,2	25,1
Победа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.	51,1	64,4	65,3	60,8	63,3	54,4	46	67	67,7
Победы россиян на международных конкурсах, фестивалях (музыка, кино)	10,3	4,5	5,2	8,2	6,5	8,2	14,3	4,8	4,3
Президент России Владимир Путин	10,6	10,7	16,2	8,7	12,1	11,2	4,7	11,4	16,4
Природные богатства России	29,7	13,1	12,5	14,4	17,6	16,2	24	13,3	11,1
Российская армия	10,6	6	4,4	5,4	5,2	9,5	5,3	6,1	5,5
Принятие Республики Крым в состав России	5,3	6	4,4	5,4	4,5	6,5	1,3	4,1	7
Успехи российских спортсменов	19,4	18,1	14,4	13,8	17,4	13,4	23,3	18,6	8,7
Историческое прошлое России	21,4	15,8	15,7	20,6	15,3	25,5	19,3	17,7	16,8
Российский народ, его характер и менталитет, способность стойчески переносить трудности, находить выход в сложных ситуациях	19,7	37,5	36,6	37,2	33,5	31,7	25	37	39,4

Для тех, кто ассоциирует себя с гражданами страны, российский народ чаще является поводом для гордости (33,5%), чем для тех, кто не ассоциирует

себя с гражданами России (18,4%). Российская армия практически с одинаковой частотой вызывает чувство гордости как у россиян (6,3%), так и у тех, кто себя с ними не идентифицирует (7,9%). С позиции гражданственности значимыми характеристиками оказались армия и народ России. Достоверные различия выделены цветом в таблице 2.

Гражданская идентичность базируется не только на положительных чувствах к родине, но и на полном принятии страны, т.е. люди могут и гордиться своей страной, ее успехами, событиями, людьми, и стыдиться каких-то событий, моментов, личностей, это не говорит об отсутствии патриотических чувств, скорее наоборот, это свидетельствует об адекватном восприятии действительности и наличии критического мышления. Так, А. В. Юревич приводит в пример исследование, проведенное в 1990-х гг. в Санкт-Петербурге, в котором жители города оценивали события из дореволюционного времени, советского и настоящего как повод для гордости или для стыда. В результате оказалось, что население чаще гордилось событиями, происходившими в дореволюционной России (46 — позитивно оцененных событий, 14 — негативно), в Советском Союзе события чаще оценивались как повод для стыда (26 — позитивных события, 40 — негативных), а события с момента перестройки до 1990-х гг. оценивались с позиции стыда (10 — позитивных и 38 негативных). Он отмечает, что это не говорит об ослаблении патриотизма или идентичности граждан, а скорее наоборот, при переживании чувства стыда может происходить «выделение даже в негативных событиях позитивных сторон, восприятие нашего народа как жертвы негативных событий и „историческое сострадание“ с ним. Видимо, такое эмоционально вовлеченное восприятие отечественной истории во всех ее светлых и темных сторонах более характерно для истинного патриота, чем идентификация с нашими победами и эмоциональное отвержение поражений» (Юревич, 2016).

Большая часть населения приграничных регионов испытывала чувство стыда за страну (75,6%). Чаще всего население выбирало такие причины, как низкий уровень жизни, низкие зарплаты, безработица, нищета (68,2%), коррупция, бюрократия (54,1%), положение дел в образовании, здравоохранении (32,2%), бездействие, плохая работа властей, недостойное поведение политиков (29,7%), упадок промышленности, сельского хозяйства, экономики в целом (24%).

В зависимости от региона проживания населения были выявлены статистически значимые различия в выборе причин стыда за страну: упадок промышленности, сельского хозяйства, экономики в целом, алкоголизм, наркомания, высокий уровень преступности, воровство, положение дел в образовании, здравоохранении, расхищение и продажа национальных богатств, государственной собственности. Все перечисленные проблемы характеризуют положение дел внутри страны: в экономике, здравоохранении, образовании.

Для мужчин и женщин были определены следующие статистически достоверные различия причин стыда за Россию, которые частично совпадают с предыдущей группой: низкий уровень жизни, низкие зарплаты, безработица, нищета, бездействие, плохая работа властей, недостойное поведение политиков, высокий

уровень преступности, воровство, наша внутренняя политика, внешняя политика государства, расхищение и продажа национальных богатств, государственной собственности, взаимоотношения с бывшими союзными республиками. При этом показатель «низкий уровень жизни» для женщин (71,7%) оказался более важен, чем для мужчин (61,8%), по остальным показателям, напротив, мужчины давали более высокие оценки. Для мужчин и женщин оказались значимыми материальные проблемы, а также внутренняя и внешняя политика государства и в целом деятельность властных структур. Достоверные различия выделены цветом в таблице 3.

Таблица 3.

Table 3.

Причины стыда за страну по различным основаниям, %

Causes of shame for the country on various grounds, %

	Регион				Пол		Возраст		
	Алтайский край	Воронежская область	Калининградская область	Хабаровский край	женщины	мужчины	до 30	31–49 лет	50 лет и старше
Низкий уровень жизни, низкие зарплаты, безработица, нищета	68	70	68,1	67,2	71,7	61,8	74,9	67	70,7
Коррупция, бюрократия	48,9	56,5	56,6	55,3	54,9	52,3	57,5	52,7	57
Упадок промышленности, сельского хозяйства, экономики в целом	22,8	19,2	20,8	33,4	23,9	24,4	23,7	28,3	21,2
Бездействие, плохая работа властей, недостойное поведение политиков	26,5	30	33,1	29,4	26,9	35,3	41,5	26,8	28
Низкий уровень культуры, деградация молодежи	20	19,5	24,4	25,3	22,3	22,6	17,7	23	26,9
Алкоголизм, наркомания	19,1	11,7	10,8	9,4	12,1	12,9	16,4	10,9	8,3
Высокий уровень преступности, воровство	9,5	4,2	5,7	3,1	4,2	8,3	8,4	4,1	2,6
Положение дел в образовании, здравоохранении	20,9	36,9	37,3	33,4	33,6	29,7	27,8	36,7	37
Положение страны в мире, отношение к ней за рубежом	7,4	8,7	8,4	8,1	7,2	10,1	11,7	5,3	9,3
Наша внутренняя политика	15,7	9,3	9,6	15,3	10,4	16,1	18,4	10,9	8,5
Внешняя политика государства	6,8	3,9	4,5	5,3	3,7	8,1	9	3,3	4,1
Расхищение и продажа национальных богатств, государственной собственности	16	28,8	22,9	28,1	23,1	24,4	17,4	25,4	26,9

	Регион				Пол		Возраст		
	Алтайский край	Воронежская область	Калининградская область	Хабаровский край	женщины	мужчины	до 30	31–49 лет	50 лет и старше
Нарушения прав человека	14,8	9,6	11,7	16,9	13	13,6	22,7	10,9	11,1
Взаимоотношения с бывшими союзными республиками	1,5	3,3	3,9	4,1	2,2	5,3	3,7	1,4	5,7
Меры, принимаемые по борьбе с распространением новой коронавирусной инфекции, организация вакцинации населения	11,1	6	5,4	7,5	7,5	7,8	10,7	6,6	3,1

Перечисленные причины стыда за страну тревожат население приграничных регионов и требуют решения, изменения ситуации в позитивную сторону. Однако стыд — вполне естественное чувство, которое также свидетельствует об отсутствии безразличия по отношению к своей стране и желании ей лучшей доли.

В зависимости от того, ассоциируют ли себя жители регионов с гражданами страны, в результате математического анализа были выявлены значимые причины стыда за страну. Те, кто не идентифицирует себя как гражданин России, оказались более активными в своих оценках, они чаще указывали на данные причины как на повод для стыда за страну: бездействие, плохая работа властей, недостойное поведение политиков (46,7%); упадок промышленности, сельского хозяйства, экономики в целом (37,3%); нарушения прав человека (29,3%); наша внутренняя политика (22,7%); высокий уровень преступности, воровство (20%); внешняя политика государства (14,7%); меры, принимаемые по борьбе с распространением новой коронавирусной инфекции, организация вакцинации населения (14,7%); положение страны в мире, отношение к ней за рубежом (13,3%); неудачи в спорте (6,7%).

Для тех, кто идентифицирует себя как гражданин России, распределение причин, по которым население исследуемых регионов испытывает стыд за страну, получилось примерно таким же, однако эти оценки не столь выражены, как у тех, кто не идентифицирует себя как гражданин страны: бездействие, плохая работа властей, недостойное поведение политиков (28,8%); упадок промышленности, сельского хозяйства, экономики в целом (23,4%); нарушения прав человека (12,3%); внутренняя политика (11,8%); положение страны в мире, отношение к ней за рубежом (7,8%); меры, принимаемые по борьбе с распространением новой коронавирусной инфекции, организация вакцинации населения (7,2%); высокий уровень преступности, воровство (4,8%); внешняя политика государства (4,5%); неудачи в спорте (1,6%).

Рисунок 2 — Причины стыда за страну в зависимости от гражданской самоидентификации, %.

Figure 2 — Causes of shame for the country depending on civic self-identification, %.

Таким образом, самыми значимыми причинами стыда за Родину оказались бездействие, плохая работа властей, недостойное поведение политиков; упадок промышленности, сельского хозяйства, экономики в целом; нарушения прав человека; внутренняя политика, как для россиян, так и для тех, кто не ассоциирует себя с гражданами страны.

Основные выводы исследования

Процессы идентификации сложны и разнообразны, они требуют полноценного включения человека в жизнь государства, в состав различных социальных групп, которые, в свою очередь, имеют различную степень значимости. Игнорирование, избегание каких-либо социальных групп и своих социальных ролей, будь то родитель, гражданин, студент, в массовом количестве чревато провалом в данной сфере для всего государства. Чтобы не произошло такого провала в сфере гражданской идентичности, государство уделяет большое внимание воспитанию, формированию данного вида идентичности с младшего возраста. Такое воспитание должно быть основано не просто на знаниевом компоненте, но и на ценностном, эмоциональном, что будет способствовать лично значимой гражданской идентичности, ответственной гражданской позиции. Человек

не может и не должен постоянно испытывать исключительно эмоциональный подъем и безоговорочную любовь к родине, он может также стыдиться каких-либо событий, личностей, которые формируют образ страны как в рамках государства, так и за его пределами.

Результаты исследования, проведенного в четырех приграничных регионах России, показали, что большая часть населения приграничных регионов имеет достаточно выраженную гражданскую идентичность, если основываться на их субъективных оценках. Чаще жители регионов ощущают близость с тремя социальными группами: с гражданами своей страны; с жителями своего населенного пункта; с людьми своей профессии. Было установлено, что население в Калининградской, Воронежской областях, Алтайском и Хабаровском краях чаще испытывает гордость за страну, чем чувство стыда, хотя и его испытывают большинство жителей регионов, при этом чаще испытывают гордость за страну люди среднего и старшего возрастов, а также те, кто идентифицируют себя с гражданами страны.

Самыми важными поводами гордости для населения служили знаменательные события в истории страны, особенности российского менталитета или такие характеристики, как победа в Великой Отечественной войне; народ России с его уникальными чертами и качествами характера.

Причинами стыда для людей чаще служат какие-то рутинные (обыденные) события, которые характеризуют их жизнь. Чаще всего причины для стыда за страну касались сферы экономики и экономических преступлений (коррупция, бюрократия), политики, образования, здравоохранения, бизнеса, природных ресурсов и богатств нашей страны, равнодушия и непрофессионализма властных структур. В зависимости от гражданской идентичности самыми значимыми причинами стыда за Родину оказались бездействие, плохая работа властей, недостойное поведение политиков; упадок промышленности, сельского хозяйства, экономики в целом; нарушения прав человека; наша внутренняя политика, как для россиян, так и для тех, кто не ассоциирует себя с гражданами страны, при этом те, кто не ассоциирует себя с гражданами страны, реагируют на данные причины более единодушно и выраженно, чем те, кто считают себя россиянами.

Полученные результаты позволяют сделать вывод о важности развития российской культуры, науки, образования, спорта, политики и экономики. Так как все причины для гордости заключали в себе характеристики страны из ее исторического прошлого, практически не было высказываний о гордости за страну на основании альтернатив, характеризующих ее настоящее. А вот причины для стыда, напротив, заключали в себе альтернативы не просто «бытовые», но и характеризующие ситуацию в стране в настоящее время. Ориентация на преодоление разных проблем как причины стыда, на улучшение качества жизни граждан, создание благоприятных условий для развития будет способствовать изменению чувств граждан, в целом эмоционального компонента в позитивную сторону, на базе чего будут строиться более важные и сложные компоненты гражданской идентификации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Арутюнова Е. М. Формирование государственно-гражданской идентичности молодежи (на примере московских студентов): автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2007.
- Арутюнова Е. М. Государственно-гражданская и этническая идентичности молодежи: общероссийский контекст и региональная специфика // Россия формирующаяся. 2017. № 15. С. 259–272.
- Арутюнян Ю. В. Россияне: проблемы формирования национально-гражданской идентичности в свете данных этносоциологии // Общественные науки и современность. 2009. № 4. С. 91–97.
- Асмолов А. Г. Как будем жить дальше? Социальные эффекты образовательной политики // Лидеры образования. 2007. № 6. С. 4–10.
- Безгина Н. В. Психологическая структура гражданской идентичности // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2013. № 3–1. С. 241–249.
- Галактионова Н. А. Гражданская идентичность как компонент личностной идентичности // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2010. № 1. С. 10–12.
- Губогло М. Н. Этничность как истина и как правда. Опыт лексико-семантического исследования // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Вып. 261. М., ИЭА РАН, 2017. 69 с.
- Гришина Е. А. Российская молодежь: проблемы гражданской идентичности. М., 1999.
- Денисова Г. С. Структура региональной идентичности городского и сельского населения Ростовской области // Наука и образование; хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2010. № 1. С. 82–90.
- Дробижева Л. М. Национально-гражданская и этническая идентичность: проблемы позитивной совместимости // Россия реформирующаяся. 2008. № 7. С. 215–228.
- Дробижева Л. М. Гражданская идентичность как условие ослабления этнического негативизма // Мир России. 2017. Т 26, № 1. С. 7–31.
- Иванова Н. А. Формирование патриотических ценностей студентов как одна из социально-управленческих задач государства // Пульс. 2017. Вып. 19, № 12. С. 327–331.
- Конода И. В. Становление гражданской идентичности россиян в процессе политической социализации: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2007.
- Кравченко Н. Ю. Гражданская идентичность современной России // Известия Саратовского университета. Социология. Политология. 2016. Т. 16, вып. 1. С. 5–8.
- Максимова С. Г., Атясова Н. Ю., Суртаева О. В., Шахова Е. В., Спирина А. С. Образ будущего России как основа для позитивной идентификации граждан // Society and Security Insights. 2021. Т. 4, № 4. С. 77–94. [https://doi.org/10.14258/ssi\(2021\)4-05](https://doi.org/10.14258/ssi(2021)4-05)

Махинин А. Н. Актуализация политики формирования российской гражданской идентичности в студенческой среде // Вестник Воронежского государственного педагогического университета. Серия: Проблемы высшего образования. 2016. № 3. С. 52–57.

Панкратов С. А., Тельнова Н. А. Специфика гражданской идентичности в условиях политической модернизации России // Известия Саратовского ун-та. Сер. Социология. Политология. 2011. Т. 11, вып. 4.

Сарыглар С. А. Особенности адаптивных стратегий иностранных мигрантов в приграничных регионах России // Society and Security Insights. 2022. Т. 5, № 2. С. 64–76. [https://doi.org/10.14258/ssi\(2022\)2-04](https://doi.org/10.14258/ssi(2022)2-04)

Тишков В. А., Российская идентичность: внутренние и внешние вызовы // Вестник Российской академии наук. 2019. Т. 89, № 4. С. 408–412.

Тишков В. А., Степанов В. В. Русский язык — язык гражданской нации. Измерение культурного многообразия. Языковая ситуация, переписи, полевая этностастика. М. : ИЭА РАН, 2019.

Юревич А. В. Психологические аспекты патриотизма // Прикладная юридическая психология. 2016. № 1. С. 5–21.

REFERENCES

Arutyunova, E. M. (2007). *Formation of state-civil identity of youth (on the example of Moscow students): PhD Thesis*. Moscow. (In Russ.).

Arutyunova, E. M. (2017). State-Civil and Ethnic Identities of Youth: All-Russian Context and Regional Specifics. *Russia is emerging*, 15, 259–272. (In Russ.).

Arutyunyan, Yu. V. (2009). Russians: problems of the formation of national-civil identity in the light of ethnosociology data. *Social Sciences and Modernity*, 4, 91–97. (In Russ.).

Asmolov, A. G. (2007). How will we live on? Social effects of educational policy. *Education leaders*, 6, 4–10. (In Russ.).

Bezgina, N. V. (2013). Psychological structure of civil identity. *News of the Tula State University. Humanitarian sciences*, 3(1), 241–249. (In Russ.).

Galaktionova, N. A. (2010). Civil Identity as a Component of Personal Identity. *News of higher educational institutions. Sociology. Economy. Policy*, 1, 10–12. (In Russ.).

Guboglo, M. N. (2017). Ethnicity as truth and as truth. *Experience of lexico-semantic research. Research in applied and urgent ethnology*. Vol. 261. Moscow : IEA RAN. P. 69. (In Russ.).

Grishina, E. A. (1999). *Russian youth: problems of civic identity*. Moscow. (In Russ.).

Denisova, G. S. (2010). The structure of regional identity of the urban and rural population of the Rostov region. *Science and education; economy and economy; entrepreneurship; law and management*, 1, 82–90. (In Russ.).

Drobizheva, L. M. (2008). National-Civil and Ethnic Identity: Problems of Positive Compatibility. *Reforming Russia*, 7, 215–228. (In Russ.).

Drobizheva, L. M. (2017). Civic identity as a condition for the weakening of ethnic negativism. *World of Russia*, 26(1), 7–31. (In Russ.).

- Ivanova N. A. (2017). Formation of patriotic values of students as one of the social and managerial tasks of the state. *Pulse*, 19(12), 327–331. (In Russ.).
- Konoda, I. V. (2007). *The formation of the civic identity of Russians in the process of political socialization: PhD Thesis*. Moscow. (In Russ.).
- Kravchenko, N. Yu. (2016). Civil identity of modern Russia. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Sociologiya. Politologiya*, 16(1), 5–8. (In Russ.).
- Maximova, S. G., Atyasova, N. Yu., Surtaeva, O. V., Shakhova, E. V., Spirina, A. S. (2021). The Image of the Future of Russia as a Basis for Positive Identification of Citizens. *Society and Security Insights*, 4(4), 77–94. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/ssi\(2021\)4-05](https://doi.org/10.14258/ssi(2021)4-05)
- Makhinin, A. N. (2016). Actualization of the policy of formation of civil identity in the student environment. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Problemy vysshego obrazovaniya*, 3, 52–57. (In Russ.).
- Pankratov, S. A., Telnova, N. A. (2011). The specificity of civil identity in the context of Russia's political modernization. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Sociologiya. Politologiya*, 11(4). (In Russ.).
- Saryglar, S. A. (2022). Features of adaptive strategies of foreign migrants in the border regions of Russia. *Society and Security Insights*, 5(2), 64–76. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/ssi\(2022\)2-04](https://doi.org/10.14258/ssi(2022)2-04)
- Tishkov, V. A. (2019). Russian Identity: Internal and External Challenges. *Bulletin of the Russian Academy of Sciences*, 89(4), 408–412. (In Russ.).
- Tishkov, V. A., Stepanov, V. V. (2019). *Russian is the language of a civil nation. Measuring cultural diversity. Language situation, censuses, field ethnostatistics*. Moscow : IEA RAN. (In Russ.).
- Yurevich, A. V. (2016). Psychological aspects of patriotism. *Applied legal psychology*, 1, 5–21. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT AUTHOR

Дарья Константиновна Щеглова — аспирант кафедры социальной и молодежной политики Института гуманитарных наук, Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия.

Daria K. Shcheglova — Postgraduate Student, Department of Social and Youth Policy, Institute for the Humanities, Altai State University, Barnaul, Russia.

Статья поступила в редакцию 11.05.2023;
одобрена после рецензирования 04.06.2023;
принята к публикации 15.06.2023.

The article was submitted 11.05.2023;
approved after reviewing 04.06.2023;
accepted for publication 15.06.2023.

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ И ПЕРВЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ОПЫТ

BRIEF COMMUNICATIONS AND THE FIRST RESEARCH EXPERIENCE

Научная статья / Research Article
УДК 330.59 / ББК 65.9(2РОС)-94
DOI: 10.14258/SSI(2023)2-12

Уровень жизни молодежи в регионе: динамика субъективных оценок

Ксения Евгеньевна Косыгина¹
Никита Геннадьевич Захаров²

---

¹Вологодский научный центр Российской академии наук, Вологда, Россия
sene4ka.87@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5875-8912>

²Вологодский научный центр Российской академии наук, Вологда, Россия
zaharoff.nikita@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7630-8373>

Аннотация. Приоритетные стратегические документы, утвержденные в российском государстве в последнее десятилетие, непосредственно или косвенно касаются повышения уровня жизни населения. Одной из ключевых задач является создание условий для реализации имеющегося ресурсного потенциала представителей молодого поколения, что невозможно без увеличения доходов и повышения их уровня жизни. Целью данной статьи выступает оценка уровня жизни молодого поколения в региональном разрезе на основе социологических данных (субъективных оценок). Эмпирическую базу исследования составили данные мониторинга общественного мнения, проводимого на территории Вологодской области (n=1500). В теоретико-методологической части статьи представлены основные научные подходы к категориям «уровень жизни» и «молодежь». В основных результатах (эмпирической части) выполнен анализ субъективных оценок уровня жизни молодого поколения в динамике за 2018–2022 годы по индикаторам покупательной спо-

способности, самооценке материального положения, социальной самоидентификации и зависимости от государственной поддержки. Выявлено, что молодежь в регионе обладает невысокими потребительскими возможностями, большинство свободно распоряжается доходами только в рамках базовых потребностей; преобладающими остаются группы малообеспеченного и среднеобеспеченного молодого населения. Делается вывод о более высоких субъективных оценках уровня жизни молодого поколения в отличие от оценок старшего поколения. Отмечены положительные тенденции в самооценках материального положения молодежи за последний год наблюдений (2021 г. к 2022 г.).

Ключевые слова: уровень жизни, регион, молодежь, субъективные оценки, общественное мнение

Финансирование: работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ FMGZ-2022-0013 «Социальная реальность: национальное развитие и региональные тренды».

Для цитирования: Косыгина К. Е., Захаров Н. Г. Уровень жизни молодежи в регионе: динамика субъективных оценок // Society and Security Insights. 2023. Т. 6, № 2. С. 182–198. doi: 10.14258/ssi(2023)2-12.

Standards of Living of Youth in the Region: Dynamics of Subjective Assessments

Kseniya E. Kosygina¹
Nikita G. Zaharov²

---

¹Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia
sene4ka.87@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5875-8912>

²Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia
zaharoff.nikita@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7630-8373>

Abstract. Priority strategic documents approved in the Russian state in the last decade directly relate to improving the living standards of the population. One of the key tasks is to create conditions for the realization of the existing resource potential of the younger generation, which is impossible without increasing incomes and improving their living standards. The purpose of this article is to assess the standard of living of the younger generation in the regional context based on sociological data (subjective assessments). The empirical base of the study was the data of public opinion monitoring conducted in the territory of the Vologda Oblast (n=1500). The theoretical and methodological part of the article presents the main scientific approaches to the categories of «standard of living» and «youth». The main results (empirical part) analyze the subjective assessments of the living standards of the younger generation in dynamics for 2018–2022 in terms of purchasing power indicators, self-assessment of the financial situation, social self-identification and dependence on state support. It was revealed that young people in the region have low consumer opportunities, the majority freely dispose of their income only within the framework of basic needs (purchase of food, clothing, payment for necessary services); the groups of low-income and middle-income young people remain predominant. The conclusion is made about higher sub-

jective assessments of the quality of life of the younger generation, in contrast to the assessments of the older generation.

Keywords: standard of living, region, youth, subjective assessments, public opinion

Financial Support: the work was carried out within the framework of the state task of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation FMGZ-2022-0013 «Social Reality: National Development and Regional Trends».

For citation: Kosygina, K.E., Zaharov, N.G. (2023). Standards of Living of Youth in the Region: Dynamics of Subjective Assessments. *Society and Security Insights*, 6(2), 182–198. (In Russ.). doi: 10.14258/ssi(2023)2-12.

Введение

Целевым показателем Указа Президента Российской Федерации «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» является повышение уровня жизни граждан, снижение бедности в два раза и рост реальных доходов населения¹. Уровень жизни — это субъективно-объективная характеристика, отражающая степень удовлетворения разноуровневых потребностей населения посредством материальных благ и определяемая доходами населения. Таким образом, центральной категорией уровня жизни являются доходы населения, повышение которых, в свою очередь, является приоритетом при реализации национальных проектов и программ. При этом особое внимание при решении поставленных задач необходимо уделять молодежи — социально-возрастной группе населения, являющейся социальным и экономическим потенциалом общества (Карцева, 2017), движущей силой преобразований (Горшков, Шереги, 2020), драйвером перемен (Петухов, Петухов, 2019). При этом несоответствие запросов в отношении своего материального благополучия, уровня жизни выступает одним из факторов накопления социальной напряженности и социально-экономического недовольства. В сфере экономики молодежь выступает значимым трудовым ресурсом, однако специфика молодежного ресурса труда, избыливающего физической энергией, стремлением к скорейшей самореализации, самоутверждению, самоопределению в жизни, состоит в том, что молодежь в то же время является одной из наиболее уязвимых социальных групп населения (Бобков, Бобков, 2016). Молодые люди находятся на старте самостоятельного жизненного пути, и недостаточно широкие жизненные перспективы могут повлиять на воспроизводственные процессы в экономике, а также вызвать негативные демографические показатели.

Перечисленные аспекты актуализируют проблему рассмотрения уровня жизни молодого поколения в современных условиях. В то же время особую значимость приобретают эти вопросы в пространстве отдельных регионов. Таким образом, целью данной статьи выступает оценка уровня жизни молодого поколения в региональном разрезе на основе социологических данных (субъектив-

---

¹ Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027>

ных оценок). Востребованность субъективных оценок уровня и качества жизни обусловлена тем фактом, что нельзя найти объективные аналоги того, что люди думают о своей жизни (Шабунова, Россошанский, 2018).

Теоретико-методологическая часть: обоснование категорий

Первая ключевая категория, используемая в исследовании, — это молодежь. В научной литературе существует достаточно много определений понятия «молодежь», что связано с вопросами возрастных границ, социальных, психологических, физиологических особенностей. Так, например, представители уральской социологической школы при трактовке понятия наряду с возрастными ограничениями выделяют физиологические и социально-психологические качества, позволяющие отнести изучаемую социальную группу к молодежи (Заборова, Мылгасова, 2019). Ю.В. Вишневский и научный коллектив авторов рассматривают студенческую молодежную когорту, опираясь на ценностные ориентиры и установки (Банникова, Боронина, Вишневский, 2013). Трактовки, сформулированные исходя из особенностей социального положения молодежи, понимающие ее в качестве субкультуры (Воробьева, Ярлова, 2021) или определяющие ее с точки зрения воспроизводства общества и репродуктивного поведения (Калачикова, Короленко, 2022), исключают значительную часть молодого поколения из объекта анализа, но актуальны для профильных исследований и отдельных областей знаний.

Определение молодежи как возрастной группы остается самым востребованным в научном дискурсе, несмотря на возникновение множества дискуссий вокруг данного понятия (Зубок, Чупров, 2017; Threadgold, 2020; Furlong, 2013). В современном российском законодательстве молодежь определяется как социально-демографическая группа в возрасте 14–35 лет, что закреплено в ст. 2 Федерального закона «О молодежной политике в Российской Федерации»¹. При этом изменения в закон внесены в 2020 г., в предыдущей редакции документа возрастные границы молодости устанавливались в пределах до 30 лет.

В настоящем исследовании молодежь рассматривается по возрастному признаку. В целях обеспечения сопоставимости результатов наблюдений в динамике (до 2020 г.) для выявления особенностей уровня жизни молодежи исследование ограничивается возрастной группой респондентов от 18 до 30 лет.

Второй ключевой категорией является уровень жизни, который рассматривается представителями ряда научных школ и подходов. Проблемами уровня и качества жизни занимаются ученые ИСЭПН ФНИСЦ РАН. Авторы понимают под «уровнем жизни населения денежную (в сопоставимых ценах), относительную (по сравнению с социальными стандартами) стоимость жизни и натурально-вещественную оценку потребления личностью, социальными группами и обществом благ во всех сферах их деятельности» (Степанов и др., 2022: 451). В приведенном определении применяется подход, основанный на потреблении и разработанный такими исследователями, как Н.М. Римашевская, Н.А. Горе-

¹ Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации» от 30.12.2020 № 489-ФЗ. URL: <https://fzrf.su/zakon/o-molodezhnoj-politike-489-fz/st-2.php>

лов, Н. П. Федоренко, В. Н. Бобков, П. В. Савченко, Ю. П. Кокина. В рамках данного подхода важно наличие базы, в которую входят потребности населения. Как отмечают исследователи, уровень жизни представляет собой своеобразный мост между возможностями удовлетворения разнообразных потребностей человека и степенью его включения в производительную трудовую и активную общественную деятельность (Уровень жизни и социальная реальность..., 2015).

Следующий подход предполагает оценку уровня жизни в зависимости от доходов населения и находящихся в распоряжении человека благ (ресурсная концепция). В. Ф. Майер считает, что уровень жизни в первую очередь зависит от обеспеченности населения материальными и духовными благами (Майер, 1998). В свою очередь, степень удовлетворения благами зависит от объема доходов и дальнейшего распоряжения своими доходами граждан. В зарубежной литературе уровень жизни зачастую определяется степенью взаимозависимости двух ключевых показателей, характеризующих благосостояние населения. Так, учеными исследуется связь между доходами населения и заявленными представлениями о прожиточном минимуме (Johnston, Menon, 2021). То есть доходы сопоставляются с теми минимальными товарами и услугами, которыми себя должен обеспечивать каждый гражданин. Авторами выявлена отрицательная взаимосвязь между доходами и рекомендованным минимальным уровнем жизни.

Одним из концептов в исследованиях уровня жизни является подход от производства. Авторы рассматривают уровень жизни в качестве характеристики количества потребляемых обществом материальных, социальных и культурных благ для достижения удовлетворения необходимых потребностей с учетом развития производительных сил, эффективности труда занятых (Минякова, 2012).

В социально-экономических исследованиях широко применяется трактовка уровня жизни с позиции ее стоимости (Зубец, Новиков, 2018). Стоимость жизни рассматривается как сумма доходов, необходимых для покрытия основных расходов (Суринов, Луппов, 2022). В рамках данного подхода изменение уровня жизни связано с динамикой потребительских цен и структурными трансформациями в потреблении людей в результате возрастания их уровня удовлетворения потребностей.

Помимо перечисленных подходов, исследователями выделяются четыре детерминанты, влияющие ключевым образом на уровень жизни: занятость, доход, здоровье и социальный капитал (Stutzer, Frey, 2012). Сама категория уровня жизни рассматривается в рамках направления «экономики счастья». Именно эмоциональные аспекты в оценках населением тех или иных сторон своей жизни определяют то, насколько опрошиваемые респонденты удовлетворены своей жизнью.

Таким образом, краткий теоретический обзор показал, что уровень жизни — сложная категория, имеющая множество аспектов, однако в большей степени отражающая материально-финансовую сторону самочувствия населения и связанная с удовлетворением потребностей. В этом контексте в представленном исследовании особое внимание уделяется финансовым компонентам уровня жизни молодежи, которые рассматриваются с точки зрения субъективных оце-

нок молодежи по индикаторам покупательной способности, самооценке материального положения, социальной самоидентификации и зависимости от мер государственной поддержки.

Материалы и методы

Эмпирическую базу исследования составили данные мониторинга общественного мнения, проводимого на территории Вологодской области. В мониторинге применяется метод опроса — анкетирование по месту жительства респондентов. Объем выборочной совокупности — 1500 человек в возрасте 18 лет и старше. Репрезентативность социологической информации обеспечивается использованием модели многоступенчатой районированной выборки с квотным отбором единиц наблюдения на последней ступени. На первой ступени ведется выделение территорий (типичных субъектов региона). Вторая ступень представляет собой территориальное районирование внутри выбранных субъектов. На третьей ступени ведется отбор респондентов по заданным квотам по полу и возрасту. Данные для достижения цели исследования взвешены по социально-демографическим параметрам. Ошибка выборки не превышает 3%. Анализ субъективных оценок уровня жизни молодого поколения осуществляется в динамике за 2018–2022 гг. Период исследования выбран с опорой на то, что в 2018 г. во внутренней жизни страны произошли значимые события, предопределившие ее дальнейшее развитие на среднесрочную перспективу, — принятие стратегических документов (Указ Президента РФ № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»), старт реализации национальных проектов, в каждом из которых поставлены задачи повышения качества и уровня жизни населения, в том числе молодого поколения россиян. Следует отметить, что период с 2020 по 2022 г. характеризуется кризисными явлениями в социально-экономической жизни как страны в целом, так и ее регионов. Среди причин: неустойчивость социально-экономической ситуации в 2020–2021 гг., связанная с пандемией, а также начавшаяся в 2022 г. специальная военная операция российских войск на Украине, повлиявшая на внешнеполитические отношения и экономическое развитие.

Основные результаты исследования

Субъективные оценки покупательной способности

Покупательная способность доходов населения выступает в качестве индикатора уровня жизни, имеет взаимосвязь с потреблением, отражая степень удовлетворения потребностей. В 2022 г. значительная часть молодых людей охарактеризовала свои потребительские возможности как невысокие: более половины опрошенных отмечают, что их доходов достаточно для приобретения необходимых продуктов и одежды, однако более крупные покупки приходится откладывать на потом (50%). О некоторых позитивных изменениях говорит то, что по сравнению с 2018 г. снизилась доля малообеспеченной молодежи на 4% (с 54 до 50%), вместе с тем значительной части молодых людей (33%) денег хватает толь-

ко на обеспечение продуктовой корзины. В динамике с 2018 г. оценки свидетельствуют об отсутствии существенных положительных изменений в показателях покупательной способности доходов молодежи в регионе. Между тем по сравнению со средними значениями по области не наблюдается отличий в ответах. Однако молодежь чаще, чем население в целом, позволяет себе покупку товаров длительного пользования, бытовой техники (табл. 1).

Таблица 1.

Table 1.

Распределение ответов на вопрос «Какая из приведенных ниже оценок наиболее точно характеризует Ваши денежные доходы?», %

Distribution of answers to the question «Which of these estimates characterizes your income?», %

Вариант ответа/год	2018		2022	
	18–30 лет	Среднее по опросу	18–30 лет	Среднее по опросу
1. Денег вполне достаточно, чтобы ни в чем себе не отказывать	4,1	3,9	1,9	2,3
2. Покупка большинства товаров длительного пользования (холодильник, телевизор) не вызывает трудностей, однако покупка автомашины сейчас недоступна	9,1	8,4	12,7	9,7
3. Денег достаточно для приобретения необходимых продуктов и одежды, однако более крупные покупки приходится откладывать на потом	53,8	49,3	50,4	49,8
4. Денег хватает только на приобретение продуктов питания	28,4	32,8	30,5	33,2

Источник: Мониторинг общественного мнения, Вологодская область, N=1500.

По данным мониторинга в 2022 г. 31% опрошенных респондентов до 30 лет могли позволить себе приобретение большинства продуктов питания, кроме самых дорогостоящих. В то же время среди людей возраста 30–55 лет эта цифра составила 25%, среди людей старше 55 лет — 17%. Экономить на продуктах питания постоянно были вынуждены 18% молодежи, 23% людей средних лет и 27% пожилых людей. Экономить на продовольствии в редких случаях приходилось 52% молодых людей, 45% людей среднего возраста и 44% людей старше 55 лет. По другим видам товаров распределение примерно такое же: молодежь реже экономит на одежде и обуви, на лекарственных препаратах, на покупке детских товаров, отдыхе и путешествиях, досуге и развлечениях, бытовой технике и электронике, чем остальные возрастные группы. Тем не менее разница в ответах незначительная.

Важными представляются данные о возможности оплаты различных услуг, включая медицинские, образовательные, культурно-досуговые и т.д. Большинство услуг, кроме самых дорогостоящих, может оплатить только 18% людей до

30 лет. Среди людей в возрасте 30–55 лет данный показатель составил 19%, среди людей старше 55 лет — 9%.

Следует обратить внимание, что в разрезе возрастных категорий самая низкая покупательная способность наблюдается у людей старше 55 лет. Наиболее остро проблемы с приобретением продуктов питания испытывает старшее поколение, в отличие от молодежи и лиц среднего возраста. Отчасти указанные тенденции объясняются рядом факторов. Помощь молодежи оказывают родственники (Гурко, 2020). По данным ВЦИОМ, чем моложе респондент, тем чаще ему финансово помогает семья: 52% молодежи получают помощь от родителей, 18% — от бабушек и дедушек¹. Кроме того, на государственном уровне вводятся меры социальной поддержки молодых семей (социальные выплаты, льготное ипотечное кредитование, материнский капитал и др.). На рынке труда появляются новые профессии, к которым молодые люди быстрее приспосабливаются, особенно это касается цифровых компетенций и навыков (Кириллова, Попов, 2022). Молодежь обладает более высоким уровнем здоровья и социальной активности, что способствует расширению возможностей для занятости, в том числе неформальной, без заключения трудового договора и официально учтенного дохода. Однако, несмотря на отмеченные позитивные факторы, анализ данных опроса показал, что покупательная способность доходов молодежи находится в стагнации на протяжении пяти лет.

Социальная самоидентификация

Следующим индикатором уровня жизни выступает социальная самоидентификация — отождествление себя с социальной группой по экономическим параметрам. В 2022 г. 44% молодых людей позиционировали себя как «бедные» и «нищие». Доля молодежи, относящей себя к категории со средним достатком, также составила 44%. К богатым, по собственным оценкам, относятся менее 1%. По данным общероссийского социологического исследования ФНИСЦ РАН на 2021 г. по расчетам авторов, выполненных на основе установленных критериев (уровень дохода, наличие высшего образования, профессиональные позиции), к среднему классу себя причисляет 17,7% молодежи (Мареева, 2022).

В динамике за 2018–2022 гг. произошло перераспределение между группами: незначительно увеличился удельный вес молодых людей, ощущающих себя «нищими», а доля самоидентифицирующих себя как «бедные» сократилась. По отношению к общерегиональным данным существенных различий в оценках молодежи и населения в целом не наблюдается, за исключением категории «бедные»: среди молодой когорты бедных — 30%, среднее по опросу — 34% (табл. 2).

Исходя из данных в возрастном разрезе, меньше всего чувствовали себя бедными в период 2018–2022 гг. представители молодежи (32–38%) и лица в возрасте 30–55 лет (32–36%), в наибольшей степени к категории бедных относило себя старшее поколение (37–42%). Позитивным моментом является то, что за последний год наблюдений (2021 г. к 2022 г.) снизилась доля молодых людей, относящих себя к «бедным» и «нищим», с 47 до 40% (рис. 1).

¹ Результаты совместного исследования ВТБ И ВЦИОМ о финансовых взаимоотношениях между членами семьи. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/dela-semeinye>

Таблица 2.

Table 2.

Распределение ответов на вопрос «К какой категории Вы себя относите?», %

Distribution of answers to the question «What category do you belong to?», %

Вариант ответа/год	2018		2022	
	18–30 лет	Среднее по опросу	18–30 лет	Среднее по опросу
Богатые	0,9	1,0	0,9	0,9
Средний достаток	43,9	42,3	43,8	42,1
Бедные	32,3	35,9	30	33,6
Нищие	8,1	10,1	10,2	10,5

Источник: Мониторинг общественного мнения, Вологодская область, N=1500.

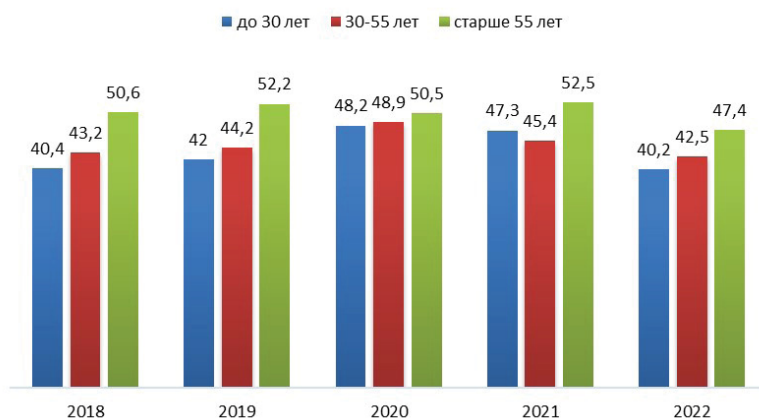

Рисунок 1 — Распределение ответов на вопрос «К какой категории Вы себя относите?», вариант ответа «бедные» и «нищие», %.

Figure 1 — Distribution of answers to the question «Which category do you belong to?», answer: «poor» and «beggars», %.

Источник: Мониторинг общественного мнения, Вологодская область, n=1500.

Как показывают исследования, самоидентификация молодых людей с той или иной социальной группой населения зависит от наличия или отсутствия рабочего места, уровня заработной платы. В среднем смена рабочего места у молодых людей происходит гораздо чаще, а к средним годам этот процесс останавливается получением стабильной работы, созданием семьи и наличием детей (Демиденко, 2019). В то же время последняя информация статистического наблюдения свидетельствует, что за 2022 г. сократилось количество работников моложе

35 лет на 1,3 млн чел. по сравнению с предыдущим годом, по среднероссийским данным доля молодежи в объеме всех занятых составила 30%¹.

Оценки материального положения

В 2022 г. удельный вес молодежи, ответившей, что материальное положение не изменилось по сравнению с предыдущим годом, составил 45%, что ниже оценок 2018 г. на 5%. Наблюдается негативная динамика: вариант ответа «материальное положение стало хуже» в 2022 г. выбрали 32% молодых респондентов, в начале периода измерений таких оценок было меньше на 8%, так считали 24%. Различия в оценках молодежи и населения региона в целом находятся в пределах статистической погрешности и не являются значимыми (табл. 3).

Таблица 3.

Table 3.

Распределение ответов на вопрос «Как Вы оцениваете свое материальное положение: оно лучше или хуже, чем было год назад?», %

Distribution of answers to the question «How do you evaluate your financial situation: is it better or worse than it was a year ago?», %

Вариант ответа/ год	2018		2022	
	18–30 лет	Среднее по опросу	18–30 лет	Среднее по опросу
Лучше	9,9	8,3	10	7,2
Такое же	49	51,6	44,6	48,9
Хуже	24,4	25,8	31,6	33,7

Источник: Мониторинг общественного мнения, Вологодская область, N=1500.

При этом финансовую ситуацию в своей семье охарактеризовали как «хорошую» только 11% лиц в возрасте до 30 лет. Противоположной точки зрения придерживаются 30% молодежи и считают материальное положение семьи плохим. Следует обратить внимание, что разница в оценках более чем в 2 раза в негативную сторону. Необходимый доход на одного члена семьи для нормальной жизни оценивается молодежью региона в 2022 г. в 60,5 тыс. руб., запрос людей среднего возраста ниже — 58,1 тыс. руб., старшему поколению для жизни требуется 48,0 тыс. руб. Средний фактический доход молодежи по опросу составил 18 тыс. руб., что более чем в 3 раза меньше необходимого. Между тем при ответе на вопрос о соотношении роста цен и доходов 65% молодых людей считают, что «цены будут расти быстрее доходов», и только 6% полагают обратное. В оценке инфляции и доходов молодежь более оптимистична, чем лица среднего и старшего возраста.

В 2021 г. представители всех возрастных категорий населения одинаково реагировали на изменения своего материального положения: увеличилась доля

¹ Итоги выборочного обследования рабочей силы // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265>

негативных мнений по отношению к 2020 г. При этом в оценках 2022 г. наиболее явно наблюдается улучшение в суждениях молодежи (рис. 2).

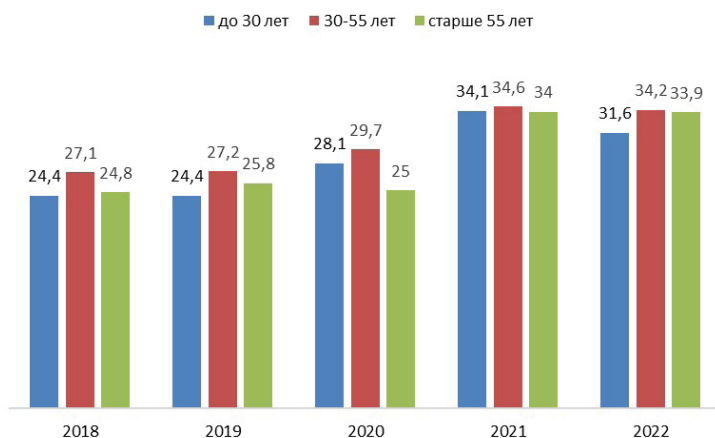

Рисунок 2 — Распределение ответа на вопрос «Как Вы оцениваете свое материальное положение: оно лучше или хуже, чем было год назад?», вариант ответа: «хуже», %.

Figure 2 — Distribution of answers to the question «How do you assess your financial situation: is it better or worse than it was a year ago?», answer: «worse», %.

Источник: Мониторинг общественного мнения, Вологодская область, N=1500.

Таблица 4.

Table 4.

Распределение ответа на вопрос «Как Вы считаете, через год Ваше материальное положение будет лучше, или хуже, или примерно такое же, как сейчас?», 2022 г, %

Distribution of answers to the question «Do you believe that in a year your financial situation will be better, worse or pretty much the same as it is now?», 2022, %

Вариант ответа	18–30 лет	30–55 лет	Старше 55 лет
Будет лучше	15,0	9,4	4,1
Будет такое же	31,3	37,3	44,5
Будет хуже	22,0	27,3	30,8
Затрудняюсь ответить	31,8	25,9	20,6

Источник: Мониторинг общественного мнения, Вологодская область, N=1500.

Оценивая перспективы и отвечая на вопрос «Как Вы считаете, через год Ваше материальное положение будет лучше или хуже, или примерно такое же, как сейчас?», выделяется молодежь, которая более позитивно настроена в отношении ожиданий от будущего, чем люди среднего и особенно старшего возраста. Однако среди молодого поколения значительна доля затруднившихся ответить

(32%), что отчасти говорит о преобладании в сознании молодежи тенденции неопределенности завтрашнего дня (табл. 4).

Государственная поддержка

Достижение высоких стандартов уровня жизни населения в условиях изменчивости и нестабильности социально-экономической среды предполагает необходимость осуществления государственной политики в этом направлении и ее совершенствование на национальном и региональном уровне. В отношении уровня жизни в России действует ряд федеральных и региональных законов, программ, проектов. Например, федеральные законы «О минимальном размере оплаты труда», «О прожиточном минимуме в РФ», «О потребительской корзине в целом по РФ», «Об основах социального обслуживания граждан в РФ» и др. Реализуются нацпроекты, которые прямо или косвенно затрагивают проблему повышения уровня жизни молодежи. В этой связи интересными представляются данные, характеризующие возложение ответственности разными возрастными категориями населения за свой уровень жизни на государство. Видно, что молодежь и люди среднего возраста в равной степени рассчитывают на государственную поддержку: с 2018 по 2022 г. их удельный вес составляет 44–49%, однако по сравнению с 2018 г. доля «зависящих» от мер государственной поддержки (и соответственно запрос на них) возросла во всех возрастных группах (рис. 3).

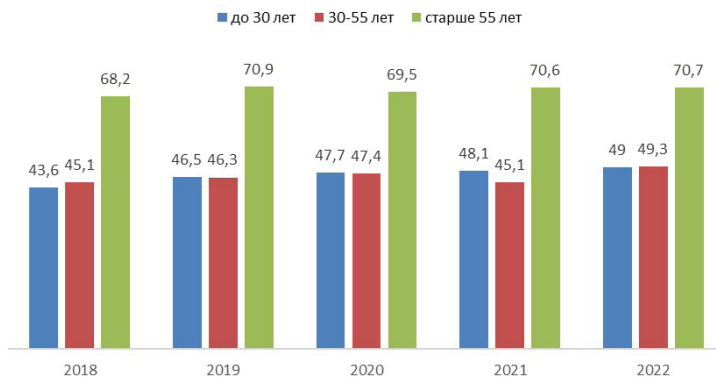

Рисунок 3 — Распределение ответа на вопрос «Как Вы считаете, насколько Вы лично нуждаетесь сегодня в поддержке государства?», вариант ответа: «без поддержки со стороны государства мне и моей семье не выжить», %.

Figure 3 — Distribution of answers to the question «In your opinion, How badly you need government support today?», answer: «without government support, me and my family will not survive», %.

Источник: Мониторинг общественного мнения, Вологодская область, N=1500.

Результаты опроса показали, что молодежь чаще отвечает, что сможет обеспечить себя и свою семью и не нуждается в поддержке со стороны государства (24–28%), чем люди в возрасте 55 лет и старше (11–14%). Ожидания молодежи и людей средних лет помощи государства в равной степени умеренные.

Заключение

Таким образом, проведенный анализ уровня жизни молодежи позволил выявить разноплановые тенденции. В целом субъективная оценка материальных возможностей дифференцируется по возрастному критерию. Молодежь более уверенно чувствует себя в материальном положении, чем старшее поколение. В динамике за 2021–2022 гг. наблюдаются незначительные позитивные изменения в социальной самоидентификации. Самооценки собственного социально-экономического статуса снижаются по мере повышения возраста. Однако результаты исследования свидетельствуют о невысоких потребительских возможностях молодых людей, большинство свободно распоряжается доходами только в рамках базовых потребностей (покупка еды, одежды, оплата необходимых услуг); преобладающими остаются группы малообеспеченного и среднеобеспеченного молодого населения. Соотношение необходимого и фактического дохода характеризуется значимым разрывом более чем в 3 раза.

С целью нивелирования выявленных негативных тенденций необходимы модернизация, усовершенствование принятых государственных мер по повышению уровня жизни молодежи. Следует подчеркнуть, что требуется повышение ответственности государственных институтов за принимаемые решения и укрепление согласованности действий органов власти в регионах при реализации программ и мероприятий поддержки молодежи в различных сферах. Кроме того, для обеспечения собственной благополучной жизни молодому поколению целесообразно включаться в программы содействия, которые предлагаются как государственным сектором, так и частным. Одной из ключевых мер поддержки молодежи является создание рабочих мест для молодых людей, не имеющих стажа и опыта работы. На самих рабочих местах необходимо обеспечить условия для карьерного роста, что будет повышать количество узкоспециализированных кадров и гарантирует получение стабильной работы с молодого возраста. Второй по важности мерой представляются программы получения доступного жилья. Запрос молодежи на самостоятельную жизнь, способствующий выработке необходимых для жизни в обществе навыков, достаточно высок.

В заключение следует отметить, что анализ уровня жизни молодого поколения на данных социологических опросов позволяет осуществить разностороннюю оценку его социальной адаптации, которая может использоваться органами государственного управления как основа при разработке государственных документов развития, что повысит эффективность социальной политики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Банникова Л. Н., Боронина Л. Н., Вишневецкий Ю. Р. Новые явления в ценностных ориентациях уральского студенчества // Социологические исследования. 2013. № 2. С. 57–68.

Бобков В. Н., Бобков Н. В. Экономическая активность российской молодежи и проблемные зоны ее реализации // Уровень жизни населения регионов России. 2016. № 2 (200). С. 8–29.

Воробьева М. В., Ярова Т. В. Молодежная субкультура и поколение Z // Педагогическое образование и наука. 2021. № 1. С. 90–96.

Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований. М. : ФНИСЦ РАН, 2020. 688 с.

Гурко Т. А. Взаимопомощь городских родителей и взрослых детей: различия в возрастных, образовательных и доходных группах // Социологическая наука и социальная практика. 2020. № 8. С. 134–148.

Демиденко С. Ю. Молодежь без работы: поддержка семьи как (де)стабилизирующий фактор // Петербургская социология сегодня. 2019. № 11. С. 50–67.

Заборова Е. Н., Мылгасова О. В. Социология молодежи: уральская школа // Logos et Praxis. 2019. № 3. С. 69–77.

Зубец А. Н., Новиков А. В. Численная оценка стоимости жизни человека в России и в мире // Финансы: теория и практика. 2018. № 22(4). С. 52–75. DOI 10.26794/2587-5671-2018-22-4-52-75

Зубок Ю. А., Чупров В. И. Современная социология молодежи: изменяющаяся реальность и новые теоретические подходы // Россия реформирующаяся. 2017. №15. С. 12–48.

Карцева Л. В. Студенческая молодежь о молодежи: самопредставление и реальность // Вестник КазГУКИ. 2017. № 3. С. 121–124.

Кириллова А. Д., Попов А. В. Перспективы развития сферы труда и занятости в условиях цифровизации экономики // Вестник университета. 2022. № 10. С. 134–140. DOI 10.26425/1816-4277-2022-10-134-140.

Короленко А. В., Калачикова О. Н. Репродуктивные установки молодых семей: факторы и условия реализации (по материалам углубленных интервью) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. № 2 (15). С. 172–189. DOI 10.15838/esc.2022.2.80.11.

Майер В. Ф. Планирование социального развития и повышения уровня жизни народа. М. : Изд-во МГУ, 1998. 270 с.

Мареева С. В. Социальный статус российской молодежи: представления и реальность // Вестник Института социологии. 2022. № 2 (13). С. 159–183.

Минякова Т. Е. Уровень жизни населения: перспективы и тенденции развития (на примере России и Китая). Ульяновск : УлГТУ, 2012. 135 с.

Петухов В. В., Петухов Р. В. Запрос на перемены: причины актуализации, ключевые слагаемые и потенциальные носители // Полис. Политические исследования. 2019. № 5. С. 119–133.

Степанов В. С., Бобков В. Н., Шамаева Е. Ф., Одинцова Е. В. Построение модели, связывающей индикатор уровня жизни населения с комплексом показателей социально-экономической политики в регионах России // Уровень жизни населения регионов России. 2022. № 4 (18). С. 450–465. DOI: 10.19181/lsprr.2022.18.4.3

Суринов А. Е., Луппов А. Б. Дифференциация доходов населения и стоимость жизни на субрегиональном уровне. Оценки для России // Экономический журнал

Высшей школы экономики. 2022. № 4 (26). С. 552–578.

Шабунова А. А., Морев М. В., Россошанский А. И., Белехова Г. В. Уровень жизни и социальная реальность: мониторинг перемен. Вологда : ИСЭРТ РАН, 2015. 116 с.

Шабунова А. А., Россошанский А. И. Оценка субъективного качества жизни представителями старшего поколения // Проблемы развития территории. 2018. № 3 (95). С. 7–19. DOI: 10.15838/ptd.2018.3.95.1

Threadgold S. Figures of youth: on the very object of Youth Studies. *Journal of Youth Studies*. 2020. No. 23. P. 686–701. DOI: 10.1080/13676261.2019.1636014.

Stutzer A., Frey B. S. Recent Development in the Economics of Happiness. A Selective Overview. IZA DP. 2012. No. 7078. DOI: 10.2139/ssrn.2192854

Johnston D. W., Menon N. Income and Views on Minimum Living Standards. IZA DP. 2021. No. 14656.

Furlong A. *Youth Studies — An Introduction*. London, Routledge, 2013.

REFERENCES

Bannikova, L. N., Boronina, L. N., Vishnevskij Yu. R. (2013). New developments in the value orientations of Ural students. *Sociologicheskie issledovaniya*, 2, 57–68. (In Russ.).

Bobkov, B. N., Bobkov, N. V. (2016). Economic Activity of Russian Youth and the Problem of Its implementation Areas. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii*, 2(200), 8–29. (In Russ.)

Vorobieva, M. V., Yarova, T. V. (2021). Youth Subculture and Generation Z. *Pedagogicheskoe obrazovanie i nauka*, 1, 90–96. (In Russ.).

Gorshkov, M. K., Sheregi, F. E. (2020) *The Youth of Russia under the Lens of Sociology: Results of Years of Research*. Moscow : FNISC RAN. (In Russ.).

Gurko, T. A. (2020). Mutual Assistance of Urban Parents and Adult Children: Differences in Age, Education and Income Groups. *Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika*, 8, 134–148. (In Russ.).

Demidenko, S. U. (2019). Youth without Work: Family Support as a (de)stabilizing Factor. *Peterburgskaya sociologiya segodnya*, 11, 50–67. (In Russ.).

Zaborova, E. N., Myltasova, O. V. (2019). Sociology of Youth: Ural School. *Logos et Praxis*, 3, 69–77. (In Russ.).

Zubets, A. N., Novikov, A. V. (2018). Quantitative Assessment of the Value of Human Life in Russia and in the World. *Finansy: teoriya i praktika*, 22(4), 52–75. (In Russ.). doi:10.26794/2587-5671-2018-22-4-52-75

Zubok, U. A., Chuprov, V. I. (2017). Modern Sociology of Youth: Changing Reality and Theoretical Approaches. *Rossiya reformiruyushchayasya*, 15, 12–48. (In Russ.).

Kartseva, L. V. (2017). Student Youth about Itself: Self-Introduction and Reality. *Vestnik KazGUKI*, 3, 121–124. (In Russ.).

Kirillova, A. D., Popov, A. V. (2022). Labor and employment sphere in the conditions of the digital economy: development prospects. *Vestnik universiteta*, 10, 134–140.

doi:10.26425/1816-4277-2022-10-134-140. (In Russ.).

Korolenko, A. V., Kalachikova, O. N. (2022). Reproductive Attitudes of Young Families: Driving Forces and Implementation Conditions (on the Basis of In-Depth Interviews). *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz*, 15(2), С. 172–189. doi:10.15838/esc.2022.2.80.11. (In Russ.).

Mayer, V.F. (1998) *Planning for social development and raising the standard of living of the people*. Moscow : Izd-vo MGU. (In Russ.).

Mareeva, S. V. (2022). The Social Status of Russian Youth: Ideas and Reality. *Vestnik Instituta sociologii*, 13(2), 159–183. (In Russ.).

Minyakova, T. E. (2012). *The standard of living of the population: prospects and development trends (on the example of Russia and China)*. Ulyanovsk : UIGTU. (In Russ.).

Petuhov, V. V., Petuhov, R. V. (2019). Request for Change: Factors and Causes of Its Actualization, Key Components, and Potential Carriers. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 5, 119–133. (In Russ.).

Stepanov, V.S., Bobkov, V.N., Shamaeva, E.F., Odintsova, E. V. (2022). Building the Model Linking the Indicator of the Standard of Living of the Populations with a Set of Indicators of Socio-Economic Policy in the Regions of Russia. *Uroven' zhizni naseleeniya regionov Rossii*, 18(4), 450–465. (In Russ.). doi:10.19181/lsprr.2022.18.4.3.

Surinov, A. E., Luppov, A. B. (2022). Income Inequality and the Cost of Living at the Sub-Regional Level. Estimates for Russia. *Ekonomicheskij zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki*, 26(4), 552–578. (In Russ.).

Shabunova, A. A., Morev, M. V., Rossoshanski, A. I., Belexhova, G. V. (2015). *Living Standards and Social Reality: Monitoring Change*. Vologda : ISERT RAN. (In Russ.).

Shabunova, A. A., Rossoshanski, A. I. (2018). Assessment of Subjective Quality of Life by the Older Generation. *Problemy razvitiya territorii*, 3(95). 7–19. (In Russ.). doi:10.15838/ptd.2018.3.95.1

Threadgold, S. (2020) Figures of youth: on the very object of Youth Studies. *Journal of Youth Studies*, 23, 686–701. DOI: 10.1080/13676261.2019.1636014.

Stutzer, A., Frey, B. S. (2012) Recent Development in the Economics of Happiness. A Selective Overview. *IZA DP*, 7078. DOI: 10.2139/ssrn.2192854

Johnston, D. W., Menon, N. (2021) Income and Views on Minimum Living Standards. *IZA DP*, 14656.

Furlong, A. *Youth Studies — An Introduction*. London, Routledge, 2013.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ксения Евгеньевна Косыгина — канд. экон. наук, старший научный сотрудник Вологодского научного центра РАН, г. Вологда, Россия.

Kseniya E. Kosygina — Cand.Sci. (Economics), Senior Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia.

Никита Геннадьевич Захаров — инженер-исследователь Вологодского научного центра РАН, г. Вологда, Россия.

Nikita G. Zaharov — Research Engineer, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia.

Статья поступила в редакцию 05.05.2023;
одобрена после рецензирования 03.06.2023;
принята к публикации 04.06.2023.

The article was submitted 05.05.2023;
approved after reviewing 03.06.2023;
accepted for publication 04.06.2023.

Обзорная статья / Review Article

УДК 316.6

DOI: 10.14258/SSI(2023)2-13

Теоретико-методологические аспекты формирования гражданской идентичности подростков

Роман Владимирович Тищенко

Белгородский университет кооперации, экономики и права, Белгород, Россия,
trv_01@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6440-0674>

Аннотация. В работе предпринята попытка системного обзора теоретических и методологических подходов к определению понятия и особенностей формирования гражданской идентичности у граждан подросткового возраста. Актуальность данной темы связана с необходимостью формирования гражданского общества, идеологической, политической и общественной социализации подрастающего поколения, формирования ценностей патриотизма и гражданственности, стимулирования участия различных социальных институтов в формировании гражданской идентичности подростков. Работа выполнена на основе системного анализа зарубежной литературы и контент-анализа публикаций, отражающих прикладные исследования гражданской идентичности подростков. Выделены индивидуальный и социальный уровни формирования гражданской идентичности, определена роль общественных организаций (прежде всего, волонтерских) в вопросах формирования мировоззрения, ценностных установок и пр. Проведенный обзор продемонстрировал, что гражданская идентичность подростков представляет собой широкий спектр социальных действий и взаимодействий: как формы активного гражданского участия в разнообразных социальных процессах, пассивные формы (отстраненность от участия), а также протестные формы. Научная значимость работы заключается в некоторой систематизации зарубежных теоретических исследований по вопросам гражданской идентичности подростков, отражении исследовательских интересов и фокуса внимания в анализируемых процессах и явлениях. Прикладное значение работы определяется возможностью использования ее результатов в разработке концепций и программ работы с подростковым контингентом и организации системной многовекторной работы по формированию гражданской идентичности.

Ключевые слова: идентичность, подростковый возраст, гражданская активность, вовлеченность, социальная идентичность, индивидуальная идентичность, гражданская идентичность, формирование

Для цитирования: Тищенко Р.В. Теоретико-методологические аспекты формирования гражданской идентичности подростков // *Society and Security Insights*. 2023. Т. 6, № 2. С. 199–210. doi: 10.14258/ssi(2023)2-13.

Theoretical and Methodological Aspects of the Formation of the Civic Identity of Adolescents

Roman V. Tishchenko

Belgorod University of Cooperation, Economics and Law, Belgorod, Russia,
trv_01@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6440-0674>

Abstract. The paper attempts a systematic review of theoretical and methodological approaches to the definition of the concept and the peculiarities of the formation of civic identity among adolescent citizens. The relevance of this topic is connected with the need for the formation of civil society, ideological, political and social socialization of the younger generation, the formation of values of patriotism and citizenship, stimulating the participation of various social institutions in the formation of the civic identity of adolescents. The work was carried out on the basis of a systematic analysis of foreign literature and content analysis of publications reflecting applied studies of the civic identity of adolescents. The individual and social levels of the formation of civic identity are highlighted, the role of public organizations (primarily volunteer organizations) in the formation of a worldview, values, etc. is determined. The conducted review demonstrated that the civic identity of adolescents represents a wide range of social actions and interactions: as forms of active civic participation in various social processes, passive forms (detachment from participation), as well as protest forms. The scientific significance of the work lies in some systematization of foreign theoretical studies on the issues of civil identity of adolescents, reflection of research interests and focus of attention with the analyzed processes and phenomena. The applied significance of the work is determined by the possibility of using its results in the development of concepts and programs of work with the adolescent contingent and the organization of systematic multi-vector work on the formation of civic identity.

Keywords: identity, adolescence, civic engagement, involvement, social identity, individual identity, civic identity, formation

For citation: Tishchenko, R.V. (2023). Theoretical and Methodological Aspects of the Formation of Civil Identity of Adolescents. *Society and Security Insights*, 6(2), 199-210. (In Russ.). doi: 10.14258/ssi(2023)2-13.

Введение

В демократических странах гражданское участие молодежи в настоящее время представляет собой важную социальную проблему. Например, Европейский союз (ЕС) стремится «поощрять молодых людей быть активными гражданами и участвовать в жизни общества, чтобы гарантировать им право голоса в демократических процессах, которые формируют будущее Европы» (European Commission, 2014).

Этот вопрос представляет собой вызов для любой демократии, в то время как недовольство молодежи участием в политической жизни (например, низкий уровень членства в политических партиях) было отмечено в нескольких страновых исследованиях (Mусock, Tonge, 2012). Однако существуют каналы полити-

ческого участия молодежи, выходящие за рамки традиционных, что приводит к более широкой типологии политического участия и гражданской активности.

Подростковый возраст и становление взрослой жизни — это периоды, когда люди одновременно задаются вопросом о своем месте в обществе и определяют его, а также формируют свою гражданскую идентичность, которую некоторые ученые определяют как то, как «молодежь развивает в себе ощущение себя членами сообщества и гражданами» (Crocetti et al., 2012). В литературе часто подчеркивается взаимосвязь между гражданской активностью и идентичностью, поскольку гражданскую активность можно рассматривать как форму самовыражения и как область формирования идентичности. Когда исследователи изучают гражданскую идентичность, они ссылаются на ощущение себя в гражданской жизни, которое является областью личной идентичности, и на чувство принадлежности, которое является компонентом социальной идентичности.

Цель настоящей работы — изучить теоретико-методологические особенности процесса формирования гражданской идентичности подростков на основе научно-исследовательских работ зарубежных авторов.

Формирование идентичности в подростковом возрасте: индивидуальный и социальный аспект

Идентичность является одним из наиболее изученных и многозначных понятий в социальных науках. Определение идентичности С. Шварц, М. Монтгомери и Э. Бриони состоит в том, что она относится к «организации самопонимания, которая определяет место человека в мире» (Schwartz et al., 2006). Тем не менее, даже если ограничить эту область социологией, существует множество иных определений и теоретических предпосылок для изучения идентичности.

В научной литературе выделяется по крайней мере два уровня анализа: индивидуальный, касающийся личной идентичности, и социальный аспект, касающийся социальной идентичности. Хотя личная идентичность и социальная идентичность изучались в рамках междисциплинарных исследований, они взаимосвязаны и интегрированы в индивидуальное «я».

В своем обширном обзоре литературы по идентичности В. Виньоле и коллеги поддержали «интегративный взгляд на идентичность» (Vignoles et al., 2011), подчеркнув, что идентичности являются «как личностными, так и социальными». В другом недавнем обзоре С. Шварц, К. Луйкс и Э. Крочетти сосредоточились на концепции «интерсекциональности» (Schwartz et al., 2015), чтобы подчеркнуть конвергенцию личных и социальных аспектов идентичности. Эмпирические результаты подтверждают эти предположения, демонстрируя связи между личностными качествами и социальной идентичностью в процессе самоструктурирования (Reid, Deaux, 1996).

Личная идентичность развивается в подростковом возрасте и в период становления взрослой жизни. В систематическом обзоре лонгитюдных исследований по развитию идентичности, опубликованных в период с 2000 по 2010 г., В. Миус (2011) подчеркнул тот факт, что личная идентичность развивается в ранние подростковые годы до достижения зрелого возраста. Лонгитюдные исследования

необходимы для понимания развития идентичности, но мы считаем, что изучение личностной идентичности в подростковом возрасте и становлении взрослой жизни в рамках поперечного анализа может оставаться актуальным, когда оно связано с другими основными аспектами психосоциального развития.

В психосоциальном подходе социальная идентичность относится к части «я», основанной на чувстве принадлежности индивида к социальным группам. Индивид может принадлежать к различным типам социальных групп по таким признакам, как национальность, этничность, пол, семья, которые могут находиться на взаимодополняющих, перекрывающихся или вложенных уровнях.

Одна из проблем заключается в понимании того, как формируется чувство принадлежности к различным уровням сообщества.

Сочетание множественных социальных идентичностей может развиваться от подросткового возраста к взрослой жизни. К. Амиот и др. утверждали, что различные уровни социальной идентичности перешли от «фрагментации и дифференциации» в подростковом возрасте «к большей интеграции этого разнообразия» уже во взрослом периоде (Amiot et al., 2007). А перекрестное исследование уже указывало на то, что уровни социально-территориальной принадлежности, по-видимому, более интегрированы у формирующихся взрослых, чем у подростков.

Идентичность рассматривается как «актив для развития» (Luusk at al., 2008), который способствует позитивному росту и может влиять на поведенческие результаты, такие как гражданская активность. Что касается взаимосвязи между личной идентичностью и гражданской активностью, эмпирические исследования показывают устойчивые связи между достижением идентичности (или процессами формирования идентичности, такими как, например, приверженность) и различными формами активного гражданского участия (Crocetti et al., 2012). В лонгитюдном исследовании, изучавшем двунаправленность связей между различными стилями решения проблем личной идентичности и гражданской активностью в подростковом возрасте, результаты выявили более сильное влияние идентичности на гражданскую активность, чем обратные и негативные связи между рассеянно-избегающим стилем и гражданским участием (Crocetti et al., 2014). Более того, с использованием кластерного подхода исследование Э. Крочетти и др. выявило четыре различные группы подростков с точки зрения их вовлеченности в политическую и общественную деятельность, и наиболее вовлеченная группа продемонстрировала более высокий уровень достижений и более низкий уровень распространения, чем группа невовлеченная. Что касается взаимосвязи между социальной идентичностью и гражданской активностью, то отсутствие чувства принадлежности к сообществу может привести к избеганию любого гражданского поведения. Изучение социально-поведенческих результатов, таких как гражданская активность, связанных с личной и социальной идентичностью, по-видимому, особенно актуально для жизни вместе в инклюзивных и демократических обществах (Flanagan, Christens, 2011). Однако то, как соотносятся гражданская активность и идентичность в глобализованном контексте, по-прежнему остается незакрытым исследовательским вопросом.

Подростковый возраст имеет решающее значение для многих аспектов развития самости и идентичности, включая обязательства, личные цели, мотивацию и психосоциальное благополучие. В подростковом возрасте молодежь стремится к автономии, особенно от родителей, наряду с повышением приверженности социальным аспектам идентичности и большей потребностью в общении со сверстниками. В связи с этим самооценки становятся все более дифференцированными и сложными в зависимости от ролей и отношений, кроме того, подростки также часто сообщают о большей самосознательности и больше озабочены восприятием себя другими и интересуются им.

Подростки физически, когнитивно и социально-эмоционально более развиты, чем дети, но склонны вести себя так, что это противоречит ценностям и нормам взрослых. Следуя ключевой задаче развития в детстве — созданию основы самопознания в форме я-концепций, специфичных для конкретной предметной области, — подростки начинают исследовать свои формирующиеся идентичности способами, которые способствуют автономии и связанности. Подростков часто изображают как чрезмерно склонных к риску, чрезмерно сосредоточенных на себе и очень восприимчивых к социальному давлению. Несмотря на согласие с тем, что такое описание является некоторым упрощением, социологическая наука и психология все еще ищут основу для объяснения, почему эти тенденции чаще встречаются у подростков, чем у детей или взрослых.

Хотя на поведение подростков влияют нормативные изменения в развитии чувствительности к социальным вознаграждениям и социальному контексту, идентичность и самость также эволюционируют, становясь важными источниками ценности и внутренней мотивации. По мере возрастающего развития и изучения обязательств идентичности и автономии самость может быть использована для саморегуляции и другого мотивированного поведения. Это создает пространство для вмешательства с целью улучшения результатов в неадаптивных случаях принятия решений подростками, которого не существует в рамках существующих моделей, в которых такое поведение изображается как результат ожидаемых траекторий созревания лобно-триатальной системы. В частности, ценности, основанные на самоидентификации, и другие ценности, связанные с самооценкой, могут быть гораздо более модифицируемыми целями с точки зрения либо содержания самоидентификации в различных контекстах, либо относительной значимости различных аспектов самоидентификации, которые могут способствовать различному поведению (например, спортивному или академическому). Например, система правосудия в отношении несовершеннолетних рассматривает способы формирования позитивной и просоциальной идентичности для удержания подростков от участия в антисоциальном поведении.

На более широком уровне подход к принятию решений, основанный на ценностях, может предоставить не только более всеобъемлющую теорию, но и возможность переосмыслить наше мнение о выборе и действиях подростков. Если основанный на ценностях подход к принятию решений верен, выбор, который взрослые считают плохим, может рассматриваться как рациональный с точки зре-

ния подростка, во всяком случае в той мере, в какой он представляет собой выбор с наивысшей субъективной ценностью. Система принятия решений подростками не нарушена; подростки (индивидуально и в группе) могут просто рассматривать различные ценностные атрибуты и оценивать эти атрибуты иначе, чем взрослые.

Проблемы формирования гражданской идентичности подростков

Гражданская идентичность: подходы к определению понятия

Гражданская идентичность определяется как чувство субъективной идентификации с обществом и привязанности к нему (Pakulski, Tranter, 2000). Индивид с сильной гражданской идентичностью может проявлять чувство социальной самостоятельности, ответственность перед обществом и участвовать в гражданском сообществе (Youniss, Yates, 1997).

Гражданская идентичность развивается в контексте решения реальных социальных проблем, которые затрагивают структуры современного общества. Такие социальные проблемы могут быть выявлены с помощью общественных работ, информирования о правосудии и его механизмах, а также на основе обсуждения с подростками вопросов, раскрывающих социальные, политические и экономические структуры общества. Гражданская идентичность также может быть развита при привлечении участников к выполнению миссии организаций-спонсоров, представляющих основные идеологии в рамках той или иной культуры (Youniss, 2011). Благодаря такому опыту подростки узнают о несправедливых системах, лежащих в основе общественных проблем, чтобы увидеть, как они участвуют в текущей работе гражданских институтов, и интегрировать социальные идеологии в их личные ценности. Кроме того, службы, которые вовлекают молодых людей в постоянное служение (например, волонтерские организации), также могут способствовать формированию позитивных гражданских установок, ориентированных на сообщество.

Тем не менее появляются новые доказательства того, что участие в общественной деятельности не обязательно приводит к развитию гражданской идентичности (Mann, Casebeer, 2016). Когда подростки вовлечены в общественные организации с сильной культурой профессионализации, индивидуальное развитие гражданской идентичности не будет поддерживаться. Эмпирическое исследование, в котором использовалась модель статуса идентичности Дж. Марсии, показало, что участие индивида в деятельности по оказанию волонтерских услуг имело отрицательную связь с распространением идентичности, но положительную — с достижением идентичности (Hardy, et al., 2011). Исследование Э. Кроцетти, П. Яхроми и В. Миуса показало, что успешные подростки были более вовлечены в волонтерскую деятельность, и сообщали о более высокой гражданской эффективности и более сильном стремлении внести свой вклад в жизнь своих сообществ, чем их неучаствующие сверстники (Crocetti et al., 2012).

Гражданское участие и гражданская вовлеченность как элементы гражданской идентичности

Гражданская вовлеченность относится к широкой конструкции, которая включает в себя гражданские установки, знания, навыки и модели поведения. Она включает в себя следующее:

- политическое участие в традиционных формах, таких как членство в политической партии, и нетрадиционных формах, таких как участие в акциях протеста или подписание петиций;
- гражданское участие (например, общественная работа в школе, членство в общественной организации, добровольные мероприятия и т.д.);
- психологическую вовлеченность, такую как привлечение внимания к политическим или гражданским событиям.

Неучастие — или отстраненность — также следует рассматривать как форму гражданской активности, поскольку это не просто обратная сторона вовлеченности. Скорее этот феномен можно рассматривать как выражение и самостоятельную позицию индивида при решении политических и гражданских вопросов (Amnå, 2012).

Протест включает в себя активные антиполитические формы, такие как неприятие политики или отвращение к ней, и пассивные аполитичные формы, такие как незаинтересованность. Все эти аспекты дают обзор различных форм гражданской активности, включая политическое участие (формальное и нетрадиционное, такое как активизм), гражданское участие, психологическую вовлеченность и отстраненность (антиполитическое и аполитичное поведение).

Выявление и изучение различных форм гражданской активности, включая протест, важно в подростковом возрасте и в период становления взрослой жизни, поскольку молодые люди все меньше и меньше привержены формальным видам участия (например, активному участию в партии или профсоюзе), в то время как они могут быть высоко вовлечены в другие виды гражданского участия (например, в неполитические молодежные организации или волонтерскую деятельность) или демонстрировать психологическую вовлеченность (Crocetti et al., 2014).

Более того, в дополнение к кажущемуся отсутствию вовлеченности, которое можно было бы рассматривать как пассивность или отстраненность, некоторые исследователи выделили различные формы того, что можно было бы назвать пассивностью. Например, используя выборку шведских подростков и комбинируя показатели участия и интереса к политике и социальным проблемам, Э. Амно и Дж. Экман определили несколько профилей гражданских и политических вовлеченностей: одну активную и несколько пассивных (Amnå, Ekman, 2014).

При этом формированию гражданской идентичности подростков способствует развитие тех индивидуальных качеств (в том числе не вполне нетрадиционных) несовершеннолетних, которые могут быть в будущем полезны для общества (Волкова, Босов, 2018). Причем, если ранее формированием гражданской идентичности детей занимались в основном государственные структуры, то в настоящее время к данной деятельности все чаще привлекаются общественные организации, в компетенцию которых входит работа с подрастающим поколением (Мозговая и др., 2021). Такие проекты часто реализуются в контексте слаженных партнерских взаимодействий государственных и общественных организаций.

Активная группа характеризовалась как высоким интересом, так и участием. Что касается пассивных групп, то одна была не вовлечена (как низкий

интерес, так и низкое участие), другая была разочарована (самый низкий интерес и низкое участие), а последняя характеризовалась самым высоким интересом при среднем явном участии и была отнесена к группе «резервных» граждан. Эта последняя группа относится к подросткам, которые в курсе политики и общественных проблем и могут быть готовы принять участие в случае необходимости.

Заключение

На основе изучения теоретических подходов к исследованию гражданской идентичности подростков можно прийти к выводу, что идентификация собственного «я» в вопросах общественно-политического развития и гражданской позиции у индивидов подросткового возраста проходит долгий многолетний путь, прежде чем оформиться в устойчивую систему ценностей норм, правил, убеждений, поведенческих практик и пр.

Результаты исследования подчеркивают разнообразие видов гражданской активности, вовлеченности и — как следствие — идентичности подростков: от активного гражданского участия (различными формальными и неформальными способами) до отстраненности, ожидания, пассивности и протеста. Столь же заметное разнообразие подчеркивается в профилях личной идентичности и социальной идентичности.

Гражданская идентичность формируется как на индивидуальном, так и на социальном уровнях, что говорит о необходимости разноректорного влияния соответствующих социальных институтов, заинтересованных в развитии гражданского общества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Волкова О. А., Босов Д. В. Образ женщины-программистки в кинофильмах и сериалах // *Женщина в российском обществе*. 2018. № 3 (88). С. 97–103. doi: 10.21064/WinRS.2018.3.9

Мозговая Е. И., Водолазова Ж. М., Горский А. А., Волкова О. А. Здоровый образ жизни населения в условиях пандемии: экспертные мнения исследователей и представителей некоммерческих организаций // *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*. 2021. Т. 29. № S1. С. 763–767. doi: 10.32687/0869-866x-2021-29-s1-763-767

Amiot C. E., de la Sablonnière, R., Terry, D. J., Smith, J. R. Integration of social identities in the self: Toward a cognitive developmental model // *Personality and Social Psychology Review*, 2007. No. 11(4). P. 364–388. doi:10.1177/1088868307304091

Amnå E. How is civic engagement developed over time? Emerging answers from a multidisciplinary field // *Journal of Adolescence*. 2012. No. 35. P. 611–627. doi:10.1016/j.adolescence.2012.04.011

Amnå E., Ekman J. Standby citizens: Diverse faces of political passivity // *European Political Science Review*. 2014. No. 6(2). P.261–281.

Crocetti, E., Erentaite, R., Žukauskiene R. Identity styles, positive youth development, and civic engagement in adolescence // *Journal of Youth and Adolescence*. 2014. No. 43(11). P. 1818–1828. doi:10.1007/s10964-014-0100-4

Crocetti E., Jahromi P., Meeus W. Identity and civic engagement in adolescence // *Journal of Adolescence*. 2012. No. 3. P. 521–532. doi:10.1016/j.adolescence.2011.08.003

European Commission. (2014). Cordis programmes: Societal and political engagement of young people and their perspectives on Europe. http://cordis.europa.eu/programme/rcn/664964_en.html

Flanagan C. A., Christens B. D. Youth civic development: Work at the cutting edge. San Francisco, CA, US : Jossey-Bass, 2011.

Hardy S. A., Pratt M. W., Pancer S. M., Olsen J. A., Lawford H. L. Community and religious involvement as contexts of identity change across late adolescence and emerging adulthood // *International Journal of Behavioral Development*. 2011. No. 35. P. 125–135. doi:10.1177/0165025410375920

Knefelkamp L. L. Civic identity: Locating self in community // *Diversity & Democracy*. 2008. No. 11 (2). P. 1–3.

Luyckx K., Schwartz S. J., Berzonsky M. D., Soenens B., Vansteenkiste M., Smits I., Goossens L. Capturing ruminative exploration: Extending the four-dimensional model of identity formation in late adolescence // *Journal of Research in Personality*. 2008. No. 42 (1). P. 58–82. doi:10.1016/j.jrp.2007.04.004

Mann J., Casebeer D. Mapping civic engagement: A case study of servicelearning in Appalachia // *Education, Citizenship and Social Justice*. 2016. No. 11. P. 85–96. doi:10.1177/1746197915626089

Meeus W. The study of adolescent identity formation 2000–2010: A review of longitudinal research // *Journal of Research on Adolescence*. 2011. No. 21. P. 75–94. doi:10.1111/j.1532-7795.2010.00716.x

Mycock A., Tonge J. The party politics of youth citizenship and democratic engagement // *Parliamentary Affairs*. 2012. No. 65. P. 138–161.

Pakulski J., Tranter B. Civic identity in Australia // *Australian Journal of Social Issues*. 2000. No. 35. P. 35–51.

Reid A., Deaux K. Relationship between social and personal identities: Segregation or integration // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1996. No. 71 (6). P.1084–1091. doi:10.1037/0022-3514.71.6.1084

Rubin B. C. “There’s still not justice”: Youth civic identity development amid distinct school and community contexts // *Teachers College Record*. 2007. No. 109. P. 449–481.

Schwartz S. J., Luyckx K., Crocetti E. What have we learned since Schwartz (2001)?: A reappraisal of the field of identity development. In K. C. McLean & M. Syed (Eds.) *The Oxford handbook of identity development*. New York, NY : Oxford University Press, 2015. P. 539–561.

Schwartz S. J., Montgomery M. J., Briones E. The role of identity in acculturation among immigrant people: Theoretical propositions, empirical questions, and applied recommendations // *Human Development*. 2006. No. 49 (1). P. 1–30. doi:10.1159/000090300

Serek J. What's the matter with civil society? The declining effect of civic involvement on civic identity among Czech adolescents // *Youth & Society*, 2016. doi:10.1177/0044118X16637883

Tajfel H. *Human groups and social categories: Studies in social psychology*. Cambridge : Cambridge University Press, 1981.

Vignoles V.L., Schwartz S.J., Luyckx K. Introduction: Toward an integrative view of identity. In S. J. Schwartz, K. Luyckx, V.L. Vignoles (Eds.). *Handbook of identity theory and research*. NY : Springer, 2011. Pp. 1–27. doi:10.1007/978-1-4419-7988-9_1

Youniss J. Civic education: What schools can do to encourage civic identity and action // *Applied Developmental Science*. 2011. №15. P. 98–103. doi:10.1080/10888691.2011.560814

Youniss J., Yates M. *Community service and social responsibility in youth*. Chicago, IL: The University of Chicago Press. 1997.

REFERENCES

Volkova, O. A., & Basov, D. V. (2018). The image of a female programmer in films and TV series. *Woman in Russian society*, 3(88), 97–103. (In Russ.). doi: 10.21064/WinRS.2018.3.9

Mozgovaya, E. I., Vodolazova, Zh. M., Gorsky, A. A., & Volkova, O. A. (2021). Healthy lifestyle of the population in a pandemic: expert opinions of researchers and representatives of non-profit organizations. *Problems of social hygiene, healthcare and the history of medicine*, 29(S1), 763–767. (In Russ.). doi: 10.32687/0869-866x-2021-29-s1-763-767

Amiot, C. E., de la Sablonnière, R., Terry, D. J., & Smith, J. R. (2007). Integration of social identities in the self: Toward a cognitive developmental model. *Personality and Social Psychology Review*, 11(4), 364–388. doi:10.1177/1088868307304091

Amnå, E. (2012). How is civic engagement developed over time? Emerging answers from a multidisciplinary field. *Journal of Adolescence*, 35, 611–627. doi:10.1016/j.adolescence.2012.04.011

Amnå, E., & Ekman, J. (2014). Standby citizens: Diverse faces of political passivity. *European Political Science Review*, 6(2), 261–281.

Crocetti, E., Erentaite, R., & Žukauskiene, R. (2014a). Identity styles, positive youth development, and civic engagement in adolescence. *Journal of Youth and Adolescence*, 43(11), 1818–1828. doi:10.1007/s10964-014-0100-4

Crocetti, E., Jahromi, P., & Meeus, W. (2012). Identity and civic engagement in adolescence. *Journal of Adolescence*, 35, 521–532. doi:10.1016/j.adolescence.2011.08.003

European Commission. (2014). *Cordis programmes: Societal and political engagement of young people and their perspectives on Europe*. http://cordis.europa.eu/programme/rcn/664964_en.html

Flanagan, C. A., & Christens, B. D. (2011). *Youth civic development: Work at the cutting edge*. San Francisco, CA, US : Jossey-Bass.

Hardy, S. A., Pratt, M. W., Pancer, S. M., Olsen, J. A., & Lawford, H. L. (2011). Community and religious involvement as contexts of identity change across late adolescence and emerging adulthood. *International Journal of Behavioral Development*, 35, 125–135. doi:10.1177/0165025410375920

- Knefelkamp, L.L. (2008). Civic identity: Locating self in community. *Diversity & Democracy*, 11(2), 1–3.
- Luyckx, K., Schwartz, S.J., Berzonsky, M.D., Soenens, B., Vansteenkiste, M., Smits, I., & Goossens, L. (2008). Capturing ruminative exploration: Extending the four-dimensional model of identity formation in late adolescence. *Journal of Research in Personality*, 42(1), 58–82. doi:10.1016/j.jrp.2007.04.004
- Mann, J., & Casebeer, D. (2016). Mapping civic engagement: A case study of servicelearning in Appalachia. *Education, Citizenship and Social Justice*, 11, 85–96. doi:10.1177/174619791562608
- Meeus, W. (2011). The study of adolescent identity formation 2000–2010: A review of longitudinal research. *Journal of Research on Adolescence*, 21, 75–94. doi:10.1111/j.1532-7795.2010.00716.x
- Mycock, A., & Tonge, J. (2012). The party politics of youth citizenship and democratic engagement. *Parliamentary Affairs*, 65, 138–161.
- Pakulski, J., & Tranter, B. (2000). Civic identity in Australia. *Australian Journal of Social Issues*, 35, 35–51.
- Reid, A., & Deaux, K. (1996). Relationship between social and personal identities: Segregation or integration. *Journal of Personality and Social Psychology*, 71(6), 1084–1091. doi:10.1037/0022-3514.71.6.1084
- Rubin, B.C. (2007). “There’s still not justice”: Youth civic identity development amid distinct school and community contexts. *Teachers College Record*, 109, 449–481.
- Schwartz, S.J., Luyckx, K., & Crocetti, E. (2015). What have we learned since Schwartz (2001)?: A reappraisal of the field of identity development. In: K. C. McLean & M. Syed (Eds.), *The Oxford handbook of identity development*, NY : Oxford University Press. Pp. 539–561.
- Schwartz, S.J., Montgomery, M.J., & Briones, E. (2006). The role of identity in acculturation among immigrant people: Theoretical propositions, empirical questions, and applied recommendations. *Human Development*, 49(1), 1–30. doi:10.1159/000090300
- Serek, J. (2016). What’s the matter with civil society? The declining effect of civic involvement on civic identity among Czech adolescents. *Youth & Society*. doi:10.1177/0044118X16637883
- Tajfel, H. (1981). *Human groups and social categories: Studies in social psychology*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Vignoles, V.L., Schwartz, S.J., & Luyckx, K. (2011). Introduction: Toward an integrative view of identity. In: S.J. Schwartz, K. Luyckx, V.L. Vignoles (Eds.), *Handbook of identity theory and research*. NY : Springer. Pp. 1–27. doi:10.1007/978-1-4419-7988-9_1
- Youniss, J. (2011). Civic education: What schools can do to encourage civic identity and action. *Applied Developmental Science*, 15, 98–103. doi:10.1080/10888691.2011.560814
- Youniss, J., Yates, M. (1997). *Community service and social responsibility in youth*. Chicago : The University of Chicago Press.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Роман Владимирович Тищенко — аспирант кафедры социальных и гуманитарных дисциплин, Белгородский университет кооперации, экономики и права, г. Белгород, Россия.

Roman V. Tishchenko — Postgraduate student of the Department of Social and Humanitarian Disciplines, Belgorod University of Cooperation, Economy and Law, Belgorod, Russia.

Статья поступила в редакцию 05.05.2023;
одобрена после рецензирования 10.06.2023;
принята к публикации 15.06.2023.

The article was submitted 05.05.2023;
approved after reviewing 10.06.2023;
accepted for publication 15.06.2023.

Обзорная статья / Review Article

УДК 316.6

DOI: 10.14258/SSI(2023)2-14

Физическая активность пожилых граждан в условиях межпоколенческих взаимодействий: обзор зарубежных исследований

Людмила Вячеславовна Тарасова

Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, Белгород, Россия, mila_vt@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3446-1345>

Аннотация. В представленной работе проведен обзор зарубежных исследований по вопросам стимулирования физической активности пожилых граждан инструментами социальных связей между представителями разных поколений с целью исследования потенциала межпоколенческих отношений в качестве стимула и мотиватора для стареющего населения заниматься физкультурой, спортом и иными формами физической активности. Актуальность данной темы обусловлена демографическими и социальными тенденциями: с одной стороны, увеличение продолжительности жизни граждан приводит к популяционному постарению, а с другой — с точки зрения целей устойчивого развития общества необходимо, чтобы стареющие граждане сохраняли физическое и психическое здоровье, были активны, физически выносливы и т.д.

Обзор проведен методом контент-анализа зарубежных научных публикаций, отражающих прикладные исследования по заданной теме. Исследование показало, что значимым условием повышения физической активности пожилых выступает социальное взаимодействие с членами семьи — представителями иных, более молодых поколений. Совместные занятия спортом, участие (посещение и наблюдение) в занятиях и соревнованиях, помощь детей и внуков своим пожилым родителям в разработке системы упражнений, а также освоении цифровых помощников (фитнес-трекеров и программ-приложений) способствуют укреплению семейных связей, стимулируют и мотивируют физическую активность. Научная ценность и практическая значимость работы заключается в аккумуляции научных знаний и их систематизации для разработки концепций и политик стимулирования активного долголетия, возможности использования зарубежного опыта в российской практике реализации программ вовлечения пожилых граждан в физическую активность с использованием межпоколенческих связей.

Ключевые слова: поколения, пожилые люди, физическая активность, физкультура, спорт, межпоколенческие связи

Для цитирования: Тарасова Л.В. Физическая активность пожилых граждан в условиях межпоколенческих взаимодействий: обзор зарубежных исследований // Society and Security Insights. 2023. Т. 6, № 2. С. 211–222. doi: 10.14258/ssi(2023)2-14.

Physical Activity of Senior Citizens in the Context of Intergenerational Interactions: Overview of Foreign Studies

Lyudmila V. Tarasova

Belgorod law Institute, Belgorod, Russia,
mila_vt@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3446-1345>

Abstract. In the presented work, a review of foreign studies on the issues of stimulating physical activity of older citizens by means of social ties between representatives of different generations is conducted in order to study the potential of intergenerational relations as an incentive and motivator for the aging population to engage in physical education, sports and other forms of physical activity. The relevance of this topic is due to demographic and social trends: on the one hand, an increase in the life expectancy of citizens leads to population aging, and on the other — from the point of view of the goals of sustainable development of society, it is necessary that aging citizens maintain physical and mental health, be active, physically hardy, etc.

The review was conducted by the method of content analysis of foreign scientific publications reflecting applied research on a given topic. The study showed that a significant condition for increasing the physical activity of the elderly is social interaction with family members — representatives of other, younger generations. Joint sports activities, participation (attendance and observation) in classes and competitions, assistance of children and grandchildren to their elderly parents in developing a system of exercises, as well as the development of digital assistants (fitness trackers and software applications) contribute to strengthening family ties, stimulate and motivate physical activity. The scientific value and practical significance of the work lies in the accumulation of scientific knowledge and their systematization for the development of concepts and policies to stimulate active longevity, the possibility of using foreign experience in the Russian practice of implementing programs involving older citizens in physical activity using intergenerational ties.

Keywords: generations, elderly people, physical activity, physical education, sports, intergenerational relations

For citation: Tarasova, L.V. (2023). Physical Activity of Senior Citizens in the Context of Intergenerational Interactions: Overview of Foreign Studies. *Society and Security Insights*, 6(2), 211–222. (In Russ.). doi: 10.14258/ssi(2023)2-14.

Введение

Население мира стареет. Стареющее общество как предоставляет возможности, так и формирует проблемы. Разница в решающей степени зависит от состояния здоровья пожилых граждан: если они могут прожить дополнительные годы жизни в добром здравии и в благоприятной социальной среде — это благоприятный фактор их жизнедеятельности, благополучия семьи и общества в целом. С другой стороны, если в последующие годы преобладают ухудшение физического и психического здоровья, частые посещения медицинских учреждений, изоляция от общества и угроза эйджизма, перспективы старения пессимистичны и социально неблагоприятны.

В 1948 г. Организация Объединенных Наций провозгласила: «Семья является естественной и основной ячейкой общества и имеет право на защиту со стороны общества и государства» (United Nations, 1948). На эволюцию семьи как социального института общества и трансформацию семейных отношений влияют разнообразные факторы, включая увеличение продолжительности жизни, рост числа смешанных семей и совместного проживания, неженатых пар, одиноких глав домашних хозяйств, бездетных пар и изменение взглядов на однополые браки. Несмотря на эти изменения, семьи, состоящие из «людей, связанных привязанностью, обязательствами, зависимостью или сотрудничеством» (Rothausen, 1999), остаются важнейшей социальной ячейкой во всех обществах. Как повторил Кофи Аннан в своем вступительном заявлении по случаю 10-й годовщины Международного года семьи, «сами семьи играют жизненно важную роль в нашей работе за развитие и мир» (United Nation, 2009).

Межпоколенческие связи в жизни пожилых граждан

Солидарность между поколениями имеет решающее значение для семей и общества. Семьи — это ячейки, где усваиваются ценности, передается культура и дети осваивают навыки взаимоотношений (Mitts, 2003). Солидарность между поколениями была определена как связь между отдельными людьми в семейных сетях нескольких поколений и между разными возрастными группами в более широком сообществе (Bengtson, Oyama, 2010). Хотя отношения между поколениями в семье являются ключевыми, они также имеют основополагающее значение для благополучия более широкого сообщества и общества в целом.

Политика и программы, способствующие здоровым отношениям между поколениями, и солидарность между поколениями играют важную роль в содействии эффективной государственной политике, способствуя социальной сплоченности, национальному единству и совместной ответственности (Hatton-Yeo, 2002). Программы для разных поколений также играют ключевую роль в поддержании позитивных отношений между поколениями. Они обеспечивают платформу для развития устойчивых отношений между возрастными группами и, как было показано, укрепляют качество связей между членами семьи (Thang, Kalyani, 2012).

Прочные отношения между поколениями имеют решающее значение для сплоченных, здоровых семей и обществ. Взаимозависимость поколений обеспечивает выживание и процветание семьи, поскольку на протяжении всей жизни члены семьи вне зависимости от возраста получают и оказывают заботу, собирая, управляя и передавая семейные ресурсы. Такое соглашение между поколениями обеспечивает более высокий уровень элементарного выживания, способность людей развиваться и вносить более значительный вклад на каждом этапе жизненного цикла. Семьи и сообщества инвестируют в следующие поколения и при этом убеждены, что именно так обеспечивается развитие общества. Следующее поколение, в свою очередь, ответит взаимностью и будет лучше подготовлено к заботе о младшем и старшем поколениях, одновременно повышая благосостояние общества (Butts, 2003).

Исследования показали влияние программ для разных поколений на снижение негативного отношения к пожилым людям и на разрушение возрастных стереотипов (Powers et al., 2013). Взаимодействие между поколениями может улучшить настроение, повлиять на самооценку и удовлетворенность жизнью пожилых людей. Проведенные исследования также выявили преимущества взаимодействия между поколениями в укреплении семейных уз (Bengtson, 2001) и их потенциальное влияние на уменьшение одиночества в промышленно развитых обществах (Vanderbeck, 2007).

Семейные взаимодействия между поколениями также способствуют обмену информацией о здоровье между пожилыми и молодыми людьми (Sandbulte et al., 2019). Кроме того, такие семейные взаимодействия могут способствовать повышению цифровой грамотности и способствовать освоению пожилыми людьми новых технологий (D'Haeseleer et al., 2019). Пожилые считают молодых людей более осведомленными, чем другие люди их поколения, и предпочитают обращаться за помощью к так называемым молодым взрослым. Пожилые люди могут сильно зависеть от своих детей и внуков в преодолении технологических барьеров (D'Haeseleer et al., 2019). Исследовательская работа К. Мори и др. (Mori, Harada, 2010) показала, что пожилые японцы, живущие в больших семьях, с внуками, быстрее учатся пользоваться мобильными телефонами, чем те, кто живет в небольших семьях. Их результаты также показали, что пожилые люди из больших семей могут лучше научиться использовать передовые технологические функции, такие как фотосъемка и отправка электронных писем (Mori, Harada, 2010).

Следует отметить, что во 2-й половине XX в. изменения в ожидаемой продолжительности жизни привели к увеличению числа семей, состоящих из нескольких поколений. Роль, которую семья может играть в физической активности, как правило, сосредоточена на молодых поколениях, а не на взрослых и пожилых. Также наблюдается рост числа семей, живущих с несколькими поколениями вместе, увеличивая количество лет совместной жизни и изменяя динамику межпоколенческих отношений в семьях (Bengtson, 2001).

Социальная когнитивная теория А. Бандуры (Bandura, 1986) обеспечивает лучшее понимание того, как и почему социальная поддержка влияет на поведение человека, включая физическую активность. Обоснованность этой теории была подтверждена многими исследованиями (Rackow et al., 2015). Связь с членами семьи и любимыми людьми может мотивировать пользователей к участию в оздоровительных мероприятиях (Ahtinen et al., 2009). Люди, которые получают меньше социальной поддержки от семей и друзей, чаще ведут сидячий образ жизни, а социальная поддержка со стороны сверстников является основным предиктором увеличения физической активности среди пожилых людей (Booth, 2000). Кроме того, пожилые люди, которые чувствуют поддержку своей семьи и друзей, с большей вероятностью будут активными, чем те, кто этого не делает (Troost et al., 2002).

К сожалению, в научной литературе можно найти крайне мало доказательств того, что пожилые люди сегодня имеют лучшее здоровье, чем их родители. Скорее поменялся образ жизни стареющих граждан: они более склонны к малоподвиж-

ному образу жизни (Harvey at al., 2013) и связанным с этим рискам, таким как сердечно-сосудистые заболевания и деменция. Таким образом, крайне важно определить эффективные методы поощрения занятий фитнесом для пожилых людей.

Физическая активность как фактор здорового долголетия

Поскольку продолжительность жизни населения продолжает увеличиваться, открытым остается вопрос о том, включает ли добавленное время годы здоровой жизни и способствует ли оно высокому качеству жизни в пожилом возрасте, связанному со здоровьем. Физическая активность определяется как любое движение тела, производимое скелетными мышцами, которое приводит к расходованию энергии и включает в себя физические упражнения, спорт и физическую активность, выполняемую как часть повседневной жизни, профессии, досуга или активного передвижения (Langhammer, 2018). Упражнения — это подкатегория физической активности, которая является запланированной, структурированной и повторяющейся и которая имеет в качестве конечной или промежуточной цели улучшение или поддержание физической формы. Физическая функция — это способность человека выполнять повседневную физическую активность. Физическая функция отражает двигательную функцию и контроль, физическую подготовку и привычный ритм.

Физическая активность является фактором защиты от неинфекционных заболеваний, таких как сердечно-сосудистые заболевания, инсульт, диабет и некоторые виды рака, а также ассоциируется с улучшением психического здоровья, задержкой наступления деменции и улучшением качества жизни и благополучия (Langhammer, 2018). Польза для здоровья достаточно хорошо отражена в научных публикациях: более высокие уровни и большая частота физических упражнений пожилых людей связаны со снижением риска и улучшением здоровья в ряде ключевых областей (Musich at al., 2017).

Доза физической активности или физических упражнений определяется продолжительностью, частотой, интенсивностью и режимом пожилого человека. Для достижения оптимального эффекта пожилой человек должен придерживаться предписанной программы упражнений и следовать принципу тренировки с перегрузкой, т.е. тренироваться на пределе максимальной мощности, чтобы в достаточной степени задействовать системы организма, вызвать улучшение физиологических параметров.

Улучшение психического здоровья, эмоционального, психологического и социального благополучия и когнитивных функций также связано с регулярным выполнением физических упражнений. Несмотря на эти преимущества для здоровья, уровень физической активности среди пожилых людей остается ниже рекомендуемых 150 мин. в неделю (Boulton at al., 2018). Общая глобальная распространенность отсутствия физической активности составляет 21,4%, и это приводит к тому, что каждый четвертый-пятый взрослый человек физически неактивен или его уровень активности ниже текущих рекомендаций ВОЗ (WHO, 2010). Малоактивный образ жизни и старение повышают риск хронических заболеваний, и пожилые люди часто страдают множественными хроническими состояни-

ями, а рекомендации ВОЗ по физическим упражнениям включают как аэробные, так и силовые упражнения, а также упражнения на равновесие для снижения риска падений. Если пожилые люди не могут следовать рекомендациям из-за хронических заболеваний, они должны быть настолько активны, насколько позволяют их способности и состояние. Важно отметить, что рекомендуемое количество физической активности является дополнением к обычным занятиям повседневной жизни, таким как уход за собой, приготовление пищи и шопинг, и это лишь некоторые из них.

Малоподвижный образ жизни связан с изменениями в составе тела, приводящими к увеличению процентного содержания жира в организме и сопутствующему снижению мышечной массы тела. Таким образом, при малоподвижном образе жизни происходит значительная потеря максимальной выработки силы. Атрофию скелетных мышц часто считают признаком старения и отсутствия физической активности. Саркопения определяется как низкая мышечная масса в сочетании с низкой мышечной силой и/или низкой физической производительностью (Langhammer, 2018). Следовательно, низкая физическая работоспособность и зависимость в повседневной жизни чаще встречаются среди пожилых людей, однако силовые тренировки увеличивают мышечную массу тела, улучшают физическую работоспособность и в немалой степени оказывают положительное влияние на самооценку человека в повседневной жизни.

Развитие физической активности пожилых граждан на основе межпоколенческих отношений

Физическая активность признана глобальным приоритетом общественного здравоохранения, особенно для пожилых людей. Начиная с 1990-х гг. все чаще появляются доказательства того, что физическая активность помогает обратить вспять возрастные ухудшения состояния сердечно-сосудистой системы, снизить частоту и отсрочить начало саркопии (возрастная потеря мышечной массы) при сохранении прочности костей, откладывает начало заболеваемости и в конечном счете продлевает жизнь (Paterson et al., 2007).

В результате в некоторых странах мира на государственном уровне предпринимаются попытки вовлечь пожилых людей в физическую активность, реализуя разнообразные программы популяризации здорового образа жизни и активного долголетия. Однако результативность подобных инициатив неоднозначна, и значительная часть пожилых людей по-прежнему остается не вовлеченной в физкультурно-оздоровительные и спортивные мероприятия.

Ряд зарубежных исследований посвящены тому, как на опыт физической активности пожилых членов семьи влияют другие поколения, особенно их дети. Дети стимулируют физическую активность своих пожилых родственников путем предоставления родителям финансовой возможности заниматься спортом, а также посещая спортивные занятия и соревнования или время от времени занимаясь вместе (Dionigi et al., 2012).

Некоторые пожилые люди также отметили, что их участие в физкультурных мероприятиях часто начиналось с участия в спортивных состязаниях своих де-

тей и внуков либо вдохновлялось их спортивными успехами. Другие отмечали, что физическая активность их детей побуждала их поддерживать определенный уровень физической активности, чтобы быть в хорошей форме для игр со своими детьми и внуками. Это говорит о том, что физическая активность может влиять на отношения между поколениями в семьях или проявляться через них.

Взаимодействие между поколениями является многообещающим подходом к продвижению активного образа жизни (Flora et al., 2007). Например, участие трех поколений женщин (бабушка, мать, дочь) в шестимесячном рандомизированном контролируемом исследовании показало улучшение уровня активности представителей старшего поколения (Ransdell et al., 2005).

Некоторые исследователи использовали новые технологии для пользователей из разных поколений, ориентируясь на современные цифровые продукты, например видеоигры с движением. Эти технологии использовались даже в домах престарелых в форме программ для разных поколений, например, в программе Konnectics использовался Microsoft Kinect (Matthew, 2013). LIFE1 — это еще одна программа для разных поколений, в которой практикующие врачи из молодого поколения обучали пожилых людей игровому процессу и сопровождали их. Хотя эти программы поощряют физическую активность, их пользователи ограничены особыми группами (например, немощными или помещенными в стационар пожилыми людьми). Кроме того, многие пожилые люди время от времени играют в видеоигры, поэтому их польза может быть ограниченной.

В исследовании Л. Рэнделл и др. были изучены виды физической активности в семьях трех поколений, при этом результаты были основаны на показателях физической активности, а не на изучении взаимосвязей и динамики физической активности между поколениями (Ransdell et al., 2005). Кроме того, молодые спортсмены опирались на рассказы своих родителей, бабушек и дедушек, чтобы сформировать свое понимание старения и быть активными в дальнейшей жизни, однако они не исследовали взгляды пожилых людей на физическую активность и взаимоотношения между поколениями (Phoenix et al., 2006).

Теоретические обзоры сопрягаются с социально-политическими задачами практического повышения активности граждан в условиях межпоколенческих взаимодействий (Вертешин и др., 2014). Данная тематика является актуальной в работах ученых из разных стран мира. Среди различных мер совершенствования межпоколенческих взаимодействий все более масштабно предлагается использование потенциала общественных организаций, деятельность которых направлена на оказание помощи в получении доступа к объектам физкультурно-оздоровительной и социокультурной направленности (Мозговая и др., 2021).

Заключение

Проведенный обзор показывает, что значимость межпоколенческих связей в стимулировании физической активности граждан пожилого и старческого возраста очень высока. В Мадридском международном плане действий по проблемам старения говорится, что солидарность между поколениями на всех уров-

нях — в семьях, сообществах и нациях — имеет основополагающее значение для построения общества для всех возрастов, однако политика, связанная со старением, во многих странах является самостоятельной и, как правило, не учитывает потребности и озабоченности других членов семьи, за редким исключением.

Каждое поколение играет жизненно важную роль в поддержании отношений между поколениями. Например, дети могут объединять семьи, когда они разделены разводом, расстоянием или смертью. Бабушки и дедушки, дяди и тети снова становятся родителями, когда дети нуждаются в воспитании, а родители недоступны, иногда даже обеспечивая полный уход.

Продление жизни само по себе уже не является целью государственной социальной политики, задача — продление здоровой, активной жизни, наполненной положительными эмоциями, действиями и результатами. Физическая активность, стимулируемая межпоколенческими отношениями, становится ключевым инструментом и фактором активного долголетия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Мозговая Е. И., Водолазова Ж. М., Горский А. А., Волкова О. А. Здоровый образ жизни населения в условиях пандемии: экспертные мнения исследователей и представителей некоммерческих организаций // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2021. Т. 29. № S1. С. 763–767. doi: 10.32687/0869-866x-2021-29-s1-763-767.

Политическая социология. В 2-х частях. Ч. 1. Власть и гражданское общество / Вертешин А. И., Волкова О. А., Гужавина Т. А. и др.; общ. ред. В. К. Мокшина и С. И. Шубина. Ч. 1. Власть и гражданское общество. Архангельск: ИД САФУ, 2014. 363 с.

Ahtinen A., Isomursu M., Mukhtar M., Mäntyjärvi J., Häkkinen J., Blom J. Designing social features for mobile and ubiquitous wellness applications. In: Proceedings of the 8th international conference on mobile and ubiquitous multimedia (MUM '09), Article 12. Association for computing machinery. New York : UPC, 2009.

Bandura A. Social Foundations of Thought and Action: A Social Cognitive Theory. Hoboken : Prentice-Hall Inc, 1986.

Bengtson V.L. Beyond the Nuclear Family: The Increasing Importance of Multigenerational Bonds // Journal of Marriage and Family. 2001. №63(1). P. 1–16.

Bengtson V.L., Oyama P.S. Intergenerational Solidarity and Conflict: What Does It Mean and What Are the Big Issues? Chapter two. Intergenerational Solidarity Strengthening Economic and Social Ties. New York : Palgrave Macmillan, 2010. P.35.

Booth M.L., Owen N., Bauman A., Clavisi O., Leslie E. Social-cognitive and perceived environment influences associated with physical activity in older Australians // Preview Medicine. 2000. №31(1). P. 15–22.

Boulton E.R., Horne M., Todd C. Multiple influences on participating in physical activity in older age: Developing a social ecological approach // Health Expectations. 2018. №21(1). P. 239–248.

Butts D.M. Intergenerational service learning and volunteering // *New Directions for Philanthropic Fundraising. Special Issue: Philanthropy across the Generations*. 2003. №42. P. 59–69.

D’Haeseleer I., Gerling K., Schreurs D., Vanrumste B., Vanden Abeele V. Ageing is not a disease: pitfalls for the acceptance of self-management health systems supporting healthy ageing. In: *The 21st International ACM SIGACCESS conference on computers and accessibility (ASSETS ‘19)*. New York : Association for Computing Machinery, 2019. P.286–298.

Dionigi R. A., Fraser-Thomas J., Logan J. The nature of family influences on sport participation in Masters athletes // *Annals of Leisure Research*. 2012. №15(4). P. 366–388.

Flora P. K., Faulkner G. E. J. Physical activity: an innovative context for intergenerational programming // *Journal of Intergeneration Relations*. 2007. №4(4). P.63–74.

Harvey J. A., Chastin S. F. M., Skelton D. A. Prevalence of sedentary behavior in older adults: a systematic review // *International Journal of Environmental Researchers in Public Health*. 2013. №10(12). P. 6645–6661.

Hatton-Yeo A. *Connecting Generations — A Global Perspective*. International Consortium of Intergenerational Programmes. Keel University, England. 2002. P. 19.

Langhammer B., Bergland A., Rydwick E. The Importance of Physical Activity Exercise among Older People // *Biomed Researchers*. 2018. № 5. P. 856823.

Matthew K. *Using Technology to Connect Generations*. Penn State Intergenerational Program. URL: <http://aese.psu.edu/outreach/intergenerational/program-areas/technology> (дата обращения: 19.03.2023).

Mitts N. *Documenting Contributions of Civil Society Organisations to the WellBeing of Families*. Interactive Internet Forum. The Vienna NGO Committee on the Family. Vienna, 2004. P. 13.

Mori K., Harada E.T. Is learning a family matter?: experimental study of the influence of social environment on learning by older adults in the use of mobile phones // *Japan Psychological Researches*. 2010. № 52(3). P. 244–255.

Musich S., Wang S. S., Hawkins K., Greame C. The Frequency and Health Benefits of Physical Activity for Older Adults // *Population Health Management*. 2017. 20(3). P. 199–207.

Paterson D. H., Jones G. R., Rice C. L. Ageing and physical activity: Evidence to develop exercise recommendations for older adults // *Canadian Journal of Public Health*. 2007. № 98 (suppl. 2). P. 69–S108.

Phoenix C., Sparkes A. C. Keeping it in the family: narrative maps of ageing and young athletes’ perceptions of their futures // *Ageing & Society*. 2006. № 26(4). P. 631–648.

Powers M., Gray M., Garver K. Attitudes toward older adults: results from a fitness-based intergenerational learning experience // *Journal of Intergeneration Relations*. 2013. № 11(1). P. 50–61.

Rackow P., Scholz U., Hornung R. Received social support and exercising: an intervention study to test the enabling hypothesis // *British Journal of Health Psychology*. 2015. № 20(4). P. 763–776.

Ransdell L. B., Robertson L., Orne, L. et Moyer-Mileur L. Generations Exercising Together to Improve Fitness (GET FIT): A Pilot Study Designed to Increase Physical Activity and Improve Health-Related Fitness in Three Generations of Women. 2005. P. 77–94.

Rothausen T. J. ‘Family’ in organizational research: A review and comparison of definitions and measures // *Journal of Organizational Behavior*. 1999. № 20. P. 817–836.

Sandbulte J., Beck J., Choe E. K., Carroll J. M.: Turning points: motivating intergenerational families to engage on sustainable health information sharing. In: *International conference on information*. Netherlands : Springer Publisher, 2019. P. 741–753.

Thang L. L., Kalyani M. “Conclusion: Grandparenting in Contemporary Asia: Change and Continuity” // Mehta, Kalyani and Thang, Leng Leng, *Experiencing Grandparenthood*. Netherlands : Springer Publisher, 2012.

Trost S. G., Owen N., Bauman A. E., Sallis J. F., Brown W. Correlates of adults’ participation in physical activity: review and update // *Medical Sciences and Sports Exercises*. 2002. № 34(12). P. 1996–2001.

United Nation. *Family Policy in a Changing World: Promoting Social Protection and Intergenerational Solidarity*. Doha, Qatar. 14–16 April, 2009. P. 32.

United Nations. *Universal Declaration of Human Rights*. 1948. URL: <http://www.un.org/Overview/rights.html> (дата обращения: 19.03.2023).

Vanderbeck R. M. Intergenerational geographies: age relations, segregation and re-engagements // *Geography Compass*. 2007. № 1(2). P. 200–221.

WHO. *Global Recommendations on PA for Health*. 2010.

REFERENCES

Mozgovaya, E. I., Vodolazova, Zh. M., Gorsky, A. A., Volkova, O. A. (2021). Healthy lifestyle of the population in a pandemic: expert opinions of researchers and representatives of non-profit organizations. *Problems of social hygiene, healthcare and history of medicine*. 29(S1), 763-767. doi: 10.32687/0869-866x-2021-29-s1-763-767.

Political sociology (2014). In 2 parts. Part 1. Government and civil society / Verteshin A. I., Volkova O. A., Guzhavina T. A. and others; general ed. by V. K. Mokshin and S. I. Shubin. Part 1. *Government and civil society*. Arkhangelsk : SAFU Publishing House.

Ahtinen, A., Isomursu, M., Mukhtar, M., Mäntyjärvi, J., Häkkinä, J., Blom, J. (2009). Designing social features for mobile and ubiquitous wellness applications. In: *Proceedings of the 8th international conference on mobile and ubiquitous multimedia (MUM '09), Article 12*. Association for computing machinery. New York : UPC.

Bandura, A. (1986). *Social Foundations of Thought and Action: A Social Cognitive Theory*. Hoboken : Prentice-Hall Inc.

Bengtson, V. L. (2001). Beyond the Nuclear Family: The Increasing Importance of Multi-generational Bonds. *Journal of Marriage and Family*, 63(1), 1–16.

Bengtson, V. L., Oyama, P. S. (2010). Intergenerational Solidarity and Conflict: What Does It Mean and What Are the Big Issues? *Chapter two. Intergenerational Solidarity Strengthening Economic and Social Ties*. New York : Palgrave Macmillan. P. 35.

- Booth, M. L., Owen, N., Bauman A., Clavisi O., Leslie E. (2000). Social-cognitive and perceived environment influences associated with physical activity in older Australians. *Preview Medicine*, 31(1), 15–22.
- Boulton, E. R., Horne, M., Todd, C. (2018). Multiple influences on participating in physical activity in older age: Developing a social ecological approach. *Health Expectations*, 21(1), 239–248.
- Butts, D. M. (2003). Intergenerational service learning and volunteering. *New Directions for Philanthropic Fundraising. Special Issue: Philanthropy across the Generations*, 42, 59–69.
- D’Haeseleer, I., Gerling, K., Schreurs, D., Vanrumste, B., Vanden Abeele, V. (2019). Ageing is not a disease: pitfalls for the acceptance of self-management health systems supporting healthy ageing. In: *The 21st International ACM SIGACCESS conference on computers and accessibility (ASSETS '19)*. New York : Association for Computing Machinery. P. 286–298.
- Dionigi, R. A., Fraser-Thomas J., Logan J. (2012). The nature of family influences on sport participation in Masters athletes. *Annals of Leisure Research*, 15(4), 366–388.
- Flora, P. K., Faulkner, G. E. J. (2007). Physical activity: an innovative context for intergenerational programming. *Journal of Intergeneration Relations*, 4(4), 63–74.
- Harvey, J. A., Chastin, S. F. M., Skelton, D. A. (2013). Prevalence of sedentary behavior in older adults: a systematic review. *International Journal of Environmental Researchers in Public Health*, 10(12), 6645–6661.
- Hatton-Yeo, A. (2002). *Connecting Generations — A Global Perspective. International Consortium of Intergenerational Programmes*. Keel University, England. P. 19.
- Langhammer, B., Bergland, A., Rydwik, E. (2018). The Importance of Physical Activity Exercise among Older People. *Biomed Researchers* 5, 856823.
- Matthew, K. *Using Technology to Connect Generations. Penn State Intergenerational Program*. URL:<http://aese.psu.edu/outreach/intergenerational/program-areas/technology> (дата обращения: 19.03.2023).
- Mitts, N. (2004). Documenting Contributions of Civil Society Organisations to the WellBeing of Families. Interactive Internet Forum. *The Vienna NGO Committee on the Family*. Vienna. P. 13.
- Mori, K., Harada, E. T. (2010). Is learning a family matter?: experimental study of the influence of social environment on learning by older adults in the use of mobile phones. *Japan Psychological Researches*, 52(3), 244–255.
- Musich, S., Wang, S. S., Hawkins, K., Greame, C. (2017). The Frequency and Health Benefits of Physical Activity for Older Adults. *Population Health Management*, 20(3), 199–207.
- Paterson, D. H., Jones, G. R., Rice, C. L. (2007). Ageing and physical activity: Evidence to develop exercise recommendations for older adults. *Canadian Journal of Public Health*, 98 (suppl. 2), 69–S108.
- Phoenix, C., Sparkes, A. C. (2006). Keeping it in the family: narrative maps of ageing and young athletes’ perceptions of their futures. *Ageing & Society*, 26(4), 631–648.

- Powers, M., Gray, M., Garver, K. (2013). Attitudes toward older adults: results from a fitness-based intergenerational learning experience. *Journal of Intergeneration Relations*, 11(1), 50–61.
- Rackow, P., Scholz, U., Hornung, R. (2015). Received social support and exercising: an intervention study to test the enabling hypothesis. *British Journal of Health Psychology*, 20(4), 763–776.
- Ransdell, L. B., Robertson, L., Orne, Moyer-Mileur, L. (2005). *Generations Exercising Together to Improve Fitness (GET FIT): A Pilot Study Designed to Increase Physical Activity and Improve Health-Related Fitness in Three Generations of Women*. P. 77–94.
- Rothausen, T.J. (1999). ‘Family’ in organizational research: A review and comparison of definitions and measures. *Journal of Organizational Behavior*, 20, 817–836.
- Sandbulte, J., Beck, J., Choe, E. K., Carroll, J. M. (2019). Turning points: motivating intergenerational families to engage on sustainable health information sharing. In: *International conference on information*. Netherlands : Springer Publisher. P. 741–753.
- Thang, L. L., Kalyani, M. “Conclusion: Grandparenting in Contemporary Asia: Change and Continuity” In: *Mehta, Kalyani and Thang, Leng Leng, Experiencing Grandparenthood*, Netherlands : Springer Publisher, 2012.
- Trost, S. G., Owen, N., Bauman, A. E., Sallis, J. F., Brown, W. (2002). Correlates of adults’ participation in physical activity: review and update. *Medical Sciences and Sports Exercises*, 34(12), 1996–2001.
- United Nation. *Family Policy in a Changing World: Promoting Social Protection and Intergenerational Solidarity*. Doha, Qatar. 14–16 April, 2009. P. 32.
- United Nations. *Universal Declaration of Human Rights*. 1948. URL:<http://www.un.org/Overview/rights.html> (дата обращения: 19.03.2023).
- Vanderbeck, R. M. (2007). Intergenerational geographies: age relations, segregation and re-engagements. *Geography Compass*, 1(2), 200–221.
- WHO (2010). *Global Recommendations on PA for Health*.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Людмила Вячеславовна Тарасова — инспектор группы социальной работы отдела морально-психологического обеспечения (ГСР ОмПО), Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, г. Белгород, Россия.

Lyudmila V. Tarasova — inspector of the social work group of the Department of Moral and Psychological Support (GSR OMPO), Belgorod Law Institute, Belgorod, Russia.

Статья поступила в редакцию 05.05.2023;
одобрена после рецензирования 10.06.2023;
принята к публикации 15.06.2023.

The article was submitted 05.05.2023;
approved after reviewing 10.06.2023;
accepted for publication 15.06.2023.

СОБЫТИЯ НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

EVENTS OF SCIENTIFIC LIFE

Краткое сообщение / Short Communication

УДК 001.83

DOI: 10.14258/SSI(2023)2-15

О сетевом взаимодействии научных и образовательных центров (по материалам Международной научной конференции «Евразийская интеграция в новых условиях: особенности и перспективы»)

Галина Ивановна Осадчая¹

Ольга Александровна Волкова²

Светлана Геннадьевна Максимова³

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия,

¹osadchaya11@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2597-9724>

²Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия,
volkovaoa@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5325-0730>

³Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия,
svet-maximova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4613-4966>

Аннотация. Статья знакомит читателей с результатами прошедшей 19–21 апреля 2023 г. Международной научно-практической конференции «Евразийская интеграция в новых условиях: особенности и перспективы», организованной научными центрами, вузами и общественными организациями России, Армении, Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана по вопросам международного сотрудничества, стратегических исследований, высшего образования, интеграционной политики. Рассмотрены организационные особенности прошедшего в сетевом формате форума и его синергетические эффекты в условиях многополярного мирового порядка.

Ключевые слова: евразийская интеграция, международная конференция, научное сотрудничество, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН

Для цитирования: Осадчая Г.И., Волкова О.А., Максимова С.Г. О сетевом взаимодействии научных и образовательных центров (по материалам Международной научной конференции «Евразийская интеграция в новых условиях: особенности и перспективы») // *Society and Security Insights*. 2023. Т. 6, № 2. С. 223–231. doi: 10.14258/ssi(2023)2-15.

About Network Contacts of Scientific and Educational Centers (Based on the Materials of the International Scientific Conference “Eurasian Integration in the New Conditions: Features and Prospects”)

Galina I. Osadchaya¹
Olga A. Volkova²
Svetlana G. Maximova³

¹Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia, osadchaya111@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2597-9724>

²Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia, volkovaoa@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5325-0730>

³Altai State University, Barnaul, Russia, svet-maximova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4613-4966>

Abstract. The article acquaints readers with the results of the International Scientific and Practical Conference «Eurasian Integration in New Conditions: Features and Prospects» held on April 19–21, 2023, organized by the leading scientific centers, universities and public organizations of Russia, Armenia, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Uzbekistan, specializing in international cooperation, strategic research, higher education and integration policy. Organizational features of the forum, held in the network format and its synergistic effects in the conditions of multipolar world order, were considered.

Keywords: Eurasian integration, international conference, scientific cooperation, Institute of Demographic Research of the Russian Academy of Sciences

For citation: Osadchaya, G.I., Volkova, O.A., Maximova, S.G. (2023). About Network Contacts of Scientific and Educational Centers (Based on the Materials of the International Scientific Conference “Eurasian Integration in the New Conditions: Features and Prospects”). *Society and Security Insights*, 6(2), 223–231. (In Russ.). doi: 10.14258/ssi(2023)2-15.

Институт демографических исследований (ИДИ) ФНИСЦ РАН провел 19–21 апреля 2023 г. Международную научно-практическую конференцию «Евразийская интеграция в новых условиях: особенности и перспективы». Информационным партнером конференции выступил научный журнал «Society and Security Insights / Общество и безопасность». Для публикации в нем были отобраны лучшие доклады, соответствующие профилю журнала.

Соорганизаторами мероприятия выступили: Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН (ФНИСЦ РАН), Экспертный совет

по межкультурному диалогу и образованию в интересах устойчивого развития ГД РФ, Научный совет «Социально-политические и демографические проблемы формирования Евразийского экономического союза (ЕАЭС)» при Отделении общественных наук РАН, Алтайский государственный университет, Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева, Институт государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы (ИГСУ РАНХиГС) при Президенте Российской Федерации, Евразийский информационно-аналитический консорциум, Ассоциация «Аналитика», Российский государственный социальный университет (РГСУ), Институт философии, социологии и права НАН Республики Армения, Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Казахский национальный университет им. Аль-Фараби, Кыргызско-Российский Славянский университет, Институт стратегических и межрегиональных исследований при Президенте Республики Узбекистан, Международный общественный фонд «Российский фонд мира», Общественный фонд «Русское достояние», Ассамблея народов Евразии, Ассамблея народов России, Евразийская ассоциация социологов, Российская академия социальных наук, АНО «Институт приграничного сотрудничества и интеграции».

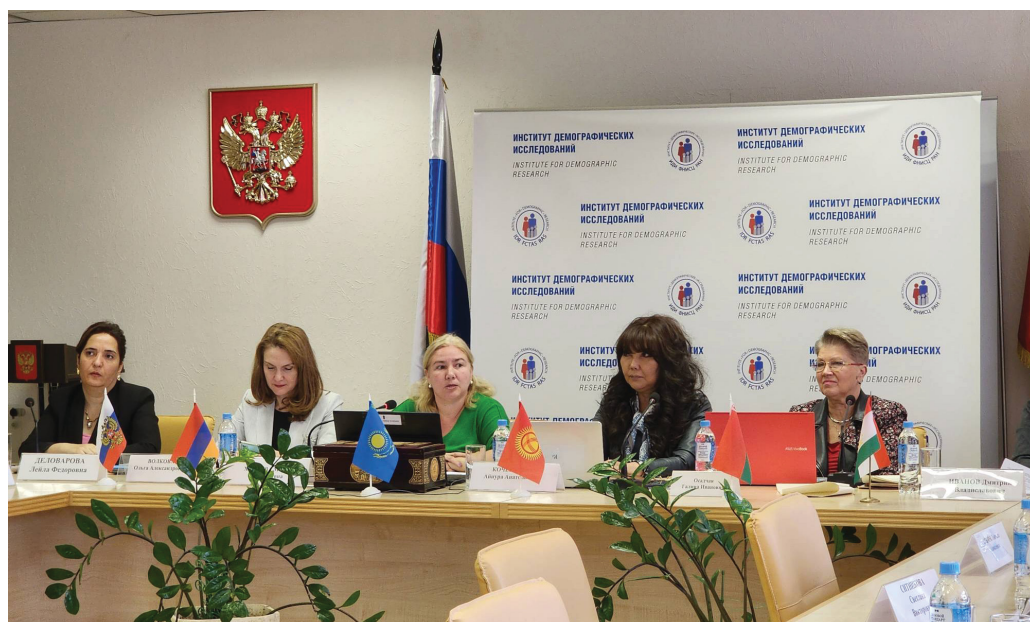

Рисунок 1 — Участники конференции

Figure 1 — Conference participants

Источник: из личного архива О. А. Волковой

Участников конференции приветствовали директор ФНИСЦ РАН, член-корреспондент РАН, доктор социологических наук, профессор **М. Ф. Черныш** (Москва, Россия), врио директора ИДИ ФНИСЦ РАН, доцент кафедры демографической и ми-

грационной политики МГИМО МИД России, кандидат физико-математических наук **М. Н. Храмова** (Москва, Россия), первый заместитель министра образования Республики Беларусь **А. Г. Баханович** (Минск, Беларусь), председатель комитета по социальной политике Жогорку Кенеш Кыргызской Республики **В. К. Раимбаева** (Бишкек, Киргизия), председатель исполкома Ассоциации «Аналитика», председатель Евразийского информационно-аналитического консорциума **Н. Н. Бордюжа**, (Москва, Россия), заместитель председателя Постоянной комиссии Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь по международным делам и национальной безопасности, профессор кафедры евразийских исследований, доктор исторических наук, профессор **А. В. Русакович** (Минск, Беларусь), ректор Казахского национального университета имени аль-Фараби, доктор филологических наук, профессор **Ж. К. Туймебаев** (Алматы, Казахстан), проректор Белорусского государственного университета, доктор физико-математических наук, профессор **К. В. Козадаев** (Минск, Беларусь), директор филиала Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова в г. Ташкенте, академик АН Республики Узбекистан, доктор экономических наук, профессор **К. Х. Абдурахманов** (Ташкент, Узбекистан), руководитель Департамента духовной культуры Ассамблеи народов Евразии **И. И. Полякова** (Москва, Россия).

В приветствиях от официальных лиц акцентировалось внимание на назревшей необходимости формирования общей инновационной базы по ключевым отраслям, включая совместное внедрение информационных технологий, наращивание инвестиционного сотрудничества, создание благоприятных условий для взаимных капиталовложений, формирование единого рынка труда мигрантов, развитие транспортных коридоров «север — юг — запад — восток».

Было обращено особое внимание на то, что общая траектория движения предполагает тесное сотрудничество в сфере образования. Поскольку на конференции заявлено множество преподавателей университетов, данное мероприятие направлено на налаживание и укрепление связей между вузами. А это ценно как для студентов, так и для преподавателей, а также для повышения научно-образовательного уровня в интегрирующихся странах. Образовательное и научное сотрудничество между конкретными организациями, конечно, представляет собой частные случаи. Однако оно является фундаментом для масштабной интеграции в других отраслях, в которых будут работать выпускники вузов.

Во главу угла ставились задачи обмена знаниями, опытом и инновационными идеями, которые помогут совместно развивать и укреплять отдельные регионы. Подчеркивалась приверженность отдельных вузов и научных организаций академическому сотрудничеству на международном уровне. Развитие науки и образования способствует укреплению дружбы и партнерства между странами и народами.

В приветствиях официальных лиц в адрес всех участников звучали пожелания плодотворной работы, новых научно-практических разработок, интересных и содержательных дискуссий и успешного сотрудничества в рамках этой конференции и после ее окончания, на основе сложившихся контактов.

На конференции приняли участие ученые из Армении, Афганистана, Беларуси, Венгрии, Кубы, Кыргызстана, Македонии, Пакистана, России, Таджикистана, Узбекистана и др.

Рисунок 2 — Работа конференции

Figure 2 — Conference work

Источник: из личного архива О. А. Волковой

Пленарную часть конференции начал член Коллегии (министр) по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии, председатель Научного совета Центра евразийской интеграции, академик РАН, доктор экономических наук, профессор **С. Ю. Глазьев** (Москва, Россия), который в своем видеодокладе «Евразийская интеграция: экономика, политика, общество» обосновал предпосылки и последствия интеграционных и дезинтеграционных процессов в современном мире. Центр мировой экономики постепенно смещается с Запада на Восток. Этот процесс сопровождается обострением социально-политической и военно-политической обстановки, введением и усилением санкций. Главенствующие элиты развернули мировую непрерывную войну против всех стран, которые выходят из-под контроля для того, чтобы удержать свою национальную идентичность в условиях глобализации.

Большой интерес вызвали пленарные доклады российских (Москва, Новосибирск, Санкт-Петербург) и зарубежных (Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Куба, Таджикистан, Узбекистан) ученых.

Результаты своих исследований подготовили сотрудники ИДИ ФНИСЦ РАН: заведующий отделом исследования социально-демографических процессов в ЕАЭС Института демографических исследований ФНИСЦ РАН **Г. И. Осадчая**, главный научный сотрудник Отдела исследования социально-демографических процессов в ЕАЭС Института демографических исследований ФНИСЦ РАН **О. А. Волкова**, главный научный сотрудник Отдела исследования социально-демографических процессов в ЕАЭС Института демографических исследований ФНИСЦ РАН **Т. Н. Юдина**, заведующий отделом этнодемографических, религиозных и интеграционных процессов Института демографических исследований ФНИСЦ РАН **В. Ю. Леденева** и др.

Рисунок 3 — Участники конференции

Figure 3 — Conference participants

Источник: из личного архива О. А. Волковой

Конференция имела исключительно сетевой характер, поскольку включала гармоничное сотрудничество нескольких площадок. В научных, образовательных и общественных организациях Астрахани, Барнаула, Белгорода, Минска, Москвы была организована работа следующих секций:

- «Стратегии социально-экономического развития большого евразийского партнерства» (модераторы: **Л. Ф. Деловарова, М. Л. Варганова**),
- «Демографическое развитие стран Евразии: динамика и современные тренды» (модераторы: **Л. В. Баева, О. И. Оськина, Ю. Г. Миронова**),
- «Новые социально-политические процессы на евразийском пространстве» (модераторы: **И. В. Лескова, Н. А. Михальченкова**),
- «Теория и практика анализа современных интеграционных процессов» (модераторы: **Т. В. Панова, В. С. Осипов**),
- «Таможенное регулирование как инструмент евразийской интеграции» (модератор: **Л. И. Тарарышкина**),
- «Социогуманитарное обеспечение интеграционного и демографического развития Евразии» (модератор: **О. А. Волкова**),
- «Межнациональные и межконфессиональные отношения, международная миграция и безопасность в трансграничном пространстве стран Центральной Азии и Большого Алтая» (модератор: **С. Г. Максимова**),
- «Сценарии развития миграционной ситуации в Евразии как территории интеграционных процессов» (модераторы: **Т. Н. Юдина, А. А. Кочербаева**).

Работа конференции включала дискуссионные площадки, на которых происходило решение практических задач достижения интеграции в Большой Евразии:

- круглый стол «Роль народной дипломатии в евразийской интеграции» (модераторы: **И. И. Полякова, В. Ю. Леденева**),
- «Приграничное и межрегиональное взаимодействие Евразийского экономического союза» (модератор: **В. А. Сапрыка**)
- заседание Межуниверситетского экспертно-аналитического центра «Каспийский международный дискуссионный клуб» — «Новые контуры Евразийского партнерства: проблемы устойчивости вектора» (модераторы: **Л. В. Баева, П. Л. Карабущенко, О. И. Оськина**).

Институт гуманитарных наук Алтайского государственного университета курировал секцию «Межнациональные и межконфессиональные отношения, международная миграция и безопасность в трансграничном пространстве стран Центральной Азии и Большого Алтая» (модератор — профессор, заведующий кафедрой социальной и молодежной политики, член Научного совета «Социально-политические и демографические проблемы формирования Евразийского экономического союза (ЕАЭС)» при Отделении общественных наук РАН, главный редактор журнала «Society and Security Insights» **С. Г. Максимова**), обобщившую более 30 выступлений докладчиков из Института российской истории и Центра исследования проблем безопасности РАН (Москва), Алтайского государственного университета (Барнаул), Уральского федерального университета (Екатеринбург), Пермского государственного национального исследовательского университета (Пермь), Тихоокеанского государственного университета, Высшей школы международных исследований и дипломатии (Хабаровск), Астраханского государственного университета им. В.Н. Татищева (Астрахань), ННГУ им. Лобачевского, Кыргызско-Российского Славянского университета (Кыргызстан),

КГМА им. И. К. Ахунбаева (Кыргызстан), Высшей гуманитарной школы (Казахстан). Дискуссия на секции выстраивалась вокруг тем национальной безопасности и пространственных аспектов евразийской интеграции, миграционных процессов, межкультурных коммуникаций, новых культурных идентичностей, религиозных и духовных ценностей.

Рисунок 4 — Аспиранты в перерыве конференции

Figure 4 — PhD students during the break of the conference

Источник: из личного архива О. А. Волковой

В работе конференции приняли участие более 300 человек, коллеги договорились об обмене научными результатами. Участники секций сосредоточили свое внимание на вопросах евразийской интеграции в новых условиях, на определении ее особенностей и перспектив.

Одним из приоритетных направлений социально-экономической евразийской интеграции признано повышение роли образовательного сотрудничества по подготовке кадров. Представители молодого поколения приняли активное участие в работе дискуссионных площадок. Важным для евразийской интегра-

ции признаны молодежные академические обмены. В условиях многополярного мирового порядка и в рамках национальных традиций центрального внимания заслуживает аналитическая работа опытных и квалифицированных ученых совместно с молодежью. При целенаправленном и компетентном наставничестве студенты и аспиранты являются перспективным субъектом евразийской интеграции, способствующей региональному развитию стран. Аспиранты, принявшие участие в работе конференции, включились в разработку направлений евразийской интеграции, пытаются спрогнозировать успешность возможных вариантов новых решений.

Участники конференции намерены заниматься вопросами развития научных и образовательных контактов, сотрудничества вузов и научно-исследовательских институтов, совершенствованием программ академического взаимодействия в целях развития евразийской интеграции. Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН стал инициатором и координатором по разработке направлений сотрудничества между российскими и зарубежными научно-образовательными структурами (в том числе в ходе переговоров с прибывшими представителями делегаций из Казахстана и Кыргызстана).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Галина Ивановна Осадчая — доктор социологических наук, профессор, заведующий Отделом исследования социально-демографических процессов в ЕАЭС, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Galina I. Osadchaya — Dr. Sci. (Sociology), Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCATS RAS, Moscow, Russia.

Волкова Ольга Александровна — доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Olga A. Volkova — Dr. Sci. (Sociology), Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCATS RAS, Moscow, Russia.

Максимова Светлана Геннадьевна — доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной и молодежной политики, Институт гуманитарных наук Алтайского государственного университета, Барнаул, Россия.

Svetlana G. Maximova — Dr. Sci. (Sociology), Professor, Head of the Department of Social and Youth Policy, Institute of Humanities, Altai State University, Barnaul, Russia.

Статья поступила в редакцию 24.04.2023;
одобрена после рецензирования 27.04.2023;
принята к публикации 01.05.2023.

The article was submitted 24.04.2023;
approved after reviewing 27.04.2023;
accepted for publication 01.05.2023.

SOCIETY AND SECURITY INSIGHTS

ВЕСТНИК АССОЦИАЦИИ АЗИАТСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ

2023. № 2. Том 6

*Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.*

Регистрационный номер ПИ №ФС 77-74389.

Дата регистрации 23.11.2018

Журнал распространяется по подписке АО «Почта России»

Подписной индекс ПО198

Цена свободная

Литературный редактор *Н. Ю. Ляшко*

Подготовка оригинал-макета, дизайн обложки *Ю. В. Луценко*

Редакция журнала Society and Security Insights:

ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»,

656049, Алтайский край, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61

Издательство Алтайского государственного университета,

656049, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66

Издательская лицензия ЛР 020261 от 14.01.1997.

Подписано в печать 30.06.2023. Дата выхода издания в свет 04.08.2023.

Формат бумаги 70×100 ¹/₁₆. Усл.-печ. л. 13,61. Гарнитура Minion Pro.

Бумага офсетная. Печать цифровая.

Тираж 300 экз. Заказ № 511

Отпечатано в типографии ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»:

656049, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66